

VISIT...

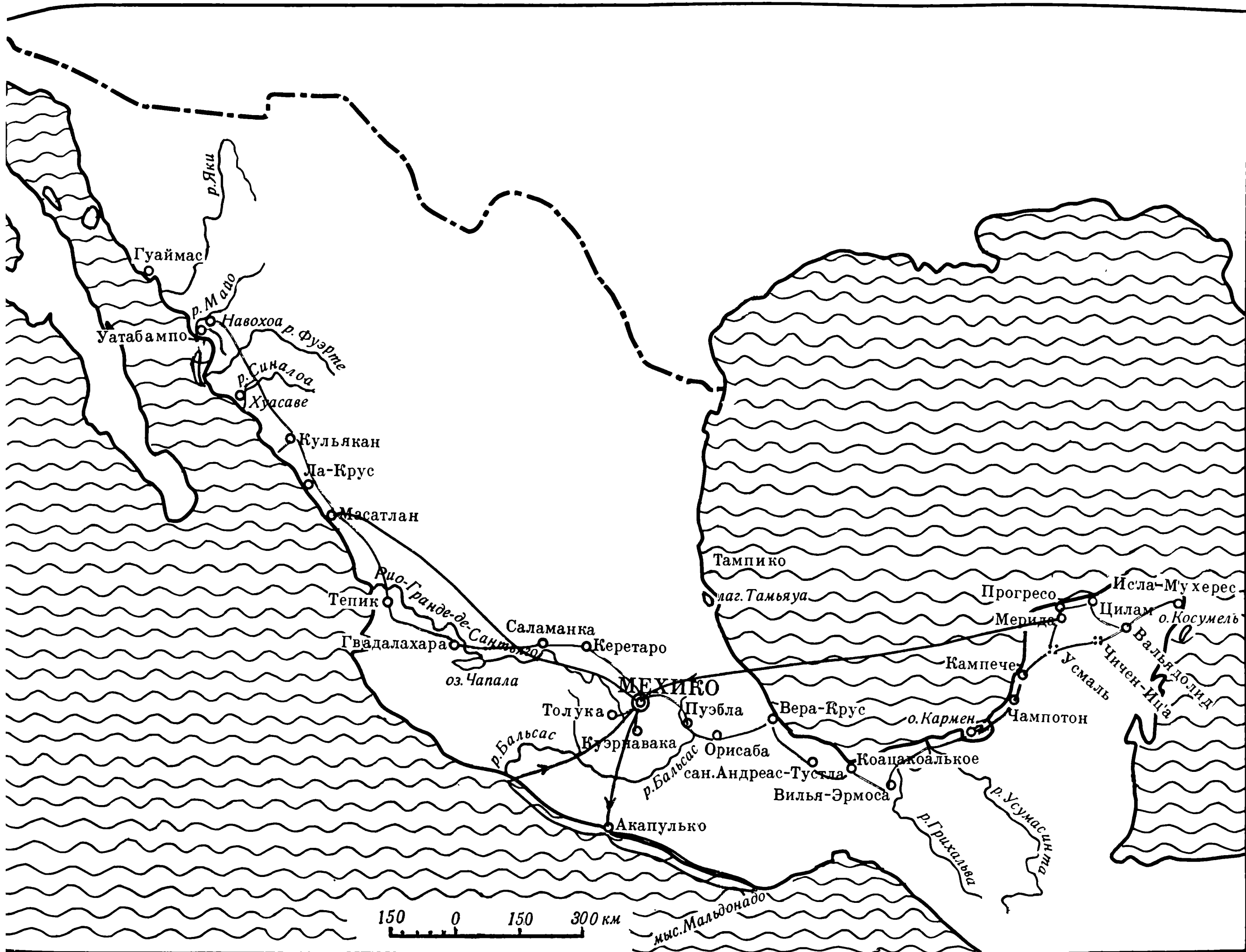
LANZAROTE
Caliente.COM

В. П. Зенкович МЕЖ ДВУХ ОКЕАНОВ

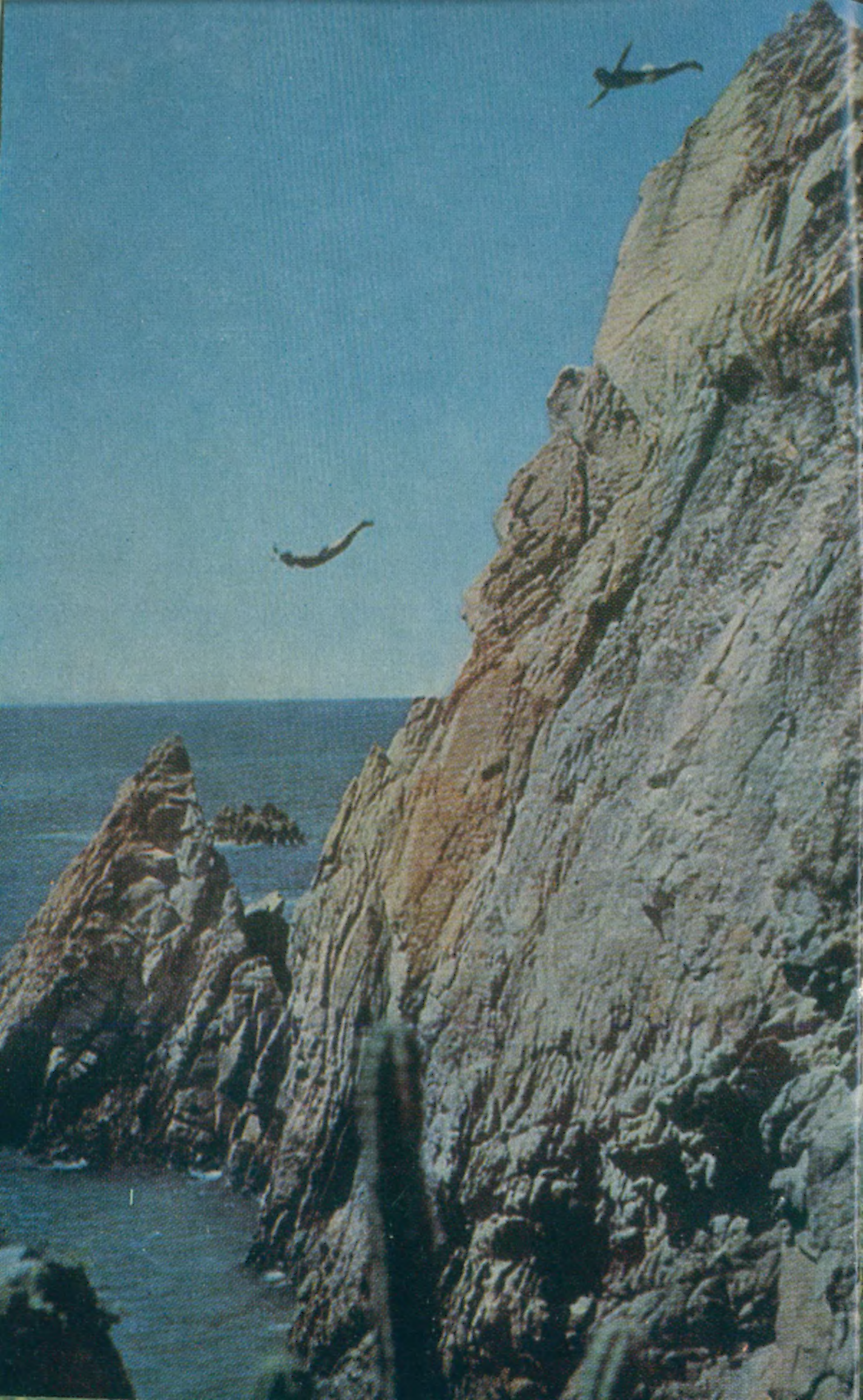

Всеволод Павлович Зенкович (родился в 1910 г.) — заведующий лабораторией Института географии Академии наук СССР, профессор, доктор географических наук, лауреат Ленинской и Государственной премий. Автор многочисленных научных и научно-популярных трудов, главным образом в области изучения береговой зоны моря. Данная книга написана по впечатлениям экспедиционных работ в Мексике: на побережье Калифорнийского залива и на полуострове Юкатан.

Прыгуны со скалы Кебрадо
Ребята принесли кокосовые орехи
Кактус пробивает чапарраль насквозь
Показался пик Орисаба

Все цветет весной в Соноре
Вот так мы и бродили в дельте Рио-Майо
Неверный поворот руля — и «шевроле» тонет в иле

Трудно оторвать глаз от мозаики на стене библиотеки

В джунглях Табаско

В этот сосуд бросали сердца жертв

Треугольные выступы на внутренней стороне бара
 В гончарном ряду
 Нас приветствовали юные ранчерос
 Недовольно взлетели с бортов пеликаны →

Один из поселков майя
Девушки охотно позируют
Вот оно, Карибское море

← Плохо работают буны на Юкатане
Над зарослью «оленерогих» кораллов
Пирамида Чичен-Ицы

В. П. Зенкович **МЕЖ ДВУХ ОКЕАНОВ**

В.П.Зенкович **МЕЖ ДВУХ ОКЕАНОВ**

Издательство
«Мысль»
Москва 1972

551
3-56

ГЛАВНАЯ РЕДАКЦИЯ ГЕОГРАФИЧЕСКОЙ ЛИТЕРАТУРЫ

Художник В. Харламов

2-8-3

178-72

I. В СТРАНУ ЛАГУН И ВУЛКАНОВ!

Вот какое письмо получил я на днях:

*Диего Муньос
Абасоло, 94, Уатабампо
Сонора, Мексика.*

10 сентября 1969 г.

Дорогой доктор В. Зенкович.

У нас с Эстелой хорошие новости. Мы имеем бэби. Он родился здесь, в Уатабампо, 26 августа. Это прекрасный крупный мальчик весом 3,4 килограмма и длиной 55 сантиметров. Он получился блондином с голубыми глазами. Мы его называли Диего Альфонсо.

Мы живем в этом городке с июльских праздников в прекрасном бунгало с садиком перед окнами и останемся здесь до нового года.

Очень было приятно получить от Вас книгу о Москве. Действительно, Ваш город очень красив, и мы мечтаем в будущем туда попасть. Все те, кто смотрел этот альбом, такого же мнения.

Теперь о работе. Я уже составил батиметрические карты лагун Яварос и Ахьябампо. Весь берег очень интересен. Сейчас сижу над минералогией песков. Скоро мы начнем делать геологические профили через дюнные поля, береговые террасы и приливные болота. После этого будем работать со шлюпки на всем протяжении от дельты реки Майо до Рио-Фуэрте. Готовимся нырять в аквалангах до глубин 50 метров.

В следующем письме я расскажу подробнее о результатах и буду просить Вас дать ряд советов.

Просим передать лучшие пожелания Вашей супруге.

Сердечно Ваши

Диего, Эстела

Диего еще при первой встрече сообщил, что месяц назад женился и через несколько дней покажет мне свою избранницу. С Эстелой мы познакомились в феврале на одном из приемов.

С Эстелой сразу стало как-то очень просто. Она держалась с достоинством, не жеманилась и ничуть не стеснялась своих 19 лет. Как водится, мы стоя пили «мартини» и острыми деревянными палочками брали с длинного стола закуски. Беседа велаась в основном о научных вопросах, так как прием состоялся по поводу очередного международного симпозиума, а Диего был приглашен как мой ученик и будущий помощник в новых для Мексики исследованиях.

Было заметно, с каким острым интересом Эстела изучает собравшихся и как скучнели ее глаза, когда в угоду дамам разговор переводился на тривиальные салонные темы. Здесь я и уяснил, что по-английски она научилась говорить еще в школе, а потом два года успела проработать машинисткой. С точки зрения утилитарной для будущего научного работника это очень подходящая пара. Но внешне они с Диего

были прямой противоположностью. Ничего мексиканского в облике Эстелы нет: тонкая миниатюрная шатенка с большими серыми глазами. Правильные черты, приятный овал лица. Особых примет не имеется. Одета скромно, но со вкусом. И рядом яркий, ширококостный, круглолицый, шумный Диего. Он, правда, был в строгом вечернем костюме, но волосы лохматились, как обычно, а красные подвижные лапы вовсе неуместно высывались из чуть коротких рукавов.

И сейчас, после письма, оба они опять перед глазами как живые. Уехав из Мексики после завершения работ, я нарочно ничего им не писал, хотя и послал альбом видов Москвы: молодежь должна написать первой.хлопот у юной четы было, конечно, много, и работа сложна, а, кроме того, в пустыне Сонора летом жара не ниже сорока градусов. Все это я понимал, но в глубине души было немножко обидно. Неужели впустую я корпел над изучением отчетов, мучаясь с трудным для меня испанским языком, впустую составлял им планы исследований на десять лет вперед? Нет, оказывается, работа пошла, ребята живы-здоровы и меня помнят.

В контракте консультанта ЮНЕСКО по морской геологии сказано, что в Мексике В. П. Зенковичу надлежит быть «советником по дальнейшему развитию исследовательских программ в области геоморфологии, геологии и седиментологии¹ применительно к изучению береговых лагун, перемещению морских наносов и борьбе с разрушением берегов». Все это абсолютно точно соответствует моей специальности, опыту и научным интересам. Вызывало недоумение лишь отсутствие каких-либо запросов или разъяснений от самих мексиканцев. Контракт я, однако, подписал, получил билет на самолет и стал собираться.

В огромном городе Мехико я разыскал местного представителя ЮНЕСКО и спросил, что, собственно, нужно делать.

¹ См. примечания в конце книги.

Оказалось, что придется работать по заданиям моего старого знакомого доктора Агустина Айала-Кастаньярес.

Научная его специальность — изучение фораминифер — мельчайших одноклеточных животных в скорлупке из известня или тонкого песка. По их видовому составу в толщах горных пород определяют возраст и условия отложения данного слоя. При разведках нефти это имеет громадное значение.

Одновременно Айала является директором Института биологии и заведующим отделом морских наук Института геологии национального университета Мехико, председателем Комитета по развитию морских наук в Мексике, членом исполнительного совета университета, членом Международного научного комитета океанографических исследований, консультантом созданной после национализации в 1937 году нефтяной промышленности Мексики государственной компании «Пемекс» и прочая, и прочая. Легко представить, что при такой нагрузке ему было просто некогда продиктовать письмо будущему консультанту.

Так и оказалось. В ответ на недоуменный вопрос он пожал плечами.

— А что, собственно, писать? Вы нас знаете, и мы вас знаем. Разговор был еще в 1967 году. Лучше я вам коротко все расскажу сейчас.

— Согласен.

— Вы наши креветки ели? А знаете, что их экспорт в США ежегодно приносил больше полутора миллионов долларов. Ну так слушайте...

Креветки здесь я ел. Они вдвое крупнее наших владивостокских, но вдвое меньше тех, что ловятся, например, в Желтом море. В общем около десяти сантиметров. Однако не в размерах дело. Вкус у них отменный, и в Мехико они стоят 45 песо за килограмм!² Креветки для икреметания входят в лагуны, и личинки вырастают в них до взрослого состояния. Потом креветки возвращаются в море, гуляют там, не знаю точно, год или больше (даже биологи этого еще не установили) — и обратно, в лагуну! Здесь они находят пищу и

спресненную воду. Оба последних фактора тесно связаны, так как питательные соли, вносимые реками, определяют обильное развитие растительного и животного планктона и общее богатство органическим веществом воды (цветет!) и даже грунта, которым креветки не брезгают в некоторые периоды. Так или иначе, пресная вода в определенной смеси с морской им жизненно необходима.

Главные районы промысла — побережье штатов Сонора и Синалоа на материковом берегу Калифорнийского залива. При слове «Сонора» я вздрогнул: поэтическая пустыня, описанная еще Джеком Лондоном! Уникальные кактусы-гиганты! Неужели туда?!

За последние годы основные реки побережья были перегорожены плотинами для ирригации и получения электроэнергии. Сток в море резко сократился. В лагунах, соединенных с морем проливами, увеличилась соленость. Те, что имеют с ним временное соединение, усыхают за осень и зиму, и соль отлагается прямо у берегов.

— Как у вас в Кара-Богаз-Голе,— блеснул эрудицией Айала.

Короче говоря, промысел упал примерно вчетверо, и его нужно восстановить.

Местность, прилегающее море и сами лагуны совершенно не изучены. Нет даже крупномасштабных карт. Университет заключил контракт на исследования и получил большие средства на работы. Главное там — выяснить биологию креветок и всех обитающих в лагунах организмов, а также водный режим лагун. Его нужно будет изменять. Вот для последнего и нужна геология. Придется проводить каналы. Берега стали местами разрушаться. Необходимы прогнозы. Видите, сколько вам дела?

— Там собраны квалифицированные инженеры, и проекты уже разрабатываются,— продолжал Айала.— Вам придется им лишь немного помочь. Проверить, так ли все на самом деле, и подсказать, где и что можно улучшить. Но это еще не самое важное. Главное, что часть полученных по контракту средств мы решили употребить на широкие теоретические ис-

следования. Биологи и океанографы у нас есть. А с морскими геологами, сами знаете, пока плохо. Я дам вам двух молодых парней. Одного вы знаете — это Диего. Посмотрите с ними весь район и разработайте программу. Исследования мы начали еще в прошлом году. Вот материалы,— он протянул мне три большие папки,— изучите! Как ваш испанский? Прогрессирует?

Тут мне стало стыдно. Со времен Кубы (1965 год) я ни капельки не повысил уровень своих познаний. В чемодане, правда, лежали испанский учебник и словарь, и с их помощью я надеялся одолеть в сущности несложный научный текст.

— Наши сотрудники там и сейчас работают, а вообще исследования рассчитаны примерно лет на пять.

Не помню, чтобы темпераментный Айала говорил со мной когда-либо так долго, как в тот раз. Он весь в движении. Даже когда бездействуют оба телефона и не нужно прижимать плечом трубку (для этого на них сделаны специальные подпорки), он непрерывно перебирает на столе какие-то бумажки и вещицы, шевелит черными усиками, морщит лоб, то и дело трясет головой. Широкое лицо с черными, близко поставленными глазами быстро меняет выражение. Айала то негодует, то расплывается в теплой улыбке, то на несколько секунд вопросительно уставится на собеседника. Говорит он отрывисто, точно отдает команду. За нервную торопливость, наверно, институтская молодежь и дала ему прозвище Газ. Это производное от имени Агустин, но здесь имелся в виду тот эффект, который получается, когда нажимаешь в машине педаль акселератора («дать газу»).

Звонки стали чаще, несколько раз входила секретарша, за дверью слышались голоса собравшихся посетителей. Аудитория явно подходила к концу.

— Берите отчеты, изучайте все материалы. Займите мой кабинет в Институте геологии. Обо всем спрашивайте Диего Муньоса. Вы его помните? Даю двадцать дней на подготовку и адаптацию, а потом поедете!

Трудно было запомнить старинные, преимущественно еще

индейские названия лагун. Неделя ушла на это. Я твердил их, как молитву, утрами по пути в институт: «Яварос, Этчоропо, Моронкарит, Ахьябампо, Эсквинапа, Кайманеро». Легче оказалось представлять их зрительно после изучения мозаик аэрофотосъемки³. Моронкарит круглая, Кайманеро самая длинная с пережимом, Яварос с большим островом, Ахьябампо двойная и т. д. Средняя длина подлежащих изучению лагун — порядка пятидесяти километров. Яварос вдвое меньше, но широкая. Некоторые лагуны вторичные, и размеры их невелики. Они соединяются с морем протоками через главные лагуны.

Знакомство автора с берегами Мексики началось в 1967 году, когда в декабре в Мехико происходил Международный симпозиум ЮНЕСКО под общим названием «Строение и происхождение береговых лагун». На подобных симпозиумах, посвященных сравнительно узкой теме, бывает заявлено множество самых разношерстных докладов, преимущественно молодых ученых, которым хочется завоевать мировую известность. В большинстве это бывают докладчики от страны-устроителя, и само место проведения симпозиума в какой-то мере говорит об интересах данной страны к объекту исследований.

Чтобы направить работу симпозиума в нужное русло, оргкомитет ведет отбор докладов и исключает те из них, которые выпадают из общей задачи. Кроме того, приглашаются несколько лекторов, чтобы прочесть вводные или суммирующие доклады по проблеме. Поскольку приглашенным лекторам оплачиваются проезд и пребывание на симпозиуме, то их же обычно нагружают и организационной работой по проведению заседаний. На лагунном симпозиуме подобная честь была оказана и автору этой книги.

Обратная сторона медали заключается здесь в том, что нужно несколько месяцев потратить на изучение как общего вопроса, так и специальной литературы, а также условий той страны, где предстоит работа. А уже на симпозиуме я решительно предпочел бы сидеть в зале и внимательно прослушать лишь те доклады, которые интересны с твоей точки зрения

(геолога). Вместо этого пришлось председательствовать на секции и тем самым упустить возможность завести новые интересные знакомства среди специалистов, да и внимание рассредоточилось на массу вопросов, известных мне ранее только понаслышке.

Потери я старался компенсировать повышенной активностью на приемах, которых во время каждого симпозиума бывает по нескольку. На одном из них мы и познакомились по-настоящему с Гильермо Саласом, тогдашним директором Института геологии Мексиканского университета и одним из руководителей «Пемекса». К беседе примкнули несколько ученых США и Голландии, и здесь-то я и посетовал, что страна, дескать, настолько интересна и столь разнообразны ее лагуны, а мы ни того ни другого не сможем даже издали увидеть. Прием этот происходил в большой вилле Гильермо, и любезному хозяину не оставалось ничего более, как помочь нам в создавшемся положении. Подумав, он предложил ни много ни мало как предоставить нам аэросъемочный самолет, чтобы в сопровождении двух молодых мексиканских ученых облететь за два дня наиболее интересный для сеньоров район.

Как инициатор предприятия, я не стал ломаться и сразу сказал: «Тихоокеанская сторона и желательно на юге».

Всех это устроило, и на следующий день после торжественного закрытия симпозиума мы должны были собраться в 7 утра на аэродроме.

Продолжая разговор, Гильермо заметил:

— По-моему это правильный выбор, тем более что там можно воочию убедиться в правильности некоторых положений вашей теории.

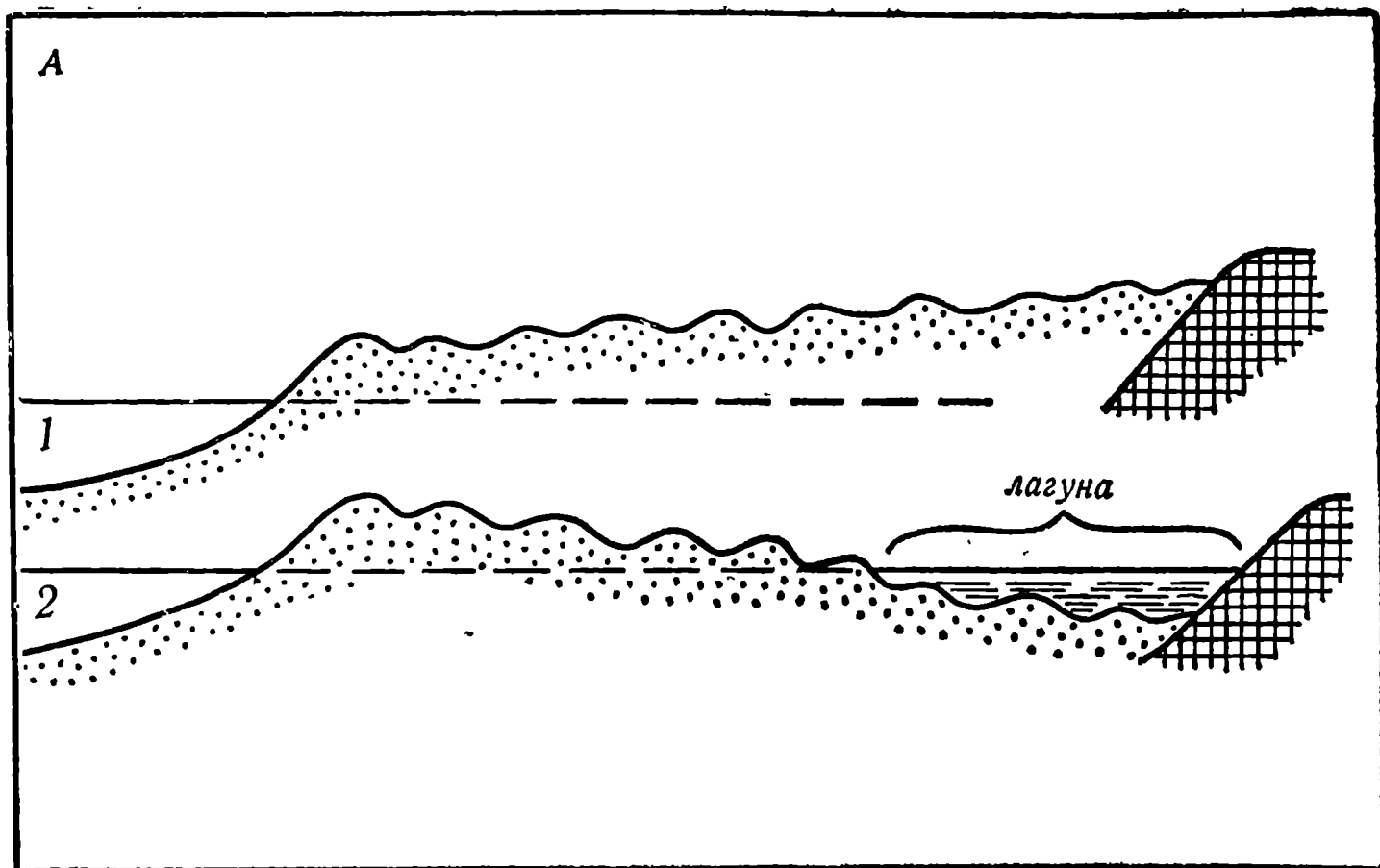
Речь шла в данном случае об очень простых вещах. Еще в 1950 году после цикла исследований лагун запада Черного моря и Камчатки я обратил внимание на некоторые закономерности, которые никому раньше не пришло в голову продумать. Но сначала нужно рассказать, что такое вообще лагуны и почему они столь интересны, что по ним даже созываются международные симпозиумы.

Вдоль одной восьмой морских берегов всего земного шара протягивается узкая песчаная (редко галечная) полоса. Сотнями километров она вообще не соединена с материком, но на отдельных участках образуются перемычки. Это или дельты рек, или коренные выступы неровного рельефа гористой суши. Такую наносную полосу в русской литературе называют или пересыпью, или береговым баром⁴. Между ним и сушей располагается узкая и обычно очень мелководная акватория лагуны. По внешнюю сторону пересыпи морское дно бывает очень отлогим.

В сухом климате лагуны обычно летом пересыхают, как у нас на Каспии, и вместо воды в них белеет пласт соли. Во влажном климате в лагуну открываются реки или в нее стекают дождевые воды. В таких условиях лагуны постепенно наполняются илом и могут за сотни или немногие тысячи лет исчезнуть.

Если в море есть достаточно высокие приливы, то лагуны соединяются с ним одной или несколькими узкими протоками. Соленость лагун обычно отличается от морской. Она может быть выше или ниже. В обоих случаях большинство морских организмов жить в лагунах не может. Но те, которые приспосабливаются к новым условиям, развиваются в громадных количествах, не встречая конкуренции со стороны других видов. Воды лагун обычно очень богаты питательными веществами. Поэтому в лагунах нерестятся некоторые рыбы (а в Мексике также креветки). Молодь обитает в лагунах до взрослого состояния, после чего снова уплывает в море. На происходившем симпозиуме я узнал, что даже серые киты, которых уже мало сохранилось на свете, заходят в лагуны Калифорнийского залива для откорма.

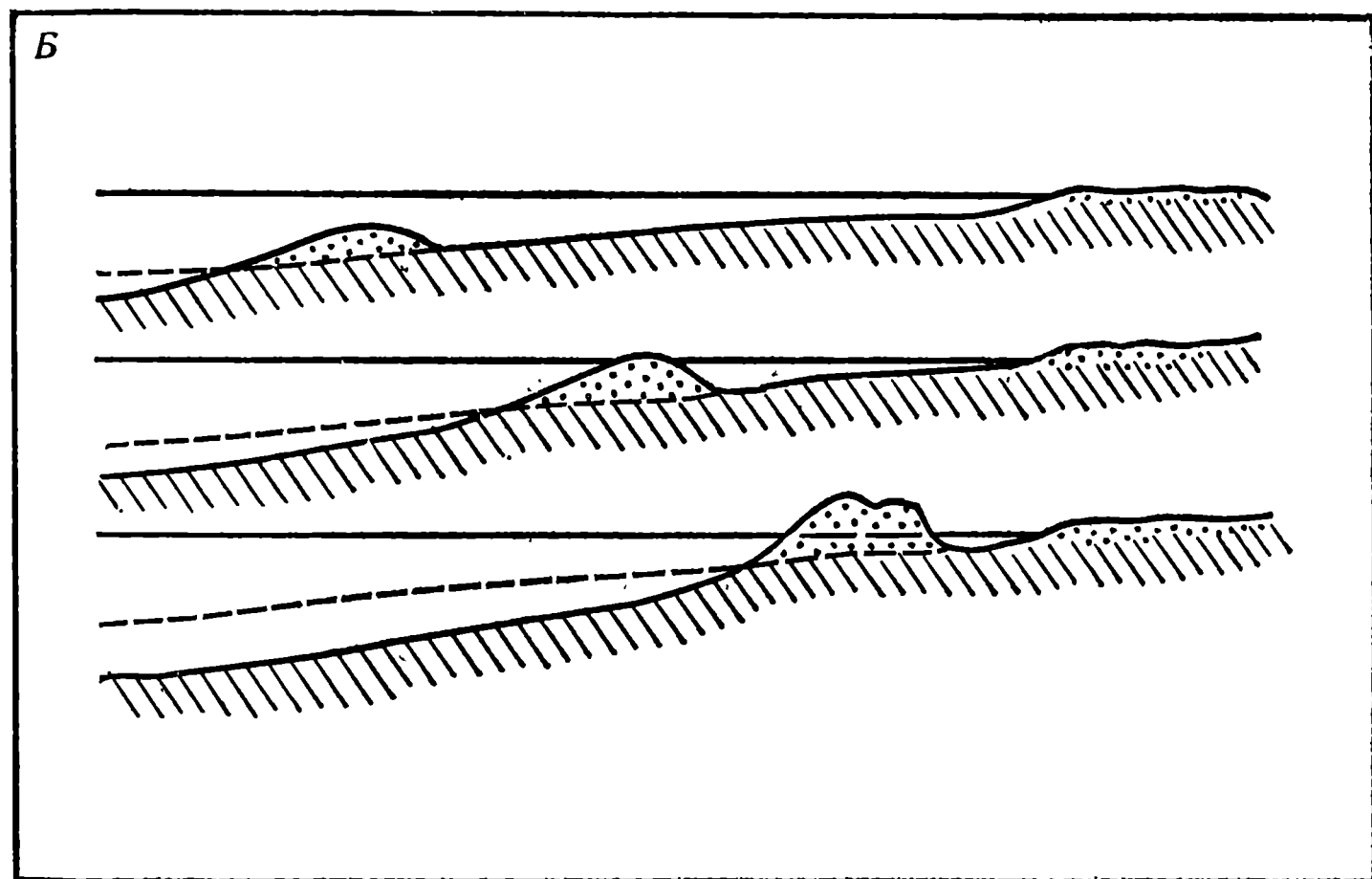
В некоторых лагунах добываются соли. В сухом и жарком климате воды лагун пересыщаются солями, и последние осаждаются в строгом порядке, в соответствии с их химическими свойствами. Особенно ценны соли магния, различные сульфаты, а также соединения брома и йода, которые накапливаются в «рапе» (рассолах). Наиболее известные химические

А. Береговые валы на:

1 — поднимающихся, 2 — погружающихся берегах.

Б. Схема образования берегового бара и лагуны

промыслы у нас в Союзе находятся на Кара-Богаз-Голе, а также в лагунах западного Крыма.

Лагуны дают интереснейший теоретический материал для биологов-теоретиков. Им важно знать, сколь быстро и до какой степени происходит приспособление (адаптация) различных видов организмов к чуждой для них среде.

Геологи интересуются лагунами потому, что в них можно изучить условия формирования не только солей, но еще и многих других ценнейших полезных ископаемых — нефти, каменного угля, бокситов и др. С точки зрения геолога, лагуной можно называть любой водоем, соленость и органический мир которого отличаются от морских.

Но настоящие лагуны (узкие и длинные), охарактеризованные выше, тем и интересны для геоморфолога, что очень трудно понять, как могли образоваться в море тонкие песчаные барьеры. Изучение этого вопроса имеет очень долгую историю, насчитывающую во всяком случае больше ста лет. Французский ученый Эли де Бомон впервые наиболее полно (еще в 1845 году) выразил следующую мысль. Пересыпь возникает в результате перемещения наносов волнами с плоского морского дна в сторону берега. По мере уменьшения глубин падает и энергия волны. Поэтому на некотором расстоянии от берега из наносов формируется подводный вал, а поскольку подача материала к нему продолжается, то он и выходит над водой в виде барьера, отделяющего от моря акваторию лагуны.

В принципе эта точка зрения правильна. Однако надо было установить весь комплекс условий, благоприятствующих созданию лагун, и объяснить причины их различий в разных местах земного шара. Пересыпи лагун лишь один из многих типов аккумулятивных образований, созданных волнами из наносов. Чаще из этих наносов формируются низкие террасы или даже вытянутые наносные равнины, окаймляющие подножия горных склонов, приближенных к морскому берегу. Изучение состава материала пересыпей и террас показало, что иногда они действительно сформированы морем (например, есть террасы и пересыпи, целиком состоящие из обломков мор-

ской ракушки). Чаще встречаются подобные же формы, сложенные продуктами разрушения прибрежных обрывов или выносами рек.

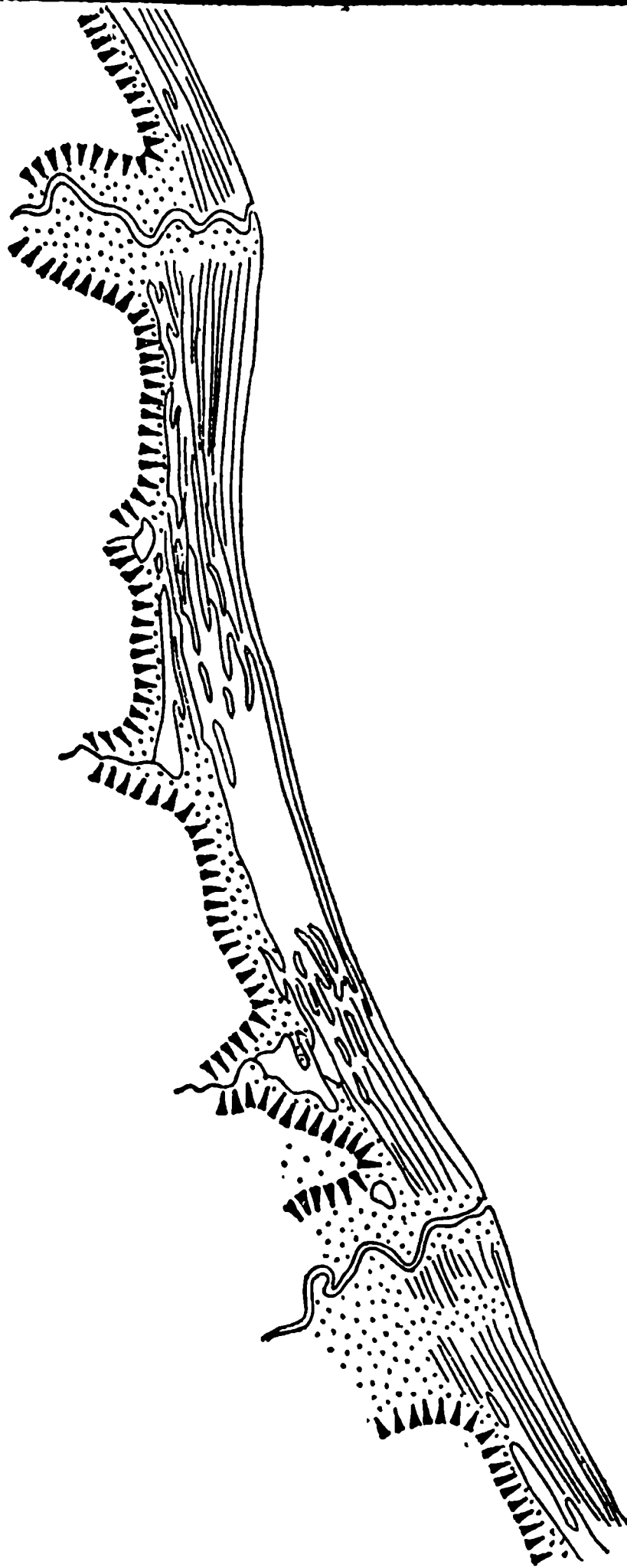
В Крыму и на Камчатке (а впоследствии на Чукотке) я обратил внимание на два обстоятельства.

Первое: бурение на дне ряда лагун показало, что в них отсутствуют морские отложения. Из этого следует, что они никогда не были частью моря. Под слоем типично лагунных начинались сразу наземные отложения, характерные для данного района. Стандартная схема происхождения лагун в данном случае не подходит.

Второе: удалось проследить переходы между лагунным и террасовым берегами. В исследованных районах за последние тысячелетия происходило медленное погружение суши. Оно четко отразилось в профилях аккумулятивных террас, поверхность которых представляет собой ряды береговых валов. Гребни этих валов становятся тем ниже, чем дальше от моря. Ширина террас неодинакова (500—3000 метров). Она зависит от общего рельефа прилегающей местности, очертаний берега и количества наносов, поставляемых в данный район реками с суши.

И вот на протяжении немногих десятков километров удалось в ряде мест найти взаимопереходы следующих типов берега: а) террасы, примыкающие непосредственно к горным склонам; б) террасы, тыльная сторона которых затоплена; далее в) такие же террасы, где ширина затопленной части занимала примерно половину расстояния от уреза до подножия горных склонов и, наконец, здесь же г) типичные узкие пересыпи «стандартных», но не очень длинных лагун. Таким образом, становится ясно, что лагуна может образоваться без выбрасывания наносов со дна. В лагуну превращается тыльная сторона террасы, если одновременно с ее нарастанием происходит погружение местности.

Схема взаимопереходов береговых аккумулятивных террас и лагун →

Откуда же берется материал террасы, а затем и пересыпи? Ответ простой. Это песок и щебень, выносимые реками и возникающие при разрушении береговых обрывов на смежных участках. Материал транспортируется затем на большие расстояния вдоль берега действием косо подходящих волн и возбуждаемых ими береговых течений.

На мексиканском симпозиуме многие слушатели восприняли рассказанное как новинку. Мне было задано много вопросов. Когда я помянул, что эти вещи были опубликованы еще в 1950 году и вошли в советские сводки и учебники и что я в своем докладе лишь привел новые примеры, то в который уже раз услышал сожаление: почему мы не публикуем краткие изложения своих работ на одном из западных языков или хотя бы не снабжаем свои русские статьи развернутыми иностранными резюме?

Действительно, почему? В таких случаях я не знаю, что отвечать...

Гильермо Салас и был одним из тех участников симпозиума, кто отметил интерес этих элементарных (с нашей точки зрения) построений и их применимость к некоторым районам Мексики. В частности, наиболее широкие в мире террасы с береговыми валами описаны именно в Мексике. Зона валов вблизи устья рек Усумасинта и Грихальва (провинция Табаско) достигает 30 километров, а на тихоокеанской стороне, южнее города Масатлан, — 15 километров. И в обоих случаях тыл террас представляет собой или непроходимые болота (часть бывшей лагуны), или открытые акватории, расположенные далеко от моря и совершенно опресненные.

Не все энтузиасты полета смогли собраться утром в аэропорту. Кажется, я оказался самым старшим из них. В нашу международную компанию в числе других вошли эксперт ЮНЕСКО Франц Бютце и американец Дж. Кёррэй. Сопровождали нас два мексиканца — Роберто Посада и Диего Муньос.

Марки самолета я не знаю. По типу это «стрекоза» с двумя несущими плоскостями. По темпу, увы, «тихоход» с одним

поршневым двигателем. По вместимости — восемь человек. В средней части кабины зияет отверстие, и над ним зафиксирована аэросъемочная камера. На каждом сиденье лежал сверток в целлофане — завтрак, заботливо приготовленный нам по распоряжению Гильермо Саласа.

На вулканическом нагорье Мексики среди темного леса поднимаются голые мягкие холмы, совсем потерявшие форму вулканов. Нагорье оказалось здесь узким. Уже через пятнадцать минут самолет прошел над плоской депрессией и городком Куэрнавака. А на горизонте уже вставали новые горы. Очень красивы были узкие поперечные каньоны, рассекавшие по несколько хребтов. В ложе каньонов голубыми ниточками сверкали потоки. По южному краю гор они соединялись в речки — притоки Бальсас, одной из крупных рек на стыке Центральной и Южной Мексики.

В эру реактивных самолетов, летающих почти в стратосфере, мы забыли, что такое болтанка. Но здесь, над горами, восходящие потоки теплого воздуха давали себя знать. Пилот Дельгадо посмеивался, видя, как его пассажиры впиваются на «ухабах» в ручки кресел.

— Сеньорес, — крикнул он нам из кабины, — пристегнитесь лучше ремнями. Удобнее будет смотреть!

К чести нашей компании нужно заметить, что ни один не подавал признаков укачивания. Люди испытанные — так и должно было быть!

Самолет не снижаясь пошел на пересечение Южной Сьерра-Мадре, за которой должен был открыться Тихий океан. В этих последних горах на удивление хорошо сохранились плоские поверхности древнего пенеплена⁵, обрезанные крутыми обрывами и рассеченные с краев глубокими короткими долинами. Здесь, хотя и на большой высоте, мы шли близко от поверхности нагорья, и на земле можно было различить поля ячменя и отдельные деревни.

И вот наконец прибрежная низменность. Самолет стал резко снижаться. Быстро промелькнули резко расчлененные холмы предгорий, а за ними по краю моря вытянулась широ-

кая, тонко исштрихованная полоса. Линии шли идеально ровно и строго параллельно друг другу. Невозможно было понять, что это такое, пока Франц не объяснил, что под нами плантации кокосовых пальм. За несколько секунд перемахнули мы узкую лагуну, и летчик сделал вираж над океаном, чтобы следовать к югу-востоку вдоль пересыпи.

Началась работа. Я попросил лететь на высоте 1000 метров и так, чтобы пересыпь была видна под углом 30 градусов — наиболее удобное положение для перспективных снимков. С собой у меня был «Зенит», заряженный цветной обратимой пленкой. Однако здесь я недооценил яркость тропического полдня и отражение света от чистой морской синевы. Фото вышли примерно с двойной передержкой. Память сохранила цветовой контраст жемчужных лагун, отделенных от океанической синевы темно-серой узкой лентой пляжа. Шла пологая зыбь, и несколько рядов сверкающего буруна свидетельствовали об отмелости взморья.

Самолет вышел к морю чуть восточнее Акапулько, и отсюда мы направились к мысу Мальдонадо. Расстояние около двухсот километров пришлось преодолевать больше часа. Я попросил пройти еще далее к востоку, к дельте Рио-Верде, но, увы, оказалось, что пришла пора поворачивать: горючего хватит, только чтоб вернуться для заправки в Акапулько. Теперь уже мы шли над самой пересыпью и включили вертикальную аэрофотокамеру. Салас обещал прислать мне наиболее интересные снимки.

Впечатлений и наблюдений за время полета накапливается так много, что на память надеяться нельзя. Почти весь обратный путь я вел свои записи и следил за курсом и работой фотоаппарата. Все заметки делались строго по часам, чтобы потом можно было восстановить маршрут.

Если отвлечься от деталей, то берег был классически прост. Акапулько и Мальдонадо — единственные коренные выступы. Это горные отроги, дотянувшиеся до моря. Стекающие с хребта реки соединяются по нескольку, и примерно через каждые 40—60 километров накопления аллювия пересекают пояс лагун ши-

рокими перемычками. Последние доходят до моря, образуя небольшие выпуклости береговой линии. Русла этих рек блуждают между береговыми валами. По извилинам можно видеть, что они отклонены преимущественно к востоку, в сторону далекого залива Теуантепек.

Ширина лагун не превышает пяти километров. Они тянутся длинной цепочкой, точно нанизанные на шнурок гигантские сосиски. Пересыпи достаточно широки, чтобы через них не переливались волны самых сильных штормов. Обычно в средней части они имеют 200—300 метров в поперечнике, а к концам расширяются до километра и более. На пересыпях видны гирлянды береговых валов. Песок повсеместно серый, как это обычно бывает, когда он «свежий», то есть образуется неподалеку при разрушении изверженных и вулканических пород, богатых темными минералами (так называемые полимиктовые пески).

Кёррэй больше всего интересовался именно этими широкими участками и, показывая рукой на те места, где одна серия валов срезала другую, кричал мне в ухо, что в провинции Наярит все это можно видеть в удесятеренном масштабе и что, по-видимому, на всем тихоокеанском берегу Мексики тысячелетиями происходят миграции речных устьев и перестройка всех берегов вместе с лагунами.

Я тогда не смел и мечтать о том, что увижу эту мифическую область Наярит, о которой Кёррэй докладывал на симпозиуме. Ему удалось проследить эволюцию берега (используя материалы аэрофотосъемки) за последние пять тысяч лет. Однако где-то в глубине сознания запечатлевались и виденные картины, и его комментарии. Наярит лежит в устье Калифорнийского залива, примерно в тысяче километров от здешних мест.

Зато район работ Франца Бютце — дельта крупной реки Бальсас — вполне в пределах достижимости, и мы завтра там будем. Франц особенно горевал, что нам не удалось увидеть дельту Рио-Верде. Ведь даже с воздуха, мимолетно можно под-

метить черты сходства и различий форм берега — те, что так много говорят об общих закономерностях глазу специалиста.

О некоторых сделанных в полете наблюдениях также следует упомянуть. Кое-где с тыльной стороны пересыпей различались молодые ряды кокосовых пальм — лишнее доказательство того, что морская вода этих мест не достигает. Хотелось думать, что посадки стали там делать только сейчас, потому что условия изменились в благоприятную сторону: скажем, выросла пересыпь за последние десятилетия или понизился уровень грунтовых вод из-за новых накоплений песка, навеянного ветром. Но нет, такие заключения слишком рискованны. Когда я спросил Роберто Посада, он сказал, что вообще культура кокосовых пальм в этих местах насчитывает не более пятидесяти лет.

Я часто посматривал вертикально вниз через отверстие рядом с аэрофотокамерой. Оттуда рвался приятно охлаждающий воздух, а кроме того, проглядывалось мелководье с причудливо изогнутыми подводными песчаными валами. Такие валы — своеобразные иероглифы, которые рисует море, фиксируя вечную перестройку форм мезорельефа дна от шторма к шторму.

Сначала в одном месте, потом дальше можно было заметить сквозь зеленоватую воду каких-то странных «головастиков». Сообразив, что с километровой высоты «головастик» должен иметь минимум три метра в длину, я удивился. Собственно, это было обтекаемое каплевидное тело, похожее на фюзеляж самолета. Что же это могло быть? И наконец, когда они стали встречаться десятками, а на многие километры это составит сотни и, должно быть, тысячи, я поманил рукой Роберто и спросил, что там такое в море.

«Тибуронес (акулы)», — буркнул в ответ Роберто, как нечто само собой разумеющееся. Не верилось, но, с другой стороны, чему там быть еще?

Сейчас мне очевидно, что это были они, «тибуронес». Это я понимаю умом, но душой прочувствовать до сих пор не могу. Как же работать в подобном акульем «компоте»? Пол-

тора года спустя, когда мы вспоминали этот полет с Диего, он подтвердил, что акул бывает много, но они собираются в определенные сезоны у ровных берегов с сильным прибоем. В заливы и к устьям рек акулы избегают заходить. Поэтому купание в Акапулько в сущности безопасно (ну, максимум два-три несчастных случая в год на сотни тысяч туристов), и они с Бютце, ныряя против устья реки Бальсас, хотя и встречали отдельных акул, но те ни разу не нападали.

Овальная бухта Акапулько издали выглядит как гигантский кратер (около пяти километров диаметром), полупогруженный в воды океана. Правда, кольцо невысоких гор, окружающих бухту, все покрыто лесом, что вулканам не свойственно. Гранитные мысы по краям далеко выдаются в море, и с воздуха весь район выглядит исключительно уютным. Аэродром расположен в двадцати километрах от курорта, еще на пересыпи ближайшей лагуны. Сели мы благополучно, но потом долго выкруливали среди множества машин самых различных компаний со всего света. Был здесь специальный участок для частных маленьких самолетиков, и наш приютился между ними.

Декабрьская температура в Акапулько не превышает 30 градусов, но, по-видимому, в день нашего прилета она как раз достигла своего предела. Уже через пять минут мы взмокли и скинули пиджаки. Пока Роберто созванивался с отелями и выбирал самые емкие такси, я смог осмотреться кругом, а вся компания скрылась в здании аэровокзала, где в ресторане кондиционированный воздух и подают ледяное пиво.

Во влажных тропиках мне приходилось бывать нечасто, и поэтому приводили в восхищение сплошные покровы из ветвей и ярких цветов бугенвиллеи, свисающие с изгородей. Диего, который не отпускал меня одного, показал еще цветы хибискуса и много других, названий которых и сам не знал. А на бетонные плиты шлепались крупные жуки, ужасно похожие на тараканов, восемь сантиметров длиной, но с жесткими крыльями. Я бы и дальше продолжал «исследовать» тро-

пическую природу перед зданием аэровокзала, но подошло такси и надо было торопиться.

Бухта открылась за небольшим перевалом. Волны сюда почти не заходят, и вода заполняет бухту, как гладкую тарелку с тонким белым кантиком прибоя, разделяющим голубое и зеленое. Лес по пути великолепен. Даже в это время года здесь нет деревьев, сбросивших листву, а многие еще (или уже?) цветут. Курорт начался сразу, без пригородов. В Акапулько на 1967 год числилось 63 отеля и 19 мотелей. Строились новые тогда, строятся сейчас и будут строиться. Курорт растет быстро. Бум этот отчасти связан с событиями на Кубе, где после революции 1959 года богатые американцы лишились лучшего места для каникул. Сотни тысяч, если не миллионы, стали искать пристанища на Бермудах и других островах, а также в Мексике. Акапулько — курорт, преимущественно зимний, и все отели оказались переполненными.

В конце концов мы устроились в дешевом отеле «Пасифик», который ступенями гигантской лестницы спускался по склону к морю на западном полуострове курорта. Наши комнаты были без эр-кондишн и даже без окон, и вентилятор с широкими лопастями должен был крутиться всю ночь, да еще дверь в коридор пришлось открыть. Но, так или иначе, мы все были вместе.

Только на рассвете я понял, в каком окультуренном раю мы оказались. Среди цветущих деревьев и темных пальм тут и там, как высокие белые скалы, торчали прямоугольники многоэтажных отелей самой современной архитектуры. Окна и балкон нашего ресторана смотрели на юг, где расположились две уютные бухточки — Калета и Калетилля. Через километр высился лесистый остров Рокега, загораживавший горизонт. Бухточки разделены узким мысом и скалистым островком с кафе, на который перекинут пешеходный мостик. Бордюр кокосовых пальм окаймляет пляж, а по набережной в этот ранний час уже шуршат автомашины. По своему изяществу и тонкости деталей ландшафт напоминал участки побережья островного внутреннего моря Японии и, видимо, был сти-

лизован именно под экзотический Восток: те же краски, похожие формы скал и павильонов. До завтрака мы успели сбегать прямо в купальных костюмах на пляж и немного поплавать в чистейшей воде. «Тибуронес» в бухты не заходят, и поэтому я беззаботно резвился не в силах представить, что же сейчас творится в Москве: неужели все еще дождь со снегом или ударили морозы?

Перед отъездом я умолил всю группу потратить не более пятнадцати минут, чтобы посмотреть знаменитые скалы Ла-Кебрада, благо это было почти по пути. Там, на северной части полуострова, в море спадают вертикальные гранитные обрывы, рассеченные массой трещин и расселин, точно гигантские стеклянные призмы, по которым ударили кувалдой. Некоторые крупные щели образуют миниатюрное подобие фьордов, и над одним из них в скале заметна крошечная площадка. С противоположной стороны устроена смотровая веранда, куда сходятся зрители из ближайших отелей и ресторана.

С этой площадки, с высоты сорок метров, смельчаки прыгают в воду, что возможно далеко не всегда. Мне ужасно захотелось туда подняться. Глубина воды во фьорде, говорят, не более трех метров. Прыгают только в полную воду (прилив) и когда с моря входит крупная зыбь. Прыгун остается жив, если его тело вонзится в воду в тот момент, когда очередная волна, вкатившись, повысит уровень еще минимум на метр. Расчет здесь идет на десятые доли секунды.

Я спросил Диего, сколько же платят этим безумцам.

— Таксы нет. Такса есть в ресторане, а прыгуну дают, сколько кто пожелает. Конечно, это не десять песо. Я слышал, что после года ежедневных прыжков человек может купить кусок земли и построить дом, разумеется не в Акапулько. Но только мало кто этот дом себе построил. Обычно самые здоровые парни психически не выдерживают долгого срока и бросают это занятие, а некоторые действительно погибли или покалечились.

Еще Диего добавил, что в последние годы стали прыгать и по ночам с двумя факелами в руках. Тут уже риск настолько

велик, что смельчак просит собрать деньги заранее и поднимается на кебрадо, оставив у ассистента оговоренную сумму.

Несмотря на явное недовольство торопившихся спутников, я полез на площадку, обещав им, что прыгать не буду. В жизни я не прыгал с высоты больше двенадцати метров, но и это страшно. А здесь не хватило уверенности даже встать прямо, в полный рост на краю площадки, как это полагается перед прыжком. Немножко пригнувшись, я поставил на край одну ногу и заглянул вниз. Щель настолько узка, что если оттолкнуться в длину, то попадешь на скалу противоположного края. Значит, прыгать нужно вверх и не видеть точки приводнения. А если ночью, в полную черноту? Когда момент нужно выбрать только по ритму прибоя? Я невольно поежился. Дорого же здесь достаются доллары! Год прыжков! Но ему должны предшествовать минимум два года упорных тренировок, за которые денег не платят. Только достигнув в этом полного автоматизма, можно отважиться на первый зрелищный прыжок.

Вспомнилось, как еще в 30-х годах, работая в Крыму, я видел прыжок ласточкой одного юноши со скалы Дива в Симеизе. Высота там около двадцати пяти метров. Я был потрясен зрелищем и смелостью, может быть, именно потому, что знал: за это не платят. Здесь же зрители собираются на сложнейший цирковой номер с колоссальным риском для одного и щекотанием нервов для остальных.

Искусство исполнителей поразительно, но это, конечно, не спорт. Не восхищение и не уважение вызывают подобные прыжки, а чувство сожаления: вот на что приходится идти смелым людям в попытке завоевать для себя сносную жизнь.

К северо-западу от Акапулько строение берега в общем повторяло уже виденное: тот же лагунный пояс, рассеченный выступами немногочисленных рек. Та же неширокая аккумулятивная равнина, полого повышающаяся к подножию Сьерра-Мадре. Еще в двух-трех местах коренные возвышенности выдавались полуостровами в море. Километров через двести за одним из выступов открылась широкая вогнутость залива Петакалько, и еще через полсотни километров мы летели над

резким, клювообразным выступом дельты реки Бальсас. С малой высоты промелькнули два русла мощной реки, галерейные лесные заросли и широкие полосы наносов — песка и гальки. Береговая линия здесь образует две пологие бухты.

Бютце, прильнув к иллюминатору, показывал нам, как меняются характер прибоя и ширина пляжа перед руслами невидимых подводных каньонов. На минуту я почувствовал себя где-то в Колхиде или западнее, над устьями Гумисты, Бзыпи, Мзымты. Там тоже приходилось летать и вести наблюдения подводных каньонов с воздуха. А происходящие явления сложны и удивительны. К низменному берегу с океанических глубин приближены вершины громадных оврагов! Не будь водного покрова, глаз различил бы крутые склоны с оплывинами ила и узкое, устланное песком и галькой ложе. Подводные каньоны играют огромную роль в динамике приглубых побережий. По ним пляжевые наносы сползают на сотни метров вниз.

Однако не успели мы с Бютце обменяться впечатлениями, как самолет уже сел и вприпрыжку покатился по зеленой лужайке. Диего и Франц имели в поселке множество знакомых. Они помогли найти машину, и через полчаса грузовик мчал нас к деревне рыбаков Мельхор-Окампо, вблизи взморья. В отличие от Акапулько здесь стоял сухой зной. Деревья, серые от дорожной пыли, напоминали наши тополя и ивы, хотя с ними совершенно не вязались изгороди из столбообразных кактусов.

Зона плантаций «коко» открылась как совсем другой мир. Под густыми кронами было тенисто. Там укрылся мощный подрост из кустарников, а немногочисленные тропинки терялись из виду уже через несколько метров. Тут же начались домики «коколорос»⁶. Белые глиняные мазанки, как на Украине. Сам глиняный стройматериал называется здесь «адоба».

Дальше пальмы стали редеть, и мы въехали в посслок. Бдоль широкой улицы стояли уже более крупные дома, частично каменные, а в основном из жердей, переплетенных ло-

зой, тоже с глиной, и обмазанных известью. Крыши везде из пальмовых листьев. Перед домами посажены цветы, а «на за-дах» натянуты веревки, прогнутые весом сохнущих сетей.

Наш приезд вызвал некоторое оживление. Из местного ло-каля высыпали посетители, узнавшие Франца и Диего. Вы-глянули красавицы в длинных юбках и с черепаховыми греб-нями в волосах. Появились вездесущие мальчишки, а вскоре подошли дочерна загорелые рыбаки, с морщинистой заско-рузлой кожей на руках. Народ выглядел бедновато в этот обыч-ный, рабочий день. Все на рыбаках было латано-пере-латано.

Вокруг нас расселись кто на единственной скамье, а кто прямо на корточках. Мужчины закурили дешевые сигареты, а «мальборо»⁷, которые предложил им Иванс, с благодарно-стью приняли, но заложили за ухо. Разговор сопровождался шутками и смехом. Иногда собеседники вскакивали и от из-бытка чувств хлопали себя по бокам. Понимал я далеко не все, но дух беседы уловил. Нам во всем шли навстречу. В этой полунищей деревне царили жизнерадостность, искрен-ность и благожелательность.

Пока рыбаки готовили долбленки, чтобы плыть по реке на взморье, машина вернулась на несколько сот метров, и под сенью пальм у одного из домиков мы попросили кокосо-вых орехов, чтобы напиться сладковатого прохладного «мо-лока».

Улыбчивая хозяйка послала за ними двух пузатых голых малышей, и, пока они ходили, удалось осмотреть внутренность хижины. Окон в ней нет, и свет проникает через дверной проем и через щели в хворостяных стенах. Большая кровать, шкаф, стол, табуретки — все было расставлено в полном порядке, а в углу красовалось раскрашенное скульптурное изображение мадонны. К дому примыкало еще одно помещение без задней стены. В нем висела колыбель, а в стенах вбиты крюки для гамаков, в которых спят ребята постарше. Хозяйка кроме до-машнего хозяйства занималась еще питьем на заказчика — мелкого предпринимателя. Стук швейной машинки был слы-

шен, когда мы подходили к дому. Сейчас она с гордостью показала нам свою работу и всю обстановку единственной большой комнаты. Сама сеньора была креолкой, и широкие скулы и разрез глаз говорили о примеси индейской крови. В доме было очень чисто; чисто, насколько это возможно при земляном полу и пыли, проникающей с шоссе через щели.

Пока мы осматривались и слушали перевод Бютце, малыши вернулись, каждый с парой орехов под мышками. Как они их дотащили, было трудно понять, ибо орехи были величиной как раз с их голые пузики.

Когда мы пили сок, вернулся хозяин: традиционный пеон⁸, обнаженный до пояса, в выцветших синих штанах и большом мятом и прорванном сомбреро. От него мы узнали, что участок около пятнадцати акров он арендует: сдает хозяину копру, а на поляне за домом имеет кукурузное поле и огород.

Плыть пришлось в двух длинных долбленках с подвесными моторами. Устья горных рек, видимо, одинаковы во всем мире. Русло дробилось на протоки. Одни из них подмывали глинистый берег, и лодка шла под нависшими кронами деревьев, почти задевая обнаженные корни. Потом протока выливалась на широкие щебневые отмели. Здесь приходилось опрокидывать мотор на транцевую доску⁹, и один из рыбаков спрыгивал в воду, чтобы провести лодку через очередной пережат. В одном месте пришлось вылезти всем, и Постма предложил вооружиться палками, чтобы отпугивать кайманов.

В устье ходила большая волна, и рыбаки предложили временно высадиться, пока они посмотрят, возможно ли пройти через бурун. Очевидно, они боялись испортить сеньорам впечатление от поездки и получить на десяток песо меньше, чем рассчитывали. И хотя я видел, что долбленая пирога спокойно перескочит желтые от мутн гряды волн, рыбаки предложили нам погулять по пляжу, а если нужно, то перевезти на другой берег русла.

Вблизи устья галечный пляж имел ширину не более тридцати метров, и сразу за ним начинались кусты. Бютце бегал в полном восторге и кричал: «Смотрите, смотрите! Вот линия

штормового плавника. Накат никогда дальше не заходит. Мы как раз против головы каньона Несесидад».

Затем он обратил наше внимание на различия высоты волн в той вогнутости, где мы стояли, и в нескольких сотнях метров дальше по берегу. Действительно, волна перед нами не поднималась выше одного метра, а там, куда он показывал, даже издали можно было дать им не меньше трех. Впрочем, эту картину можно было разглядеть и с самолета.

Мы прошли пару километров к востоку. Пляж стал вдвое шире, но значительно отложе. Черода валов шла на берег, и на бурунах они вырастали зеленой стеной в два человеческих роста. Очень хотелось выкупаться, но, увы, времени на это не оставалось.

Сейчас мы стояли на закругленном мысе Пунта-Мангле. Дальше шла вторая вогнутость берега, и в ней сила волн также резко уменьшалась. Бютце пояснил, что в том месте к берегу подходит второй каньон (Петакалько) и к нему как бы притянута второе русло дельты Бальсас.

Все эти «чудеса» с волнами и пляжами объясняются очень просто. Входя на мелководье, волна тормозится, а та ее часть, которая приходится над глубокой водой (в данном случае над каньоном), продолжает идти с прежней скоростью. В результате фронт волны изгибается дугообразно, и она как бы растекается в стороны, усиливаясь на флангах. Так и получается, что прибой слаб как раз в том месте, где язык больших глубин подходит к берегу. От силы волн зависит высота береговых валов и ширина пляжа. В паводки русла мигрируют, но всегда находят себе место, где вода может легко изливаться в море. Здесь такими местами как раз и являются участки прямо против вершин каньона. Эта закономерность установлена давно, но впервые я видел ее столь отчетливо и на малом пространстве, может быть, потому, что оба каньона очень узки.

На обратном пути в самолете, когда мы, усталые, уже не хотели рассматривать сквозь воздушную дымку бесчисленные

хребты и долины, Бютце рассказал о некоторых деталях своей работы. Они с Диего ныряли много раз в аквалангах до глубин 40 метров и исследовали «стенки» каньона. Во многих местах откосы почти отвесны и сложены глинистым материалом. На участках размыва из этих стенок торчат куски плавника и ветки деревьев. Образцы Франц передал в Калифорнию на радиоуглеродный анализ¹⁰ и получил фантастический результат. Возраст этой части каньона оказался не более 200 лет. На дне залегают обычные подводные «передовые слои» дельтового материала, а вершина каньона врезалась сюда за весьма короткий срок и, по-видимому, продолжает врезаться и сейчас. Так можно думать потому, что, несмотря на огромное количество наносов, дельта не нарастает за последние десятилетия на памяти местных рыбаков. Наоборот, есть признаки отступления ее края.

Бютце с помощниками попытались применить люминофоры¹¹, чтобы установить, с какой скоростью уходит песок вниз по ложу каньона и до какой глубины? Однако, несмотря на громадный труд по приготовлению окрашенных песков и сбору проб, они смогли лишь установить, что индикатор исчез после первого же сильного волнения. Поскольку его нигде у берегов не удалось обнаружить, то методом исключения решили, что он ушел в каньон на большую глубину. Пришлось мне разъяснить милейшему Францу, что он при опытах допустил ряд ошибок, и рассказать, как подобные же работы с полным успехом были выполнены у нас на Черном море. Но об этом в другой раз.

Мы уже завидели впереди снежные конусы вулканов Попокатепетль и Истаксиуатль и начали собирать вещи, как вдруг старший пилот предложил показать сеньорам кратер, если они не устали, так как горючее у него есть и это займет не больше двадцати минут. Правда, он добавил, что придется взлететь больше чем на пять километров и если сеньорам станет не совсем хорошо, то кислородные маски у всех есть под сиденьем и второй пилот покажет, как ими пользоваться.

Мы пришли в полный восторг и стали дружно благодарить

Летчика за любезность. Самолет начал набирать высоту, и одновременно все вырастала ближайшая к нам вершина Попокатепетль (5452 метра). По мере приближения она стала принимать розоватую окраску в предзакатных лучах.

Над вершинами вулканов мне не приходилось летать с 1946 года. Именно тогда в первой аэровулканологической экспедиции Академии наук СССР мы провели аэросъемку всех камчатских вулканов, и я помню, в какие громадные воздушные ямы садился «дуглас», пролетая над кратерами, из которых излучалось тепло. В таких местах самолет падал по крайней мере на полкилометра, и казалось, что нас ничто не спасет от катастрофы.

Я прикинул, что здесь наш опытный пилот должен подняться по крайней мере на шесть тысяч метров и там понадобится не только кислород, но и меховая куртка. Мобилизовав майку, две рубашки и пиджак — словом, все, что было в наличии, я продолжал любоваться уже совсем близким пиком Попокатепетль. Вершина была полностью под снегом, и никакого кратера мы, к сожалению, не увидели. Кончается вулкан просто неправильным углублением, и в нем тоже лежит снег. Внизу, на склонах, он таял, и потоки неслись по ложам барранкосов, белея в пене и низвергаясь маленькими водопадами. Хаос огромных темно-фиолетовых глыб тянулся на высоте не менее километра. Ниже появились сначала одиночные искривленные сосны, а далеко под ногами в дымке виднелся уже густой сосновый лес.

Холодно стало смертельно. Бютце натянул припасенный свитер. Я тоже еще мог терпеть, а бедняга Кёррэй вообще улетел из Мехико без пиджака, в какой-то синтетической курточке. Кожа у него стала гусиной, а Иванс совершенно поси-
нел. Но мы пока держались...

За вершиной висели редкие кучевые облака. Когда смотришь вдаль, то хорошо виден верхний слой дымки, совершенно горизонтальный, и над ним поднимаются лишь отдельные вершины. Далеко на востоке сверкал розовым еще один правильный пик. Он был на голову выше окружающих гор.

— Что это? — показал я на него пилоту.

— Орисаба!

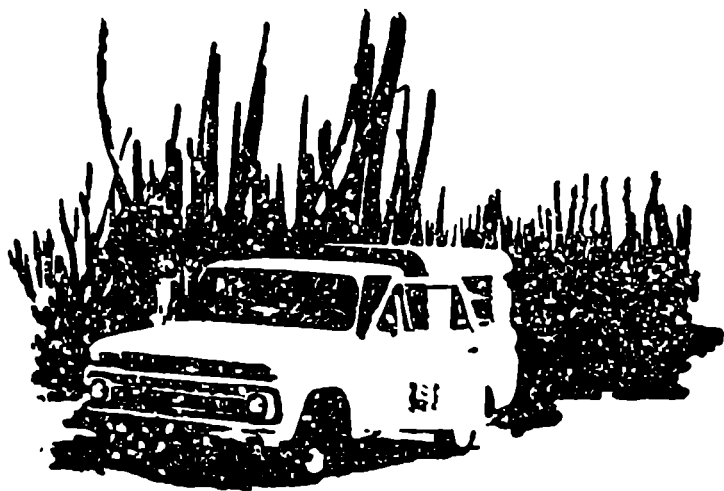
Орисаба — самый большой вулкан в центральной части Америки (5700 метров). Фактически это восточный конец вулканического пояса. А здесь, под нами, и далее на запад вулканов было множество: и одиночных, и соединенных попарно, по трое, в цепочки. Кратеры у них давно разрушены, хотя базальтовые излияния происходили в районе Мехико всего несколько сот лет назад.

— Больше не могу! Мы все простудимся или даже замерзнем, — взмолился Кёррэй. Его поддерживали Постма с Ивансом, и мы попросили пилота не лететь к Истаксиуатлю, а свернуть между вершинами и идти на посадку.

Летчик усмехнулся, пожал плечами и заложил крутой вираж.

И последнее, о чем хочется упомянуть, — это сплошной черный саван над Мехико — фабричные дымы и выхлопные газы восьмисот тысяч автомашин. Поскольку ветра не было, ядовитое облако поднималось вверх и застлало всю котловину. Видимость появилась, лишь когда мы снизились до пятисот метров.

На окраине города по серому озеру Тескоко ветер гнал ленты пены. На такой же серой низменности вокруг тянулись бесконечные правильные ряды серых глиняных хижин; их здесь тысячи. На этой солёной земле ничто не растёт, но живут сотни тысяч людей. Незабываемая картина, увиденная мельком через иллюминатор самолета, с тех пор вспоминалась часто среди роскоши и зелени Пасео-де-ла-Реформа и других фешенебельных артерий гигантского города.

II. ПРИГОТОВИТЬСЯ... ВНИМАНИЕ... СТАРТ!

Мехико — очень большой город с пригородами с населением около семи миллионов жителей. Авенида Инсургентес, прямая как стрела, тянется на тридцать километров. Последние номера домов там 2300.

Машины по авениде идут в восемь рядов, и на каждом шагу светофоры. В час «пик» поездка из конца в конец занимает полтора часа. Городской транспорт пока неважный. Автобусы ходят редко и путанными маршрутами. Метро еще только строят.

Для нормальной деловой жизни здесь необходима машина. Но, приехав в 1969 году всего на три месяца, хорошую я не мог купить, и нужно было пайти другой выход. Искал этот выход мой будущий ученик и помощник, тот самый Диего Муньос, с которым мы летали в Акапулько. Через пару дней он предложил простое решение в виде трехкомнатной мебели-

рованной квартирке на Калье-Медисина, в семи минутах ходьбы от института.

Мексика — это страна вулканических горных хребтов и тысяч отдельных вулканов. Снежная шапка Попокатепетля видна в ясную погоду прямо от университета. Вблизи расположено плато Педрегаль, покрытое молодым разливом базальтовой лавы¹, по которому я пытался гулять. Увы, лава потрескалась при остывании, да так сильно, что буквально нельзя было шагу ступить, чтобы не попасть ногой в узкие щели. В больших расселинах выросли деревья, в мелких неровностях — колючие кусты, а прямо на базальте торчат шаровидные кактусы (*Echinocactus* sp.) величиной с апельсин. В руки такого «ежика» не возьмешь, но отыскивать их столь же приятно, как грибы в подмосковном лесу.

Краем плато тянется пустынное шоссе. Свободными днями за десять минут я добирался по нему до уютных уголков, где, скрытый зарослями, располагался нагишом на одеяле, приучая кожу к горному тропическому солнцу. Эту жестокую процедуру я сначала выдерживал не больше двадцати минут, но постепенно довел до часа. Загар очень пригодился потом в Соноре, где на солнце пришлось бывать с утра до вечера.

От обоих океанов — Тихого и Атлантического — Мексика защитилась горными цепями: Восточная, Южная и Западная Сьерра-Мадре. Горный хребет по-испански женского рода, и из уважения к их величию всем трем дано прозвище Матушка (Мадре).

Центральную часть страны занимает обширное холмистое нагорье. С юга оно ограничено Поперечной Вулканической Сьеррой. Здесь по глубокой трещине разлома в начале четвертичного периода происходили обширные излияния базальтовой лавы. Кроме вулканов-гигантов Сьерру образуют сотни мелких; некоторые из них представляют собой кратеры взрыва. Вулканы возникают и до сих пор. Например, крупный вулкан Парикутин сформировался на глазах у людей в 1943 году. Из-

вержение началось прямо на пахотном поле, где в это время находились крестьяне.

Южнее Вулканической Сьерры местность понижается, но остается весьма неровной. Там расположены влажные тропические леса и болота.

Лишь на немногих участках берегов Мексики (общее протяжение которых — около десяти тысяч километров) горы выходят непосредственно к морю. В большинстве мест к их подножиям примыкает низменность шириной в несколько, а на востоке местами и более сотни километров. А по внешнему краю низменностей вытянуты лагуны. Особняком стоит полуостров Юкатан, разделяющий Мексиканский залив и Карибское море. На полуострове нет гор, и весь он сложен третичными известняками, лежащими почти горизонтально. В остальной Мексике известь практически отсутствует², и вода везде напоминает ленинградскую: так она мягка и приятно в ней мыться.

У себя дома мы привыкли к тому, что о любом участке берега можно найти и прочесть научные книги и статьи, приобрести карты и, таким образом, познакомиться заранее с районом, где предполагаешь работать. Русские ученые изучали приморские окраины своей страны еще с конца XVII века, а в советское время не осталось ни одного не обследованного специалистами участка. Совсем иначе дело обстоит в Мексике. Мало еще здесь геологов и географов, а работы предстоит уйма. Первые описания природы Мексики были выполнены в начале XIX столетия знаменитым немецким естествоиспытателем Александром Гумбольдтом. А среди тех новых книг и отчетов, что мне пришлось разбирать, преобладали имена ученых США. Лишь за последний десяток с небольшим лет мексиканцы сами начали детальное изучение отдельных лагун и тех участков берега, которые имеют значение для навигации и промыслов.

Большая, трехтомная «География Мексики», составленная географом Х. Тамайо, вышла лишь в 1949 году. Одновременно им был издан и атлас с картами малого масштаба. В монографии берега и многочисленные острова Мексики детально опи-

саны почти на двухстах страницах. Книга богато иллюстрирована, в том числе и аэрофотоснимками.

В развитии любой науки, включая и геоморфологию, сбор и описание фактов лишь первый, правда необходимый, этап. Он требует большого времени и труда и сам по себе интересен и плодотворен. В результате географы узнают, что имеется и где, но еще не могут ответить на вопрос: как и почему возникли различные формы рельефа? Для этого требуется пройти второй этап — сопоставления и анализа — и одновременно пытаться начать этап третий — синтеза имеющихся фактов и разработки теории. На основании синтеза можно давать и проверять прогнозы и приступать к переделке природы в интересах человека. В области изучения береговой зоны моря это значит уметь бороться с разрушением берегов, регулировать лагуны, создавать пляжи для курортов, выбирать наилучшие места для строительства портов и каналов, находить месторождения полезных ископаемых и строительных материалов и многое другое.

Теория береговых процессов сейчас достаточно разработана, во всяком случае с качественной стороны. Она интернациональна. Но чтобы получить конкретный практический результат, нужно хорошо знать и местные условия. Это как бы возвращение к первому этапу науки на отдельных участках, когда в целом пройдены уже и второй и третий. Так по здравому смыслу должно было обстоять дело и в Мексике.

Однако я был немало удивлен еще в 1967 году, поняв из докладов на симпозиуме, что в Мексике преобладающее большинство ученых ограничивается тщательным сбором фактического материала, предоставив делать обобщения коллегам из США. В докладах, а затем и в опубликованных работах по лагунам я видел результаты сотен и тысяч анализов состава воды, грунта, списки обитающих организмов и их количественные подсчеты. Встречались при этом лишь робкие попытки объяснить причины наблюдавшихся различий. Что же касается динамики береговой зоны моря (в которую включаются и собственно берега), то лишь в отдельных изысканиях гидро-

техников можно было найти данные по гидродинамике, составу напосов и свидетельства старожилов о нарастании или отступании берега. В то же время великолепные работы по отдельным участкам мексиканских берегов дали ученые США Дж. Кёррэй, Ф. Флегер, Н. Псути и некоторые другие.

Местная научная молодежь, с которой я общался, в своей работе по лагунам и берегам довольствовалась данными из учебников общих курсов геологии и геоморфологии и о большем не помышляла, видимо подавленная авторитетом своего северного соседа. Крупные работники, такие, как А. Айала-Кастаньярес, Г. Салас, понимают ненормальность создавшегося положения и тревожатся им. Отсюда миссия морского геолога Ф. Бютце; отсюда и приглашение меня, увы, на короткий срок.

С Айалой у нас был еще разговор перед самым отъездом в лагуны. Он буквально заклинал: учить, учить, рассказывать, показывать. Учить наблюдать, учить думать и строить гипотезы, учить давать практические рекомендации. С этими заветами я и приступил к сборам.

А. Айала-Кастаньярес посоветовал в одну сторону проехать на машине, не пожалев на это три дня. До лагуны Яварос от Мехико не более двух тысяч километров. Дорога, сказал он, весьма разнообразна, а Диего — опытный водитель. Еще в субботу я снес вещи в забитый оборудованием пикап «шевроле» в полной уверенности, что никто не помешает отбыть на заре в понедельник.

Утром вижу встревоженного Диего:

— Я должен проехать в мастерскую: у нас скошено зеркало обратного обзора и где-то подтекает газолин. Вернусь не позже двенадцати и тогда поедем.

Что ж он раньше смотрел? Сажу до двенадцати, читаю, потом до двух. Время обеда. Прихожу в четыре после перерыва. Диего нет. Спрашиваю секретаршу: «Звонил?» Нет, не звонил. Является к шести на своей машине.

— О'кэй, доктор! «Шевроле» починили, поехать, наверно, уже поздно. Давайте завтра с утра. Хорошо?

Забираю чемодан и иду домой.

Во вторник выяснилось, что мы без карт. Комплект заказан, но в топографическом отделе никого нет. Заведующий уехал на фабрику. Придется подождать.

Нудно все это рассказывать. Нашлось еще с десяток поводов для оттяжки. Знакомые сотрудники, встречаясь в коридоре, уже с улыбкой осведомлялись о сроках выезда. Состоялся он в четверг под вечер.

Кремовый пикап с большими марками Института геологии на бортах свернул на кольцевую магистраль, а затем на «Карретера принсипаль» (автостраду) к Гвадалахаре. У городской черты, освещенные закатным солнцем, высятся несколько красных призм разной высоты и сечения, но в среднем не ниже двенадцатизэтажного дома.

— Что это? — спрашиваю у Диего.

— Это для красоты, доктор, как гигантские абстрактные скульптуры. Они выражают величие нашего города.

— Да, Диего, это эффектно, — а сам невольно подумал, что город выиграет больше в своей внутренней красоте, если за эти деньги решили бы снести часть лачуг на берегу озера Тескоко и поселить жителей в обычные дома.

Автомagистраль отменно хороша. Каменной стенкой она разделена надвое так, что столкновения невозможны. Перед нами три линии движения, и над каждой висят указатели максимальной скорости: «90 км», «70 км», «50 км». Едем по левой. Когда кончились окраины — новый указатель: «110 км максимум». Смотрю на спидометр: Диего жмет 120. «Шевроле» не вибрирует и почти не шумит. Впечатление, что сидишь в самолете, который через секунду оторвется от взлетной дорожки. Близкие предметы сливаются в пеструю полосу, и глаз невольно следит, как разворачиваются планы отдаленных черно-золотых холмов. Черное — это проглядывает базальт, а золотая в фазе трава. В фазе — пик засухи. Дожди в районе Мехико льют всего с июня по сентябрь. Остальное время года солнце лишь наредка закрывается высокими перистыми облаками.

Магистраль почти не считается с рельефом. Мы мчимся коридором меж вертикальных стен, где видны разрезы слоев базальта, вулканических туфов, валунного аллювия, серых пеплов, озерных илистых толщ. Как в учебнике! Только приглядишься, сразу вылетаешь на столь же высокую насыпь, и кругом разворачивается новая панорама. Пересечений дорог нет; везде развертки. Повороты не чувствуются, ибо даны выражи.

Невольно думается: сколько же стоила эта дорога и как в Мексике могут случаться автокатастрофы?

Диего сообщил, что в Мехико около восьмисот тысяч автомашин, чуть больше одной на десять человек. В центральной части города у меня всегда щиплет глаза от бензиновой гарь, а с гор Мехико вообще не виден. Он окутан смогом. Это английское слово обозначает смесь тумана и дыма.

Что же касается причин аварий, то ясно: отдыхающие предпочитают не пользоваться магистральями. Они выбирают обычные шоссе через горы, в Куэрнавака, на Толуку, или к склонам вулканов. В этих местах дивные сосновые леса и прогалены располагают к пикникам. Конечно, с пивом и ромом. Остальное понятно.

Косвенный ответ на вопрос об источниках средств я получил вскоре. Автострада перегорожена многостворчатыми воротами. У каждой линии будка с дежурным и с каждой машины взимается тридцать песо за проезд. Это два с половиной доллара. А машины идут непрерывно. Есть на что строить или хотя бы поддерживать автомагистрали.

Длительная езда располагает к задушевным беседам, и мы стали предаваться воспоминаниям. Первое наше знакомство состоялось в один из дней после симпозиума 1967 года, когда Бютце поручил Диего показать мне знаменитые пирамиды и городище Теотинуакан, построенные ацтеками в начале первого тысячелетия нашей эры. Очкастый и довольно нескладный юноша с растрепанной шевелюрой особой разговорчивостью в противоположность многим другим мексиканцам не отличался, и

информацию из него приходилось выдавливать по каплям. К тому же он был явно встревожен характером возложенной на него миссии — эскортировать иностранца и взять полную ответственность за его благополучие.

Встал Днего у отеля на стареньком дребезжащем «форде» с облупленной местами краской на полчаса раньше срока. Впервые я ехал тогда по северному отрезку авениды Инсургентес. Движение там оставалось столь же напряженным, как и в центре. Удивляли некоторые новые здания броской архитектуры. Одно, например, имеет форму гигантского двускатного шалаша в шестнадцать этажей; другое вспучилось в виде граненого полушария — Дворец спорта, вмещающий десять тысяч человек, и так далее.

Затем мы летели около сорока километров по первоклассной автостраде с ее виадуками, развертками и туннелями, на которых так легко разъезжались десятки и сотни автомашин. Местность по пути к древнему городу пустынна, холмиста и была окрашена в декабрьские желтые тона пылевой дымки и сжатых полей.

Пирамиды видны издалека. Громадный огороженный участок мы объехали кругом и любовались ими в разных ракурсах. Около здания музея собралось в тот ранний час не больше десятка машин, но уже вдвое больше было лоточков, с которых продают имитации всевозможных редкостей и украшений ацтекского периода.

Отсюда мы шли к ступенчатой пирамиде Солица по тропинке, вилявшей между древовидными опунциями и каменными грудками — остатками былых построек.

Лестница настолько крута, что колотится сердце. Дважды я поэтому предпринимал прогулки по узким террасам, окаймляющим пирамиду на разных уровнях. С высоты восьмидесяти один метр весь город Теотиуакан виден как на ладони. На четыре километра тянется широкий, вымощенный плитами проспект «Дорога мертвых» (шириной с нашу улицу Горького), который упирается в пирамиду Луны (высота — 50 метров). Перед ней расположена широкая площадь, по обеим сторонам

которой сохранились здания или только фасады нескольких храмов, сложенных из огромных прямоугольных глыб. Видимо, раньше они тянулись до южного конца «Дороги», где находятся большое укрепление и храм ацтекского бога Кетцалькоатля (ныне разрушенные).

В отличие от египетских пирамид и храмов цвета песка здешние выглядят мрачно. Они сооружены из базальта и вулканических туфов темных, лиловато-серых тонов.

За нами робко пробиралась фигура в грубошерстном серапе³ и широкополой соломенной шляпе. Когда мы стали спускаться, человек приблизился и, оглядываясь по сторонам, предложил сеньорам совсем недорого подлинные предметы ацтеков, которые он якобы раскопал неподалеку. Я взял на ладонь маленького терракотового идольчика, истертого временем, но сохранившего национальные ацтекские черты лица. Сомнение вызывала низкая цена — всего двадцать пять песо.

— Скажите, Диего, разве не выгоднее этому пеону сдать такую редкость в музей?

Мой спутник фыркнул:

— Доктор, почему вы отказались заглянуть в лавчонки у въезда? Там такие фигурки стоят всего десять песо. Это искусная подделка для туристов.

И он принялся ругать бедного пеона, который пытается обмануть иностранца. Пеон смутился и снизил цену сразу вдвое. Это уже вызвало практический интерес, и я стал рассматривать содержимое кошельки, висевшей у него на плече под серапе. Там оказались замечательные обсидиановые ножи, наконечники стрел, черепки посуды с орнаментом и еще фигурки, подобные первой.

Обсидиан (вулканическое стекло) — камень исключительной плотности. Его блестящие чечевицеобразные сколы блестят, как зеркальные, и когда я рассматривал наконечник, то по одежде бегали от него крошечные солнечные зайчики. Пусть эта «древность» изготовлена на прошлой неделе. Все равно она красива и в нее вложены большой труд и мастерство. Наконечник перешел ко мне в карман за 12 песо. Диего долго тор-

говался и приобрел первую из показанных нам статуэток за 7 (!) песо. Однако пеон не был обескуражен такой разорительной сделкой.

— Диего, спросите, пожалуйста, этого человека, где он живет и сам ли делает эти «древности».

В ответ уже повеселевший торговец указал рукой в направлении «Дороги мертвых», где далеко за шоссе темнели группы деревьев. Там его поселок. «Древности» делают члены его семьи и многие другие жители. Они обязаны их сдавать фирме за гораздо меньшую цену. Узнав, что один из нас — турист из России, а второй — местный студент, пеон разоткровенничался: да, производители обязаны сдавать продукцию фирме, но готовят они изделия в более широком ассортименте, о чем фирма не знает. Поэтому им и удастся продавать туристам под видом подлинных те вещишки, которые не выставлены в ларьках.

Спустившись с пирамиды Солнца, мы прошли по дороге к пирамиде Луны, но подниматься на нее из-за жары не хотелось. Осмотрели храмы с теневой стороны и орнаменты на их стенах; щелкнул я пару раз камерой и запросился к машине. Диего был поражен:

— Так скоро, доктор? Здесь туристы ходят часами, а потом еще приезжают вечером, когда устраиваются цветная иллюминация и представления из жизни ацтеков с музыкой!

— Но я не турист, Диего. Мне больше интересны ландшафт страны и люди современной Мексики. Нужно быть специалистом, или по крайней мере много прочесть по истории ацтеков, чтобы восхищаться на месте святынями. С меня вполне достаточно того, что я увидел.

Откровенно говоря, древняя мексиканская (ацтекская) культура мне как-то не по душе, хотя я отдаю должное строительному мастерству и научным достижениям (астрономии, в частности) исчезнувших племен, искусству их скульпторов и орнаменталистов. Стилизованные рельефы змеиных голов в этом городище олицетворяют тупую злобу; изваяния ягуаров не имеют ватагинского изящества, и только ярость и сила воплощены в их мордах и изогнутых спинах.

По пути к машине я долго любовался гигантскими опунциями⁴. Перед поселком мы попали на плантации таких же и еще более высоких кактусов. Они высажены рядами, как у нас яблоня, а в междурядьях посажены колючие гигантские агавы.

— Из них делают водку пульке, — пояснил мой спутник.

Деревенские улицы привели меня в полный восторг. В сущности они представляют узкие проходы между сплошными частоколами столбообразных кактусов цереус высотой до четырех метров. Толщина этих ребристых и пресколючих «бревен» — пятнадцать — двадцать сантиметров. Стоят они настолько плотно, без щелей, что на участок даже невозможно заглянуть. Перед хижинами в частоколе просто оставлено пустое место, через которое во двор может заехать повозка, влекомая буйволом. На приусадебных участках главная культура также опунция, а арбузы, помидоры, картофель, бобы — все это явно угнетено.

Дома мало отличались от тех, что мы видели в Мельхор-Окампо. Та же глина как главный строительный материал. В очагах на открытом воздухе горят обрубки кактусовых бревен, высушенные и сморщенные. У некоторых домов, куда мы заглянули, располагаются навесы на жердях, и под ними мы могли увидеть улики тайных производств: кучу больших обломков обсидиана, большие молотки и обсидиановый щебень. В других местах в деревянных корытах была замешана глина, из которой, очевидно, делались нестандартные фигурки. В горшочках рядом стояли порошки охры и мумии⁵, а в глубине виднелась печь для обжига.

Я попросил Диего узнать, можно ли увидеть мастера и посмотреть, как он работает. Вышла испуганная сеньорита и объяснила, что днем все мужчины в поле и нужно прийти позже. Очевидно, она приняла нас за представителей фирмы.

Мы прошли еще по нескольким коридорам между кактусовыми стенами, но деревня была безлюдна. Только в одном месте нам навстречу шла женщина, которая несла на коромысле

связки больших глиняных кувшинов, по-видимому только что обожженных. Но искать гончарную мастерскую уже не оставалось времени.

Так, за разговорами и воспоминаниями мы незаметно проехали еще пятьдесят километров. Смеркается. Ландшафт стал диким. Горы невысоки, но их склоны круты и иссечены оврагами. В низинах рощи. Две половины автострады идут на разных уровнях, и попасть с одной на другую невозможно. Населенных пунктов нет. И вдруг мотор смолкает. Диего успевает по инерции переехать на правую линию и устранивается на обочине. Он проверяет зажигание, дует в карбюратор. Никакого результата. Так происходит, когда кончается горючее, но я отгоняю от себя столь нелепую мысль.

Нет, оказывается, бывают и такие неожиданности! Диего явно смущен и поясняет:

— Указатель топлива у меня испорчен, но я был уверен, что у нас минимум полбака.

— Диего, в кузове канистра!

— Она тоже пустая. Я хотел набрать горючее по пути, чтоб не терять время.

Молчу. Ведь три дня было на сборы, черт подери!

Поднимаем руки, но мимо нас, точно не замечая, проносятся серебристые тяжеловозы, шикарные лимузины, юркие фольксвагены и все, что мчится в это время по магистрали, торопясь к близкому ночлегу. Диего выходит уже на вторую линию шоссе и дает сигналы карманным фонариком. Наконец кто-то встал. Небольшой разговор с водителем — и я получаю от Диего распоряжение оставаться стеречь нашу машину. Сам он берет канистру и едет за горючим на ближайшую заправочную станцию. Это займет не больше получаса, сказано мне для успокоения.

Поднимаюсь на склон и усаживаюсь на большой камень. Полыхает закат. На незнакомом языке перекликаются сонные птички, шелестит под ветром жесткая, как пергамент, листва. Внизу проносятся машины, и свет их фар становится все ярче,

вырывая из сумеречной мглы кадры вулканических осыпей и обрывов. Вот, думаю, куда меня занесло из-за этих лагун и креветок!

Стало прохладно. Решил спуститься в кабину. Устраиваюсь поуютнее и снова жду. Свет фар какой-то машины слишком уж медленно смещается по стеклу. Она тормозит и останавливается сзади. Ко мне подходит человек в форме и что-то быстро спрашивает. Еще не хватало! Дорожная полиция!

Навыки автора в разговорном испанском языке пока не идут дальше заказа блюд в ресторане, обычных приветствий, да еще в магазинах я стал ориентироваться. Но этого явно мало. Автомобильная и дорожная терминология мне абсолютно незнакома.

Спасительное «Йо по абло эспаньоль»*, и перехожу на английский.

— Америкапо?

— Но, йо сой русо! **

Подходит еще один «дядя». Они совещаются, и первый снова обращается ко мне:

— Документо, паспорте! — Роюсь в карманах.

— Пор фавор! ***

Смотрят, отдают и снова что-то усиленно выпрашивают. Напрягая все способности, сообщаю:

— Но гасолина. Компаньеро мно кьере енконтрарла. Йо эсперо су регресо ****.

Поняли, посоветовались, просят открыть правую дверцу. Ко мне залезает один из полицейских. Хочет для проверки завести мотор, но ключи не подходят. Он закуривает, устраивается поудобнее и дает сигнал второй машине ехать.

— Пара сегуро *****,— поясняет он мне и широко улыбается.

Теперь мы остались вдвоем. Жестами и мимикой новый

* Я не говорю по-испански (исп.).

** Нет, я русский (исп.).

*** Пожалуйста (исп.).

**** Нет горячего. Мой товарищ ушел искать. Я ожидаю его возвращения (исп.).

***** Для охраны (исп.).

приятель выражает мне свою симпатию и продолжает попытки завести разговор. Кое-что мне удастся пояснить, и, к счастью, вскоре появляется Диего с полной канистрой.

Втроем в кабине тесновато. Серdito требую, чтобы Диего никогда не оставлял меня одного в подобной ситуации.

Полицейский сходит в городе Керетаро и делает нам под козырек. Шоссе превращается в одну из улиц, полную ярких реклам мотелей. Диего выбирает тот, что освещен поскромнее, и идет в администрацию.

— Одиночные комнаты по сорок песо, а двойная — шестьдесят,— и смотрит на меня вопрошающе.

— Диего, вам оплачивают гостиничные счета?

— Нет, мне платят только суточные.

— Сколько?

— Сто песо в день.

— Я согласен взять одну двойную комнату. Думаю, не поссоримся?

— О'кэй, доктор!

Так мы порешили и в дальнейшем всегда ночевали в одной. Диего это явно устраивало, да и меня тоже.

Вечерами, разлегшись в удобных кроватях, мы обычно подолгу беседовали. Как-то я спросил Диего про его образ жизни и семью. Он до сих пор разъезжал по Мехико в том же разбитом «форде», что и в 1967 году. Это вызывало усмешки коллег и говорило о малом достатке. Диего и его брат (близнецы) в годовалом возрасте остались сиротами. Покойный отец окончил в свое время медицинский факультет и собирался практиковать, как вдруг получил в наследство от деда несколько домов в Веракрусе. Про этажность домов Диего не упомянул. «Из интереса» отец стал учиться уже на инженера, но вскоре скончался.

Мать осталась с мальчиками на руках и, сдав дома в аренду, перебралась в Мехико. Будучи уже школьниками, братья обычно проводили лето на берегу моря в Веракрусе. Не лишнего наблюдательности Диего привлекли красота и изменчивость пляжей, заинтересовали коралловые рифы, ракушки и

другие обитатели моря. Поскольку в Мехико в то время нигде не преподавали морских наук, он через несколько лет по чьему-то совету решил учиться на геолога и уже в университете выбрал морскую специальность.

Тут я перебил его рассказ:

— Диего, подлинный интерес всегда приводит к действию. Интерес ваш к морской геологии и берегам проявился пока довольно слабо. Ведь вы незнакомы даже с работами классиков нашей науки, если не считать литературы по подводным каньонам. А брат ваш чем занимается?

Оказалось, что у близнецов и склонности были близкими. Брат его Оресто стал морским гидротехником и занимает должность инженера в управлении порта Тампико на Мексиканском заливе.

— Зарабатывает он уже больше меня,— уныло добавил Диего.

Мать Диего специальности не имеет. Вырастить ребят и дать им высшее образование было довольно трудно. Видимо, доходы от аренды не так велики, хотя их хватило, чтобы построить небольшой домик на окраине Мехико. В общем Муньос оказались интеллигентной семьей среднего достатка.

В разговоре Диего несколько раз подчеркнул, что в их роде нет ни капли индейской крови, да это видно и по всему его облику: широко посаженные глаза, массивность фигуры. Скорее, он мог происходить еще от конкистадоров.

В разговоре проявились некоторые черты характера Диего. Он с большой нежностью говорил о своих родных и с восторгом обо всем, чем известна и знаменита Мексика. Эта внутренняя мягкость не вязалась с грубоватой внешностью. Замечание о малом интересе к науке явно задело его самолюбие.

— Доктор, но нам не у кого учиться. Доктор Айала этими вопросами не занимается, книг из своей библиотеки нам не дает, и я даже не знал, что у него есть Джонсон, Гильшер и работы других авторов, о которых вы говорили.

— Это не оправдание, Диего. В университетской библио-

теке есть литература по всем специальностям. Я смотрел каталоги. Вы не проявили настойчивости!

За следующий день мы пересекли Мексиканское нагорье. Крутые, разбросанные в беспорядке холмы высотой несколько сот метров. Местами они объединяются в массивы или небольшие цепи. Желтые и серые тона. Обширные, но скудные пастбища, поля кукурузы, редкие бедные деревни, иногда лес на склонах. Шоссе почти без поворотов. Движение стало реже. От скорости оцепеневаешь и хочется хоть небольших перерывов. Там позавтракали, в другом месте купили корзину сочной крупной клубники; сделали крюк, чтобы увидеть горное озеро Чапала. Оно очень велико и с отлогими берегами; наша Рица много красивее.

В целом от всего дня в голове остался сумбур, а записи вести было невозможно. Но чего я никогда не забуду на этом пути и на всех остальных дорогах Мексики (и многих других стран), так это заправочные станции! Сначала видишь знак: «Гасолинерия — 1 км», «Гасолинерия — 500 м», и потом она возникает на общем серо-зеленом фоне подобно яркому цветку — красному, или желтому, или, наконец, белому в зависимости от фирмы. Строение, колонки, столбы под навесом — все окрашено, как будто вчера, и со всего ежедневно стирается пыль. А на щите изображен символ: или большая морская ракушка пектен («Шелл»), или собака на семи ногах («Пемекс»), или что-нибудь другое.

Как только машина остановится, подбегает молодой парень с выражением полного восторга и преданности на лице. Не говоря ни слова, он принимается мыть ветровое стекло, потом открывает капот и смотрит масло, не нужно ли добавить воды и все ли там вообще в порядке. В это время другие заливают горючее, проверяют давление воздуха в шинах и только-только не облизывают наш «шевроле».

Все это занимает считанные минуты, но за это время вы можете зайти в кафе, выпить лимонаду или купить фруктов, сигарет.

Рядом помещение со стендами, где продают запчасти к машинам любых марок и все, что нужно в дорожном автохозяйстве. В более крупных гасолинернях вам сделают ремонт. Там есть подъемники, и машина мгновенно взлетает на стальном столбе. Ремонт могут выполнить любой, и дело только во времени: полчаса, час, два, не больше.

Можно подъехать даже не заправляться, а просто чтобы самим залить воды или добавить воздуху в камеры. Для этого с крыши настила или просто со столба свешиваются два соответствующих шланга. Установите на шкале нужное давление и подтягиваете шланг поочередно к каждому скату. За это денег не берут. Здесь же дают любые справки относительно состояния дороги, преподнесут путеводитель и еще посоветуют, где лучше остановиться в ближайшем городке.

Далеко за полдень по обе стороны шоссе начались заводские корпуса попеременно с жилыми домами, а потом мы проехали под двойной величественной аркой и попали на зеленую, прямую как стрела авениду. Но даже Гвадалахару не дал как следует рассмотреть мой партнер. А ведь это второй по величине город Мексики, с более чем миллионным населением. Гвадалахара — большой промышленный центр. Город приятно и резко отличается от Мехико отсутствием архитектурного ультрамодерна. Все основательно, строго, гармонично. Прямолинейная планировка широких улиц. Хорош старинный испанский собор. Он высится изолированно, как двухбашенный монумент, со всех сторон окруженный просторными площадями с фонтанами, цветниками, памятниками, павильонами. А прямо против него через площадь распластался театр с колоннами и портиком, на барельефах которого резвятся музы. Спереди театр по размерам, обличью и окраске напоминает московский Большой.

С неохотой Диего въехал на стоянку, чтобы можно было хоть десять минут посидеть на веранде за порцией мороженого и стаканом орапжада. В Гвадалахаре это особенно приятно, так как нет такой толкотни и смога, как в Мехико. Показал

мне Диего еще здание университета (снизил скорость и ткнул пальцем) и вырулил на государственную дорогу № 15.

Это оказалось обычное хорошее шоссе, где, однако, для обгона нужно выезжать на левую сторону. И сразу я понял, что вождение на больших скоростях требует огромного опыта. У меня его нет. Перед нами, делая не более ста километров в час, «тащится» грузовик-дизель, нещадно обдавая перегаром солярки. Шоссе пусто по крайней мере на версту вперед. Что же Диего медлит?! Нет, нельзя обгонять, и понимаю почему. Буквально через несколько секунд ракетой пролетает встречная машина. Когда же наконец мы вышли на обгон, я успел заметить, как катастрофически быстро увеличивается в размерах встречный грузовик, только что казавшийся вдали точкой. Если сложить наши скорости, получится больше 250 километров в час. У Диего на спидометре — 130!

Вскоре подобные «аттракционы» пришлось прекратить. Кончилось плато, и пошли горы с неизбежными закрытыми поворотами. Все склоны и подножия заняты плантациями агавы, но не той, что идет на волокно, а совсем другой, из которой делают знаменитую в Америке водку текилу со своеобразным пряным «тропическим» привкусом. Я привозил ее в прошлый раз. Москвичам понравилась. Диего пояснил, что для многих крестьян в этом штате производство текилы — основа жизни. Для агав здесь наилучший климат. И город мы проезжали — Текила. Не спросил только, он получил название от водки или она от него. Заводы, автомашины, здания вокзалов, просто дома — все испещрено громадными рекламами: «Текила! Текила!! Текила!!!»

— Куда же столько водки? Неужели мексиканцы всю выпивают?

Нет, оказалось, в основном на экспорт. Большая часть — в США!

Мексиканцы, когда берут в руку бокал (не рюмку!) с текилой, то насыпают щепотку соли на площадочку у корня большого пальца. Лизнут соли и глотнут. Якобы так вкуснее и не пьянеешь. Меня учил этому Гильермо Салас на приеме, но соль в прок не пошла и конец вечера вспоминается смутно.

На плантации смотреть не хотелось: они утомляют правильностью рядов. Манили дальние синие планы гор. Начинаясь спуск. Выросли крутизны, и стала чувствоваться влага. Температура повышалась, и пришлось снять фуфайку. Вместо серых колючих кустов появились юкки и большие незнакомые деревья в полном цвету (весна!).

Когда от Гвадалахары мы отъехали почти две сотни километров, местность снова стала ровнее. Участки леса перемежались с плантациями. По обочинам в неуклюжих повозках, запряженных быками, собиравлись псопы к разбросанным тут и там поселкам, откуда уже несло предвечерним дымком. Мирную картину завершил багряный закат, и при его последних красках «шевроле» влетел в столицу штата Найрит — город Тепик.

Еще по пути стало попадаться все больше машин северных туристов (из США). Марки машин те же, но их легко отличить от мексиканских по отсутствию олимпийских пяти колец на номерных знаках. Во дворе шикарного мотеля «Кора» наша была единственной с кольцами. На стенах здесь красовались пестрые панно с изображениями тихоокеанских пляжей и красавиц в бикини. Рекламировалась охота на ягуаров и оленей в ближайших джунглях. В регистратуре некая пожилая леди оцепенела, увидев, что в графе прибытия я пишу: «Москва».

— Извините, вы из Пенсильвании⁶ или из настоящей Москвы?

Устал я и отчеканил только: «Да, я из единственной настоящей Москвы!» Но расспросов не удалось избежать и сейчас и потом, в ресторане. По-видимому, встреча с ягуаром для здешнего туриста — более заурядное явление.

После Тепика мы пересекли небольшой водораздел, а потом начался уже настоящий спуск к Тихому океану. И надо же случиться, что именно в этот день испортилась погода! Выше и ниже шоссе оседали облака тумана, и видимость была очень плохой. Цветная пленка в такую погоду бесполезна. А ведь за полтора часа предстояло попасть из полупустыни во влажные тропики и по пути наблюдать смену целой гаммы растительных формаций.

Горы везде похожи друг на друга. Подметить с автомашины характерные черты именно данного района практически невозможно. Везде красивы крутые склоны, ущелья, везде надоедают бесконечные повороты и серпантины. Шоссе было влажным, и Диего ехал осторожно.

Навстречу то и дело выныривали из-за крутых откосов американские машины с неуклюжими трейлерами⁷ на прицепе. Все чаще у обочины появлялись предупреждающие надписи: «Kurva neliгроса» (Опасный поворот). Эти слова так надоели, что надолго стали для меня привычным мексиканским ругательством.

Полосы хвойного, а затем горного лиственного леса промелькнули быстро. По вертикали они занимают считанные сотни метров. Первым признаком тропиков оказались не пальмы и не фикусовое дерево, а какая-то невиданная пышная заросль. По густоте эти растения напоминают «пампасовую траву», что разводят в парках у нас на Кавказе и Южном берегу Крыма. Но здесь на прямых высоких стеблях чередовались полосы белые и зеленые шириной около четырех сантиметров. Эти трехметровые «травинки» выглядят как иглы гигантского дикобраза.

Стали попадаться кактусы-канделябры, потом пальметты с веерными листьями. Еще дальше, где влажность возросла, начались дебри дикого банана и бамбука. Зелень постепенно сгущалась и приобретала темный тон. Мы попали в джунгли. Среди общего сравнительно ровного древостоя в них встречаются прямоствольные великаны с крупными кожистыми листьями; со многих деревьев до самой земли протянулись висячие корни и лианы.

Еще пониже, по широким долинам, снова появились возделанные поля, и яркая салатная зелень молодого сахарного тростника контрастировала с общим сумрачным фоном ландшафта. Хижины, крытые пальмовым листом, производят неряшливое впечатление среди совершенства растительных форм и лаконичности крутых откосов вулканических пород.

А в узких дефиле⁸ бананы по-прежнему приветствовали нас, качая растрепанными листьями. Шевелились узорные кроны дынного дерева (папайя). Вставали в полный рост могучие

баньяны. Весь «реквизит» влажных тропиков был теперь налицо.

По длинному мосту «шевроле» (который я мысленно уже называл антилопой гну) пересек реку Рио-Гранде-де-Сантьяго, кипевшую далеко внизу, в глубокой долине. За предгорьями открылись плавные холмы. Здесь все было распаханно. Мы проезжали мимо крупных плантаций табака, маиса и помидор. Увидев название следующей реки — Балуарте, я вспомнил доклад Кёррэя, который он читал на симпозиуме полтора года назад. Именно здесь, налево, далеко за холмами, вдоль моря протянулась береговая аккумулятивная терраса Наярит, сложенная наносами рек, которые мы сейчас пересекаем.

Все ровнее становилась дорога, и за одним из поворотов открылся океан, и в нем недалеко от берега очень высокие пестрые скалы-островки (черное с белым).

— Перед ними Масатлан,— сообщил Диего.

Въезд в город непригляден. Дома старые, идет ремонт дороги, всюду пыль. Мы миновали причальную стенку с большими кораблями и попали в оживленный центр. Поскольку завтракать было рано, Диего повез меня прямо к крутым холмам, которые были видны еще за двадцать километров. На одном из них разбит парк, и туда можно подняться на машине. По крутой лестнице мы забрались на самую верхушку в гущу казуарин, и весь Масатлан стал виден как на ладони.

Еще выше нашей позиции далеко в океан выдвинута скала Крестон, и к ней ведет каменная дамба с дорогой. Эта дамба служит как бы северным молом для входа в обширную бухту.

Южный берег бухты низменен. Километра за три отсюда на другой стороне виднеется широкая песчаная полоса и за ней массив кокосовых пальм. Бухта резко суживается к вершине, а затем отгибается к югу, давая начало длинной лагуне.

С севера парковая гора неприступна, и вдоль нее тянется живописный абразионный берег с останцами и головокружительными клифами. Отсюда нам стала ясна природа пестрой окраски островков: темное — вулканические породы, белое — покровы гуано, то есть массы помета альбатросов и других мор-

ских птиц. В выемке скалы вдоль моря проложена асфальтированная дорога и стоят отдельные здания курорта. На северо-востоке расположен собственно город, распланированный правильными квадратами. В его основной части высоких домов почти нет, и ориентироваться можно лишь по двойным башням нескольких старинных католических соборов.

Далеко на северо-востоке расположена изолированная возвышенность, и к ней как бы подтянута от города огромная дуга песчаного берега. Первые ее километры представляют собой туристский центр с непрерывной цепочкой отелей. Они занимают узкую полосу в одну-две линии, так как позади начинается заболоченная лагуна. В море напротив, километрах в двух, торчат две белые скалы подобно Адаларам Гурзуфской бухты.

Ближе к нам высится еще одна гора, выходящая к морю. Между «нашей» и той горой обращен к морю фасад Масатлана. Даже издалека на набережной Олас-Альтас различаются толпа и бесконечное снование автомашин.

Казуарины дают мало тени; скоро стало жарко, и мы решили двигаться. В кузове лежало имущество, которое надлежало доставить на биостанцию — базу экспедиции Института биологии. Станция построена на коренном выступе у самого начала песчаной «отельной» дуги берега.

Пока Диего беседовал с коллегами, я от нечего делать следил за кипением жизни на пляже и рассматривал пачку реклам, взятых по пути в туристском киоске. Масатлан расценивается как второе Акапулько и даже имеет перед ним некоторые преимущества: здесь не такая влажная жара, а зимой и вовсе бывает прохладно, хотя температура воды не падает ниже 22 градусов. «Мулаты» — те самые, что «поголовно в белых штанах», — чувствуют себя в этом «Рио-де-Жанейро» прекрасно, и я им немножко позавидовал.

Если Акапулько только курорт, то здесь любознательные американцы могут ознакомиться с архитектурой и обитателями старинной испанской части города. Туристскими фирмами налажены экскурсии в джунгли и в приморские мангровые болота

на катере прямо по лиману и той лагуне, что мы видели с горы. Кроме всего прочего, широкие пляжи Масатлана являются лучшим в Мексике местом для романтического спорта — катания на разрушающейся волне (Surf riding). Даже сейчас, в почти тихую погоду, поскольку все же подходила длинная зыбь, группа дюжих молодцов возилась со специальными досками, пытаюсь проехать на них десятка два метров если не стоя, то хотя бы на коленках. Доски эти я потом видел выставленными у дверей спортивных магазинов. Прочная и легкая конструкция со сглаженными краями, искусно обитая джутовой тканью. Размер таких досок — до двух с половиной метров длины и до полуметра ширины. Впрочем, есть и поменьше, для леди и для детей. Расковырять обивку и посмотреть, что там внутри за древесина, я не решился.

Забыл отметить главное преимущество Масатлана. Жизнь в нем много дешевле, чем в Акапулько. Число туристов с каждым годом увеличивается в геометрической прогрессии, и городские авторитеты считают указанное различие временным.

— Пусть «гринго»⁹ привыкнут и полюбят место, а потом будет видно!

Ход моих наблюдений скоро был прерван. Пришло время подняться на биостанцию и познакомиться с некоторыми из будущих коллег по работе в лагунах. Они были очень милы, припесли холодное пиво; однако с биологами так сразу у меня разговора не получается. Нужно сначала «притереться» друг к другу на работе. Неловкость исчезла, когда через час мы сидели вместе в ресторане, где подают только морские продукты, а за хорошей порцией осьминога нельзя не поделиться мыслями.

Между прочим, меня удивило отношение к приезжим из Штатов. Даже в общем зале ресторана получилось так, что мексиканцы сконцентрировались на одной половине, а джентльмены с семьями, обязательно включающими старушек в шикающе-ярких платицах, — на другой. При полном уважении к авторитету американских ученых, молодежь сыпала анекдотами про приезжих туристов, рассказывала об их похождениях и невежественности. Прозвище «гринго» мелькало в разговорах

не только за нашим, но и за соседними столами, где сидели незнакомые нам люди. Я даже спросил:

— Почему в Масатлане принято над ними смеяться? Ведь от туристов зависит в большой мере процветание города!

— О сэр, одно другому не мешает. Американцы получают у нас самое лучшее, и им здесь все нравится, даже невинные шутки, даже иногда косой взгляд или «неловкий» толчок прохожего на авениде. Они сами склонны к юмору и знают о себе анекдотов гораздо больше, чем мы. А как вы думаете, может ли крестьянин любить соседа, который отнял у него лучшую и большую часть земли, попросту говоря, грабителя? Ведь никто не забыл ни 1848, ни 1853 года, хотя уже больше ста лет прошло с тех пор...¹⁰

От Масатлана до Кульякана — главного города штата Синалоа — всего около двухсот пятидесяти километров, но каких красот и чудес можно навидаться на этом коротком отрезке! Чудо первое и главное — это хребет Западной Сьерра-Мадре, вдоль которого мы ехали все время. «Горы — везде горы» — это когда смотришь с близкого расстояния в пасмурную погоду. Но теперь, днем, открылись такие дали и оттенки, что я даже вскрикивал, когда появлялась очередная панорама.

На склонах передового хребта чередовались красноватые и лиловатые цвета вулканических пород, а ложа долин здесь оттенены черно-зелеными полосками леса. Хребты из прочных пород всегда имеют свою особую фактуру. Обычная эрозионная сеть с древовидным ветвлением нескольких порядков долин свидетельствует о рыхлости и однородном составе породы. Она скучпа.

А на склонах Сьерра-Мадре то и дело появляются причудливые штрихи и зигзаги, которые искажают привычный рисунок и лишают его монотонности. То высится отдельная скала, то целая серия острых гребней прослеживается от вершины до самого подножия. За ними вдруг откроется каньон. Поодаль широкий разлог, за которым все сильнее и светлее выпячиваются кулисами дальние хребты.

На фоне величественной Сьерра-Мадре возникали чудеса, так сказать, ближнего плана. Я, например, еще не видывал ветвистого кактуса восьмиметровой высоты, а когда он встретился, то решительно потребовал остановки для фотографирования.

Или, скажем, поток базальтовой лавы, излившейся двести лет назад! Шоссе прорезано прямо сквозь него. При всей любви к вулканам я никогда на них не поднимался. Здесь же была полная иллюзия, что я на склоне, вернее, у подножия огнедышащей горы. Целая река лавы! Бугристой, комковатой, с острыми глыбами, с трещинами...

На ней ничего еще не успело вырасти и незаметно ни почвы, ни признаков выветривания. Наверное, пока я бегал с «Зенитом» в поисках наиболее выгодной точки зрения, Диего бурчал про себя мексиканские ругательства.

А мощные пенистые реки со звучными названиями Пиакс-ла, Элота, Сан-Лоренсо, которые мы пересекали по высоким мостам!

А попробуйте себе представить среди пустыни маленький, сколоченный из ящичков киоск, где «мучачо» * в сомбреро полметра диаметром продает кока-колу, пиво и жевательную резинку, когда из гущи кактусовых зарослей к нему подъезжают «ранчерос» ¹¹ с лассо на луке седла, в кожаных штанах и с кольцом за поясом. Да здесь кино нужно снимать!

Кульякан во всех отношениях оправдал звание столицы штата Синалоа. Прежде всего мы стали искать подходящий мотель. Заехали в «Рим». Отдельные домики под деревом, горячая вода, душ, но... 70 песо. Диего повел носом:

— Не очень комфортабельно и чем-то пахнет. Найдем дешевле и лучше!

Следующий мотель — «Лос Каминос»: примерно то же самое и даже без запаха, но уже 90 песо. Начнем теперь с того конца города! Там попали в «Версаль» — 110 песо! Тут уже я стал ругаться: «Проклятые гринго — курва пелигроса — как взвинтили цены!»

* Мальчик (исп.).

Диего знал еще один мотель — «Сан-Луис» на горе. Приехали. Номера есть, но 120. Решили поесть, а потом возобновить поиски. Зашли в небольшую уютную столовую, совсем пустую.

— Что угодно сеньорам?

Любимое блюдо Диего — «карне осада» (жареный бифштекс), а я попросил вареной рыбы. Хозяйка смутилась.

— Сеньор, я никогда не варила рыбу, это, кажется, не вкусно. Мы ее только жарим.

— Сеньора, мне это нужно для здоровья. Могу вам показать, как она делается.

Мы оба с Диего вошли в кухню: он служил переводчиком, ибо кулинарная терминология мне неизвестна.

Оказывается, в Кульякане не знают, что такое уха. Под моим руководством хозяйка нарезала картошки и поставила ее варить с луком и солью. Из холодильника она вынула серебристую рыбу по форме вроде карпа, но с твердыми колючими плавниками. Я сказал, что мне хватит половины.

— Не могу, сеньор. Мы всегда подаем целую. Полрыбы никто не закажет.

Она ее быстро вычистила и бросила в ту же кипящую кастрюлю. Рыбу все же пришлось разрезать, иначе не влезала.

— Диего, переведите, пожалуйста, сеньоре: я прошу подать мне отдельно в тарелке этот суп с картошкой, а на другой тарелке рыбу и хлеба, конечно.

— О'кэй, доктор!

Мы сидели за столиком, прихлебывая пиво. Я радовался: обеспечен диетический ужин в конце трудного дня. Как хорошо!

Но радость оказалась преждевременной. Рыба была подана под красным едким соусом «чиле» и дочерна засыпана перцем. А уха? В ней тоже плавали огненные стручки, а поверхность была залита кислой смесью томата и хлопкового масла.

Взял я это кушанье, попросил горячей воды, вымыл в ней то, что осталось от вареной рыбы, и уже сам положил на тарелку, а суп просто вылил. Хозяйка недоумевала и сокрушалась. Она так хотела угодить сеньору!

Проехали мы, не торопясь, по главным улицам. Город велик, благоустроен, нов и даже шикарен. Магазины, рекламы, пальмы. Вернулись обратно в «Рим», а там свободные домики уже только по 90 песо. Расхохотались мы с Диего и решили примириться с подобными дорожными невзгодами.

От Кульякана до Навохоа — последние четыреста пятьдесят километров пути, и ждут нас там точно в четырнадцать часов! Местность ровная. Прямые отрезки шоссе имеют километров по десять длины. На рассвете дорога была пустынна. Диего гнал. Он шел на побитие собственного рекорда. «Шевроле» трясся от скорости мелкой дрожью. И дважды я зафиксировал на спидометре 150 (!).

— Диего, скажите, а почему вы так медленно вели первые два дня? Ведь тогда на прямой дороге нас обгоняли даже тяжеловозы! Я вас еще тогда просил ехать побыстрее.

Мой спутник расхохотался и пояснил. Оказывается, Айала-Кастаньярес специально его предупреждал ехать осторожнее и не гнать: «Везете крупного советского ученого. Если, не дай бог, что-нибудь случится, могут возникнуть международные осложнения!»

Диего сначала следовал данному совету и поглядывал на меня с опаской. Убедившись, что с ним рядом сидит вполне спокойный и уравновешенный человек, водитель перестал нервничать, и постепенно страсть к скорости вступала в свои права. А «шевроле» в этом смысле — идеальная машина. Он послушен легчайшему движению ноги на акселераторе. Тормоза берут плавно и намертво. «Баранка» обтянута шершавой тканью и не скользит. Диего здоров, и ему нет еще тридцати! В результате две тысячи километров были преодолены меньше чем за двадцать ходовых часов.

Конечно, на таком ходу географические наблюдения производить трудно. Да и ландшафт был однообразен. Больше половины пути, особенно ближе к Навохоа, по обеим сторонам шоссе расстилалась серая глинистая равнина с кактусовым лесом. Средняя высота такого леса пять-шесть метров. Между кактусами есть кусты, но когда они без листьев, то почти не заметны.

Думаю, что с самолета местность должна выглядеть как подушка, утыканная иголками, или, лучше, как распластанная сброшенная шкурка.

Иногда, впрочем, шоссе прижималось к холмам, и на плавных закруглениях можно было любоваться чапарралем. Это непроходимая заросль колючих кустов, в которых всадника не видно. Чапарраль сейчас давал общий светло-серый фон, и на нем выделялись те же темные кактусы. Они здесь выше, чем в лесу, и гуще ветвятся. Вот и все пока про природу.

Интереснее было на шоссе. Только сейчас я смог оценить, какими густыми «косяками» едут в Мексику туристы из США. Именно косяками, потому что на многих участках шоссе ремонтируется и там регулировщики пропускают машины то в одну сторону, то в другую. Накопятся там десятка три американцев, а потом и едут вереницей один за другим.

Колонны растягиваются на порядочное расстояние, ибо большинство туристов тащат на буксире или трейлер, или тележку с моторным катерком и парой комплектов водяных лыж. На этом отрезке шоссе машины США решительно преобладали над мексиканскими.

— Летом «гринго» будет еще больше. Сейчас едут те, что победнее, — сказал Диего. — Кроме того, многие, особенно пенсионеры, вообще оседают в Мексике. Здесь с них взимают меньше налогов, чем в Штатах. Купят дом, переменят гражданство, и все...

— А куда их несет сейчас? Неужели все в Масатлан?

— Часть да, но большинство свернут к морю, поставят лагерь и ловят рыбу или охотятся. Я думаю, мы с вами их увидим в поездках.

Так за беседой и наблюдениями мы доехали до столба с надписью: «Сопора». Здесь граница двух мексиканских штатов. Казалось, и кактусовый лес стал еще гуще, и земля изменила оттенок на более желтый, пустынный, и даже небо стало бледнее в пылевой дымке.

III. ДЕЛЬТА РИО-МАЙО

Хорошо, что еще в Мехико удалось изучить по аэрофотомозаике, снимкам и картам основной район работ в дельте реки Майо. Собственно лагуна Яварос даже не часть этой дельты. Она прилегает к ней с юго-запада и отгорожена от моря двумя косами. Одна из них тянется от тела дельты, и такую косу называют у нас фланговым баром. В вершину лагуны открываются два узких залива типа лиманов. Это не что иное, как затопленные морем приустьевые расширения более мелких речных долин. Они свидетельствуют об имевшем место общем погружении местности.

К северу от дельты лагуна Уйвуйлай является парной Яварос. Она тоже отгорожена фланговым баром и на внутренней стороне имеет маленькие «лиманчики». Креветки в ней не ловятся, и исследовать ее нам не предстояло.

Выпуклость дельты выдвинута примерно на двадцать километров от внутреннего края лагун, а ее дугообразный фасад имеет в длину около сорока километров. В общем она почти симметрична. В нетронutom, природном состоянии сохранилась лишь внешняя зона дельты, на западе — до восьми, а на севере — до пятнадцати километров шириной. Все остальное пространство орошено каналами и разбито на правильные квадраты полей хлопчатника, помидор и других культур. В пределах внешней зоны имеются два занятых водой понижения, которые на карте тоже названы лагунами, хотя уже ничего общего с ними не имеют. Им даны столь же трудно запоминающиеся индейские названия «Моронкарит» и «Этчоропо». Обе соединены с морем естественными руслами, по которым во время приливов и нагонов заходят морские воды. Обе принимают в себя также дрены¹, изливающие воду пресную. И хотя креветкам проникать в озера не так уж легко, они в них изобилуют. При обычном режиме Майо воды в этих малых озерах было в досталь. Однако теперь сказывается дефицит. Обе «лагунки» значительно обсохли, и площадь их сократилась. Видимо, придется вести сюда специальный канал от устьев Рио-Майо.

В пределах внешней зоны хорошо различаются несколько морфолого-литологических комплексов, или подзон. Начиная от моря, первой является подзона пляжа шириной местами до ста метров. За пляжем следует подзона барханов. Это небольшие серповидные дюны, расставленные с удивительной аккуратностью (в шахматном порядке). Они насажены на плотный серый субстрат. Как выяснилось, между ними залегает тот же песок, «срезанный» ветром до уровня грунтовых вод, просоленный и перемешанный на поверхности с илистыми частицами. Барханы занимают полосу до километра шириной, но она имеется не везде.

Следующий комплекс — это высокие дюнные гряды, параллельные краю дельты. Здесь несколько их разновозрастных генераций, и только ближайшая к берегу может получать сейчас питание песком. Наиболее древние дюны удалены от берега до шести километров и занимают полностью изолированное («ост-

ровное») положение. Между ними протягиваются марисмы и салины, или участки древней дельтовой равнины с кустарниковой растительностью.

Подзона марисм и салин доставляла в маршрутах больше всего осложнений из-за своей непроходимости. Марисмы — это множество протоков и вытянутых понижений, заполненных илом и окаймленных невысокими, но совершенно непролазными мангровыми зарослями. Салины — это то, что у нас называется солончаками, — илистые грунты, в которых всегда содержится соль. На них или ничего не растет, или размножаются немногие специфические растения — галофиты. Не знаю, те ли в Мексике виды, что и у нас, но они ужасно похожи на заросли низенькой саликорнии (*Salicornia herbacea*), которые выглядят как микроскопические кактусы без колючек и, кроме того, пухлые и мягкие. Другая травка похожа на нашу солончаковую полынь (*Artemisia salina*). Растительность обычно тяготеет к краям салин, а середина, где надолго застаивается вода, остается голой.

Большая часть пространства салин в феврале напоминала наши такыры. Так у нас называют поверхность ила, растрескавшуюся правильными многоугольниками наподобие паркета. Попасть машиной на такыры трудно. Они почти везде окаймлены влажными руслами. Но если уж это удавалось, то «шевроле» мог мчаться со скоростью восемьдесят километров в час.

Еще два последних комплекса имеют ограниченное распространение. Это, во-первых, древние русла и старицы близ устья реки (тоже с мангровыми зарослями), а во-вторых, останец настоящей морской террасы с великолепно выраженными на аэро-снимках древними береговыми валами. Валы начинаются недалеко от мыса Пунта-Роса и тянутся на десять километров в направлении Явароса.

Вот в сущности и все. Нам предстояло установить последовательность и процессы формирования перечисленных природных комплексов и наметить тенденцию их дальнейшего развития. Имея такое основание, можно критически рассматривать предложенные проекты регулирования лагун.

В двух словах вся эта механика не сложна. Рио-Майо выбрасывала в море свои наносы и заставляла выдвигаться берег. Этот процесс шел под действием морских волн. Они перемещали аллювий и сами находили место для его отложения. Когда волны кончали на данном участке свою работу и создавали новую полосу суши, то за дело принимался ветер. Он тоже транспортировал песок в одном направлении — на юго-запад, нагромождал его в дюнные гряды, засыпал марисмы, а местами развевал поверхность дельты (процесс дефляции), выпахивая в ней углубления, которые по мере погружения местности оказались затопленными. А за барьером дюн по низинам еще «гуляли» паводки. Вешние воды добавляли ила в марисмы и оставляли свои новые протоки, не согласующиеся с морскими.

Еще один важный фактор — это приливы. Если во время паводка речные воды сумели прорыть себе новый канал стока к морю, то прилив поддерживает его практически навсегда. Дважды в сутки морская вода проходит в одну сторону, затапливая низины, и дважды стекает обратно, эродировав ложе. Но тем самым вовлекается в действие еще один фактор (для простоты примем, что он в нашем списке последний). Это мангровая растительность. Она поселяется по краям всех прудов, лагунок, канав, лишь бы туда проникала соленая вода. Часток мангров ставит предел действию ветра и фиксирует рисунок природного дренажа местности более или менее постоянным.

Картосхема дельты представляет труднейший кроссворд, сочиненный этими факторами и процессами. За короткий срок его предстояло если не разгадать, то хоть определить главные «слова» по вертикали и горизонтали.

Будучи наполовину океанографом, я стал сначала продумывать ход действия морских факторов. Прежде всего очертания дельты. Примечательен мыс Пунта-Роса. Он, по нашей терминологии, представляет собой скошенный (асимметричный) аккумулятивный выступ. Эта форма свидетельствует о преобладающем и интенсивном перемещении песка на юго-восток вдоль внешнего края дельты. Вырос мыс потому, что количество матернала, выбрасываемого Рио-Майо, когда-то было больше, чем

волны и течения могли здесь транспортировать. Такие мысы постепенно смещаются всей своей массой. Одновременно накопление песков Пунта-Роса стало добычей ветра, и на нем сейчас расположено одно из самых обширных барханных полей.

Дальше нужно установить, где берег сейчас нарастает и где размывается. Но этого по аэрофото уже не сделаешь. Придется искать признаки на месте, чем и займемся. Следующая задача, решаемая в поле,— какие дюны получают песок и какие нет. Последние можно рассматривать уже отмершими (реликтовыми), но все равно не менее увлекательно и важно проследить историю их возникновения. Дальше... но лучше осмотреться в городишке Уатабампо и перейти к делу, то есть отправиться в первый маршрут.

В районах ирригации все города и городочки или только что родились, или были перестроены и расширены. И, маленькие они или большие, все созданы по определенному стандарту. Все распланированы в шахматном порядке, и ширина улиц дана «на вырост». Кроме центральной части, вдоль тротуаров повсеместно вытянулись вплотную друг к другу одноэтажные дома. Украшают улицы лишь молодые посадки деревьев, которые, впрочем, успели разрастись.

В центре имеется стандартный набор магазинов одних и тех же крупных фирм. В Уатабампо, где всего 15 тысяч жителей, удивляет обширность салона холодильников, пылесосов и стиральных машин; столь же велик магазин мебели, а «Филипс» для радио и телевизоров построила настоящий храм. Однако за две недели, что мы там прожили, я ни разу не рассмотрел сквозь зеркальные витрины ни одного покупателя.

Центр украшен большим двухбашенным собором со сквером перед ним. Под пальмами красуются одинаковые каменные скамьи, причем на спинке каждой высечена фамилия сеньора или сеньоры, на чьи деньги данная скамья сооружена. Тут же поблизости, в Уатабампо, расположен клуб одной из политических партий. У дверей всегда дремлет страж, который никого, кроме членов клуба, не пропускает.

В стандартный городской набор входят: здание городского управления, два — четыре отельчика и столько же универмагов. Скромно выглядят отделения банков и лавки ювелиров с крестиками и кольцами на витринах. Кроме того, имеются большой крытый рынок, кинотеатры и здание с автоматами для испытания счастья. В нем есть механические рулеточки, а есть вертикальные ящики-лабиринты. Опустив в щель монетку 20 или 50 сентаво — автомат начнет вибрировать, и покатится по желобкам шарик у вас на виду за стеклянной стенкой. Обычно он кончает свой путь в «мертвом» отсеке. Тогда, если хотите, можете бросить следующую монетку. Однако счастливцев — один, наверно, из сотни посетителей — вдруг от восторга начинает кричать. Шарик на очередном разветвлении покатился по цветному желобку, и автомат выбросит пять, а то и десять монет соответствующего достоинства. Вера в судьбу в латиноамериканских странах очень сильна. Иначе, видимо, не объяснишь, почему в этих «игорных домах» всегда полным-полно лиц мужского пола любых возрастов.

Общий колорит города зависит от местных потребностей и условий. От них зависит то или иное число мастерских, изготавливающих сомбреро, седла, высокие сапоги, чтобы ездить по чапарралю, и разную сбрую (часто в серебре) для верховых. Тут же можно видеть гончарное производство, кузницы, рядом ткнут серапе, тачают сандалии и мокасины, и все это растворено в массе мелких лавчонок и ресторанчиков. Много интересного в оживленных кварталах «дель пуэбло» *.

Я подолгу любовался изделиями кузнецов, особенно ножами, от небольших типа финки и до мачете величиной с саблю. Привлекали меня также мастерские сомбреро. В цене эти головные уборы варьируют от 6 до 60 песо, что зависит от материала, выделки и фасона. Тип головного убора до известной степени характеризует социальное положение обладателя. Особенно хороши негнущиеся сомбреро с двумя продольными складками на тулье. Их носят владельцы плантаций и чиновники.

* Народных (исп.).

ки муниципальных учреждений. Молодежь предпочитает захватские «техаски» с полями, загнутыми вверх по бокам. Мне же полюбилось обычное пеонское сомбреро, которое при сильном ветре можно скатать и сунуть за пазуху.

От других виденных городков Уатабампо отличался пылью, поскольку улицы еще не замощены (кроме шоссе), а в центре — обилием звуков. Музыка звучала в каждом ресторанчике с самого утра и до момента закрытия. Это или трио музыкантов (где подороже), или вездесущий автомат. Зато к вечеру, в часы «пик», хозяин прекращает какофонию, и дальше уже сами посетители должны опускать в щель свои сентаво, чтобы снова зазвучала мелодия. Увы, посетителей везде хватало.

Управление «рекурсос идрауликос» (водных ресурсов) мы искали, как водится, долго, пока на одном из перекрестков Диего не увидел второго моего ученика — Хоакина, который приехал на два дня раньше. Оказалось, что помещение для экспедиции еще не готово. Любезный молодой инженер Рубен Урболехо долго выражал сожаления и утешал тем, что нам уже заказаны комнаты «в лучшем отеле».

Точки зрения на качество отелей у нас с Урболехо оказались разными. «Гальо-дель-Оро» («Золотой петушок») расположен невдалеке от рынка. А рядом на перекресток распахнуты двери конкурирующих ресторанчиков «Лос-Пескадорес», «Лос-Камаронерос», «Лос-Ранчерос» и «Лос-Лагунерос». В переводе это значит: «Рыбаки», «Ловцы креветок», «Работники ранчо» и «Те, кто промышляет в лагунах». Не знаю, дифференцировались ли посетители согласно вывескам, но даже и неграмотному можно было понять, кого здесь ожидают. Прямо на стенах фасадов и в интерьерах местный художник, не очень умело подражая манере фресок Сикейроса, намалевал сцены из жизни и работы людей той или иной профессии. Что касается музыки и выпивки, то потребности всех их были одинаковы.

Двухэтажный «Золотой петушок» зажат между соседними зданиями. Вход в отель утопает в тени двух больших деревьев, и внутри всегда сумрачно и прохладно. В отеле оказалось всего десять комнат, причем только в трех из них есть окна. Ду-

энья² — расплывшаяся пожилая женщина, хромая на одну ногу, — встретила нас с достоинством и поручила девушке-уборщице показать помещения. Я выбрал с окном, выходящим на задний двор, вернее, на крышу соседнего здания. Музыка сюда доносилась приглушенно.

Приятно вытянуть ноги, затекшие от сидения в машине, но завтра начало работы! Тревожная сосредоточенность помешала по-настоящему отдохнуть, и я сразу принялся разворачивать сверток с картами, чтобы наметить первый маршрут.

Оказалось, что Диего взял с собой топографические планшеты полуострова Нижняя Калифорния, то есть как раз те, что были отложены за ненадобностью. Значит, нам придется ограничиться при работе аэромозанкой, которая охватывает лишь небольшую часть дельты... а как же быть с остальным берегом? Неужели ориентироваться по туристской карте?

Вечером, когда я сказал об этом, Диего был тоже явно расстроен, но оправдывался «спешкой при сборах». Сидели мы рядом с гостиницей в маленькой забегаловке, которую потом и облюбовали для ужинов и завтраков. Понравилась она тем, что из пяти столиков здесь редко были заняты больше двух, а девочка с косичками стала выключать радио по первому моему знаку. Невысокий прилавок отгораживал от «зала» стол, холодильник и газовую плиту, на которой готовились кушанья. А когда хозяева к нам привыкли, то мы стали запросто заходить в смежные помещения, где жила вдова Кармен с тремя маленькими девочками и сыном лет семнадцати. Там можно было услышать все городские новости.

По-видимому, дуэнья успела шепнуть соседям, что у нее поселился русский. Иначе чем было объяснить повышенное внимание и любопытство, проявленное к нашей группе. Однако на этот раз хозяйка и посетители остались разочарованными. «Русо» спокойно заказал себе тортильи³, яичницу, кофе и стал разговаривать по-английски с партнерами.

В этом локале было по-домашнему приятно. Вечерами девочки наперебой бросались обслуживать посетителей (днем они были в школе). Можно было подойти посмотреть, как и что го-

товится на плите, и делать заказы, применяясь к своей диете. Кармен улыбалась, преодолевая утомление, написанное на ее лице. После нескольких трапез мы стали друзьями со всем семейством.

А под конец первого дня мы решили заглянуть в «кабаки» на перекрестке. Там, как говорится, дым стоял коромыслом. Взяли устрицы и пиво и стали присматриваться. Когда слышишь оркестрик именно данного кабака, то это еще неплохо. Простые, но оригинальные мексиканские мелодии не утомляют. Под некоторые из них посетители принимались нестройно петь, а другие, ритмичные, манили к танцу. Женщины такие заведения не посещают, но мужчины принимались приплясывать, задевая за ноги сидящих и ударяясь об углы столов. Профессии некоторых посетителей можно было распознать. Ранчерос носили кожу (брюки и сапоги). Некоторых украшали большие ножи на поясе, а у одного я заметил ручку пистолета, торчащую из заднего кармана. Те, кто причастен к морским промыслам, не блистали экзотикой: джинсы, пиджаки, распахнутые ковбойки.

Разговоры были громкие (попробуй перекрычать оркестр!), местами переходящие в небольшие ссоры. «Навахос» * применялись, только чтобы «отрубить» кусок вяленой рыбы.

От неистового шума я скоро запросился домой, тем более что всем нужно было выспаться перед завтрашним маршрутом.

Уже после мы выяснили, что в одном из заведений (кажется, именно в «Лос-Камаронерос») имеется задняя галерейка, отделенная дверью от общего зала, и там подавали горячие креветки. Чтобы посидеть в этой относительной тишине, мы иногда изменяли нашей Кармен, ибо у нее морских яств не водилось.

Ну вот я и в комнате. Один. На крыше орут коты (обыкновенные, как в Москве). Их удалось прогнать, прицельно швырнув несколько ракушек, набранных на пляже в Масатлане. Но от этого не стало легче, ибо от перемешавшихся звуков оркест-

* Складной нож (исп.).

ров и музыкальных ящиков, казалось, вибрировали сами стены. Долго я лежал, и последней моей мыслью было, что ни отдыхать, ни работать, ни спать в такой обстановке совершенно невозможно...

В прибрежную зону дельты, описанную выше, с востока вторгаются дрены, точно проведенные по линейке густой тушью. От них на аэрофотоснимках в обе стороны под прямым углом разбегаются мелкие каналы (по-нашему их называли бы арыками), ограничивая шахматные квадратики посевов.

Что касается полосы такыров, то по краям вся она исчерчена неправильными темными кривыми линиями так густо, точно ребенок, получив в руки бумажный лист, долго водил по нему карандашом без всякой мысли. Хоакин, который бывал в дельте и летал с аэросъемщиком, разъяснил, что линии потолще — это приливные желоба с каймой мангров, а тонкие, волосные линии — временные протоки, которые зимой надолго остаются сухими. Весной по ним стекают пресные воды. Соблазняли хорошо различимые на аэромозаике многочисленные линии дорог, но, можно ли пробраться по ним на «шевроле», мы не знали.

В первый день с нами поехал ирригационный инженер Рубен Урболехо на другом таком же пикапе. Пока мы его ждали, да еще завтракали и закупали на день провизию, стрелка часов подошла к девяти. Жаль, но, кажется, с моими ребятами иначе не получится. Маршрут запланировали в Яварос: нужно же увидеть эту лагуну, прежде чем размышлять об изменении ее режима!

По утрам здесь холодно. Мексиканцы ходят в грубошерстных серапе, а нам пришлось натянуть фуфайки. Первые километры хорошего асфальтового шоссе пролегали по местности, ровной как стол. По обе стороны тянутся возделанные квадраты красно-серой земли. Удивляла разнородность культур. Сейчас, в феврале, помидоры, например, убрали. Кукуруза на одних полях торчала маленькими росточками, а рядом уже подсыхали плети с желтыми початками. На некоторых полях зеленели или обычное жито, или вездесущие бобы «фрихолес». На

других они уже поспели. Все эти злаки и овощи, казалось, не считались с временами года, и на мои недоуменные вопросы Урболехо ответил, что с каждого поля здесь снимают два или три урожая в год, чередуя культуры. И только хлопчатник был сезонной культурой: он еще даже не взошел.

Потом, когда мы въехали на серую, неорошаемую землю, я порадовался: есть-таки места, где можно будет, не торопясь, сделать фото кактусового леса! Правда, здесь он был пониже и пореже, чем по пути, когда мы с Диего срезали край настоящей пустыни Сонора. Еще дальше вдали заискрилось зеркало лагуны Моронкарит, а у самого шоссе Хоакин попросил остановиться и показал мне тощие высыпки ракуши, вытянутые несколькими валами, как бы обрамляющими акваторию. Это явный след более обширной лагуны в прошлом.

— Поднятие?! — спросил, а вернее, утвердил он.

Я покачал головой с сомнением. Высыпки были слишком свежими, а местность ровна как стол. Может быть, море недавно проникло в эту часть дельты и спустило воду или лагуна усохла?

И вот наконец первый заслуживающий внимания объект. Шоссе рассекло дюнную гряду около десяти метров высотой. На свежих откосах лежит столько крупной ракуши, что они стали совершенно белыми. Но на дюну ветер не мог занести тяжелые створки. Может быть, это древний береговой бар, сформированный волнами? Поэтому я тоже попросил остановки, чтобы разобраться в этом непонятном явлении. Прикопки лопатой показали, что в толще песка нигде ни одной ракушки нет. Он совершенно чист и имеет характерную диагональную слоистость дюны. Наверху оказались заросли невысоких кактусов той породы, чьи длинные лапы, извиваясь, как змеи, поднимаются на более полуметра от земли. Такая «змея» не толще водопроводного шланга, если срезать с нее эти миллионы шипов. Поскольку кактусы занимают все пустые промежутки между колючим кустарником, ясно, что плоская вершина дюны не лучшее место для поисков. Однако удалось пробраться метров на пятьдесят, и мы убедились, что именно здесь и нахо-

дится «месторождение» этой крупной ракуши, среди которой преобладали кардиды и устрицы. Ни одной створки не было менее пяти сантиметров в диаметре.

Раньше мне приходилось встречать «кухонные кучи» первобытного человека на высоких береговых террасах Приморья. Виды моллюсков там другие, и по количеству «отбросов» они несравненно меньше, чем здешние, но основные признаки оказались общими тут и там: створки лишь немногих излюбленных форм, крупные экземпляры и очень мало битых. Очевидно, наши предки наловчились аккуратно разделять створки каменным ножом. О древности «отбросов» свидетельствовали хрупкость ракушек и их чистый белый цвет. Но при современной технике можно в лаборатории узнать и абсолютный возраст органических остатков. Поэтому мы взяли большую пробу ракушек и стали спускаться к машинам.

В кабине я излагал свои соображения. Ясно, что некогда на этой дюне было крупное поселение. Но сейчас до моря отсюда не менее трех километров по вязкому илу марисм. Вряд ли индейцы стали бы тащить свою добычу так далеко. Они просто переселились бы поближе. Но раз они тут жили, следовательно, в тот период эта дюна находилась около берега. Второе — вопрос пресной воды. Сейчас до русла Майо минимум двадцать километров. Значит, или она сама, или один из ее рукавов некогда проходили поблизости, хотя следов от них не осталось. Вот вам первые два факта из истории дельты.

К этим моим рассуждениям Диего добавил, что, по данным археологов Мексики и США, здесь действительно обитало несколько индейских племен, насчитывавших десятки тысяч человек. Было это в эпоху более влажного климата, 600—1000 лет назад. Кухонные остатки из ракуши описаны в ряде мест, но он видит их впервые и не предполагал, что на одной стоянке могут накопиться сотни тонн подобных отбросов.

С вершины дюны было видно, что поселок Яварос расположен на островке, где есть вторая дюна, похожая на «нашу», причем с одного конца ее подрезает море и оттуда в лагуну выросла длинная, загнутая крючком коса.

— Смотрите, чикос*, вот вам еще палеогеографический факт. Большая дюна может вырасти, когда перед ней лежит широкое пространство суши, а сейчас она у воды. Значит, море зашло туда позже. Это еще один признак происходящего погружения местности, и, выходит, те ракушечные валы у Моронкарит сформировались при понижении уровня озера, а не в результате поднятия суши.

Чикос старательно записывали мои объяснения в дневники.

Островок, куда мы проехали по дамбе, тоже оказался песчаным. Поселок состоит из трех-четырех десятков рыбацких лачуг и небольшого каменного здания управления порта, от которого выдвинут длинный мол с причалом на конце.

С капитаном порта предстояло договориться о поездке на катере. Узнав, что я из Москвы, он открыл ящик стола и вынул несколько крупных ракушек, попавших в рыбацкие сети и сохраняемых как редкости. Те три, что больше всего понравились, красуются сейчас на шкафу в моей московской квартире.

Я спросил, какие изменения произошли в навигационной обстановке после строительства плотины на Майо. Оказывается, нежелательные явления начались давно, и капитан поведал печальную историю этого порта, такую же, что и многих других, созданных в мелких бухтах и соединенных каналом с открытым морем. Прямо из окна он показал второй мол, так в километре отсюда, у стенки которого не опшвартовалось ни одного судна. Дно там настолько обмелело, что мальчишки вброд собирали моллюсков для наживки и ловили крабов. Мол был построен тридцать лет назад; в это же время был прорыт глубокий (пять метров) канал из моря через устьевой бар лагуны, а весь островок соединен с материком дамбой. К северу от канала был сооружен волнолом из наброски бетонных массивов. Обмеление началось сразу после строительства. Канал через шесть лет пришлось вторично углубить, но потом его вообще забросили из-за нерентабельности. Порт принимал всего не-

* Мальчишки, ребята (исп.).

сколько больших судов в год, но и в них отпала необходимость после проведения Тихоокеанской железной дороги. Сейчас по остатку канала глубиной всего лишь два с половиной метра «проползают» рыбацьи промысловые суда малой осадки. Каждый раз это сопряжено с риском, так как расположение мелей в море часто меняется. В это время года, когда господствуют материковые ветры, почти весь флот стоит под защитой мыса Пунта-Роса.

Но главное зло порта — это быстрый рост илистых осушек. Осушки, окаймленные мангровыми деревьями, были хорошо видны, еще когда мы ехали по дамбе. Вода спадала. Сейчас глянцевитые илистые отмели лежали перед нами, протянувшись почти к голове малого мола.

— А всю картину вы увидите с маяка на той высокой дюне, — добавил капитан.

Так мы и порешили сделать, а пока хотелось посмотреть, что же за грунт отлагается на отмелях и похож ли он на аллювий Майо. Невдалеке от берега на бортах обсохших лодок сидели шеренгами пеликаны. Непуганные, они подпустили нас на десять шагов. Хоакин пытался подойти еще ближе, чтобы получился интересный кадр с передним планом, но сразу провалился выше колен в тонкий сине-серый ил. Я кинул ему лопатку — взять незагрязненную пробу ила и тут же подумал, что нам предстоит серия трудных походов, когда мы окажемся перемазанными илом с ног до головы. Но пугать ребят пока не стоило.

По словам капитана, еще лет пять назад в восточную часть лагуны впадал один из рукавов Майо, сейчас превращенный в дренаж. После этого приток воды упал раз в десять, а заиление усилилось. Он даже просил объяснить, почему, когда пресная вода иссякла, ила стало отлагаться больше. Еще в конторе я ответил, что есть лагуны, в которые реки вообще не впадали и не впадают, и тем не менее и дно их, и берега тоже покрыты илом и что этот ил в большинстве случаев принесен с моря приливом. Хотя морская вода на вид и прозрачна, но в сильный шторм на литр приходится несколько десятых грамма мути. Она и отлагается в защищенных от волн и течений участках.

В конечном счете это муть тех же рек, но неоднократно перемешанная. Она садится на морское дно и снова взмучивается течениями и волнами. В основном муть уходит на километровые глубины Калифорнийского залива, но какая-то ее часть навсегда оседает в лагунах.

Конечно, доказать все это на месте, получив первую пробу грунта, было невозможно, и взял я ее больше для того, чтобы потом определить содержание органического вещества.

Но скорее на маяк! Туда мы взобрались и удостоверились в том, что на аэрофотоснимках все окрестности изображены совершенно правильно. Однако личный взгляд на местность всегда что-то прибавляет. В данном случае мы поняли, как сложно будет пробираться на машине по тем местам, где на аэрофотоснимках переплетались черные тонкие линии, словно «проведенные рукой ребенка». И уже через час пришлось в этом убедиться. Около первой посещенной сегодня дюны решили проникнуть на марисму, куда вел автомобильный след. Тут я почувствовал себя, как в восточных приморских Каракумах, где машина то катится по многоугольникам сухого глинистого «паркета», то вдруг начинает буксовать на чуть влажных местах и, того и гляди, сама выроет себе задним скатом яму.

Оставив пикапы на сухой обочине «паркета», мы осматривали низкорослые мангры и узкие протоки. Сейчас, в стлив, они были без воды. Вообще их можно даже пытаться перепрыгнуть, но Хоакин, раз уж он был в сырых ботинках и штанах, решил пересечь протоку вброд по всем правилам, и она отомстила за себя. Пришлось бедняге раздеваться на холодном ветру и ехать дальше в трусах, чтобы не перепачкать глиной сиденье рядом с шофером.

Ехать! Но ведь нужно развернуться. Маневр хорошо удался Урболехо, а Диего стал разворачиваться так осторожно, что был риск застрять на глине. И тут я сделал ошибку:

— Сдайте чуточку назад, Диего... а теперь смелее и больше энергии!

Он выполнил все в точности — и через три секунды «шевроле» сидел в глине по оси в десяти метрах от спасительного

песчаного подпожия дюны. Маневр обошелся нам в три часа потерянного времени и пятьдесят песо.

В Каракумах у нас всегда на борту были «шалманы». Это несколько крепких кривых жердей, которые можно подкладывать под колеса или орудовать ими как рычагами. Не было случая, чтобы пять здоровых «мужиков» не вытащили ГАЗ-63 из любой ямы, в песке ли, в глине,— и работы продолжались. Но здесь... Топора нет, да и деревьев нет, и даже стального троса нет. Урболехо пытался вытащить нас своей машиной, но лопнула толстая веревка, сплетенная из волокна хенекена. Я им сразу сказал, что поможет только трактор. Ищите трактор! Но не так это просто в воскресенье обнаружить трактор ближе чем за двадцать километров.

Вот это мне урок быть поосторожнее! Три часа — это серия попыток, когда рвалась цепь, добытая в порту, когда сел в том же иле грузовик и наконец всех выручил действительно трактор.

Ждали мы долго, и, кажется, это был первый случай, когда мы могли с Диего не торопиться и в тишине обо всем поговорить, а я, кроме того, обошел окрестности, вспоминая поездки по Каракумам двадцатилетней давности, сравнивая и находя сходства и отличия. Там тоже на сотню километров южнее острова Челекен вдоль берега тянутся массивы и гряды дюн, а за ними лежат необъятные такыры и снова дюны, уже очень древние, перевеянные ветром в серию параллельных гряд, и еще раз такыры повыше, и так несколько раз. Там, на Каспии, за последние десятки тысячелетий берег высоко поднят и равнина подходит к предгорьям целым рядом широких ступеней. Весной с гор стекают талые снеговые воды. Они размачивают ими же созданные такыры и насыщаются солью от соленосных древних морских толщ. Где климат суше, здесь или там, я не знаю, но это и несущественно: в обоих местах пустыня.

Подобно пучкам спутанных волос исчерчивают карту и аэроснимки каналы стока. На Каспии они теряются у внешней гряды дюн, где бывают громадные разливы, своего рода временные лагуны.

Здесь река доносила воды до моря несколькими протоками, нарастившими дельту. По внешнему же краю само море вторгалось и вторгается в край пустыни дважды в день благодаря приливам. В высокие нагоны морская вода наполняет и засаливает многочисленные марисмы и салины. Стекая обратно, эти высокие воды прокладывают новые русла, подкапываются под древние дюны, а принесенный ими ил постепенно повышает поверхность дельты.

На песках и такырах дельты Рио-Майо растительность удивительно похожа на каракумскую. Есть даже общие виды. Это солянки, а на песках — мелкие злаки и колючки. На Каспии — колючка «верблюжья»; как она называется здесь, я так и не узнал, ибо оба мои ученика мало интересовались ботаникой. Если не очень всматриваться, то кажется, что и не прошло двадцати с лишним лет. Так же выбираешь путь, чтобы не скользить по грязи или не изорвать штаны колючками на курах. И ждешь, что вот-вот за соседним бугром покажется полуторка и около нее проводник-туркмен, раздувающий предвечерний костер около палатки. Но иллюзии сразу исчезают, как только наткнешься на крупную протоку или заберешься на плоскую вершину старой дюны. В первом случае путь преграждают мангры. Здесь, в субтропиках, это еще не лес, а густой кустарник с жирными, блестящими листьями, стоящий на подпорках из густого пучка корней. Ствол начинается на уровне полной воды, там, где корни соединяются вместе. Настоящих иголок на манграх нет, но их заменяет масса коротких обломанных сучков, которые царапаются не хуже. Густая листва мешает видеть даже в двух шагах. Мы старательно избегали этих зарослей. Хоакин и Диего знали, что им придется здесь работать летом; поэтому сейчас они не стремились открыть все «тайны природы» и в мангры не забирались.

Вытащив машину, мы почувствовали, что утомились, и поэтому съели свой первый обед, который потом стал стандартным: «кирпич» легкого как пух, белейшего, нарезанного на куски и упакованного в яркий целлофановый пакет хлеба, к нему

ломтики ветчины и сыр типа брынзы, но не такой крохкий, как у нас. И все запивалось замечательным напитком, название которого я уже забыл. По вкусу он похож на хлебный квас. Помню, что в состав его входит экстракт ореха кола и что-то успокаивающее. Он продается в пузатых бутылочках, везде рекламируется и стоит баснословно дешево. Малая бутылочка — это двести граммов. Выпив его, чувствуешь, что вовсе не устал, что тебе уже не жарко и вообще жизнь хороша и волноваться не о чем. Этого эффекта хватает на час, а бутылочек мы возили всегда в кузове целый ящик.

Конец этого долгого маршрута решили провести на море. Оказывается, и туда проведено автомобильное шоссе. Обогнув с востока Моронкарит, мы промчались длинной перемычкой через низины, ведущие к лагуне Этчоропо, и врезались с тыла в дюнный массив. Здесь он был совершенно свеж и лишен растительности. Перед ним тянулась полоса барханов, а за пими — пляж!

Сколько ни бывать и ни жить на море, но вид бурунов, рядами бегущих к твоим ногам из безграничной голубой дали, сразу меняет настроение и даже ход мыслей! Первый выход к Калифорнийскому заливу! Что там на урезе? Какие ракушки? Какие минералы море отмыло в шлихи на заплеске?

Морской песок очень красноречив. Захватив горстку, можно ее долго рассматривать в лупу, пересыпая и растирая пальцами. В данном случае песок среднезернист и хорошо отсортирован (так 0,2—0,4 мм диаметром). Песчинки остроугольны и прозрачны, а в их общей массе изобиловали темные минералы. От этого общий тон песка был пепельно-серым. Этот пляжевый материал существенно отличался от дюнного, который я разглядывал утром. Там поверхность многих песчинок выглядела матовой, а острых граней было меньше. Не было в данном песке и обломочков ракушки и других морских организмов. Зато некоторые зерна имели желтоватый тон от тончайшей пленки железных окислов. Поэтому издали дюны выглядят золотистыми.

Стало ясно, что на пляже залегают свежий аллювиальный материал, недавно вынесенный рекой Майо, что он на коротком пути приобрел сортировку, а до того как попасть на дальние дюны, его долго носило взад-вперед волнами, течением и ветром. За это время он поистерся.

Поразило то, что ни Диего, ни Хоакин даже не вышли в этот раз из машины. Нет, не любят они и еще не знают, как можно «читать» берег, точно перед тобой открытая книга. И даже привычное «О'кэй, доктор», когда я захлопнул дверцу и жестом показал вперед, не заставило меня улыбнуться. Пришлось рассказать им о песке и подчеркнуть, что все высадки вместе со мной обязательны: они сами должны рассматривать образцы и стараться понять их происхождение.

Дальше мы въехали в симпатичный поселок из одной улицы между барханами и морем. Называется он Уатабампито, то есть маленькое Уатабампо. Сейчас в нем было пустынно, ибо этот поселок всего лишь дачи состоятельных уатабампцев на летний сезон. Несколько ребятишек играли под тощими пальмами, индианки, видимо работницы, ухаживали за цветами в длинных ящиках, да еще носилась по асфальту одинокая легковая машина, в которой оказались приятели Урболехо, довольно сильно подвыпившие по случаю воскресенья. Я не собирался с ними общаться, но Диего подтолкнул меня локтем и сказал, что здесь полезно завести побольше знакомств.

Следующие дни во многом были схожи. С утра очень раздражала медлительность ребят. За завтраком это чувство проходило, а в маршруте исчезало вообще. Вернувшись после небольшого отдыха, я нагружал спутников технической работой, а сам отстукивал на машинке дневниковые записи. Вечером они требовали очередного «мероприятия». Это были или походы в кино на американские фильмы, или «посиделки» у Кармен. А иногда мы просто гуляли по освещенным улицам вдоль «фешенебельных» кварталов, где располагаются затейливые особняки богатых горожан. Если же коллеги собирались на танцплощадку, то я возвращался писать письма или размышлять о виденном.

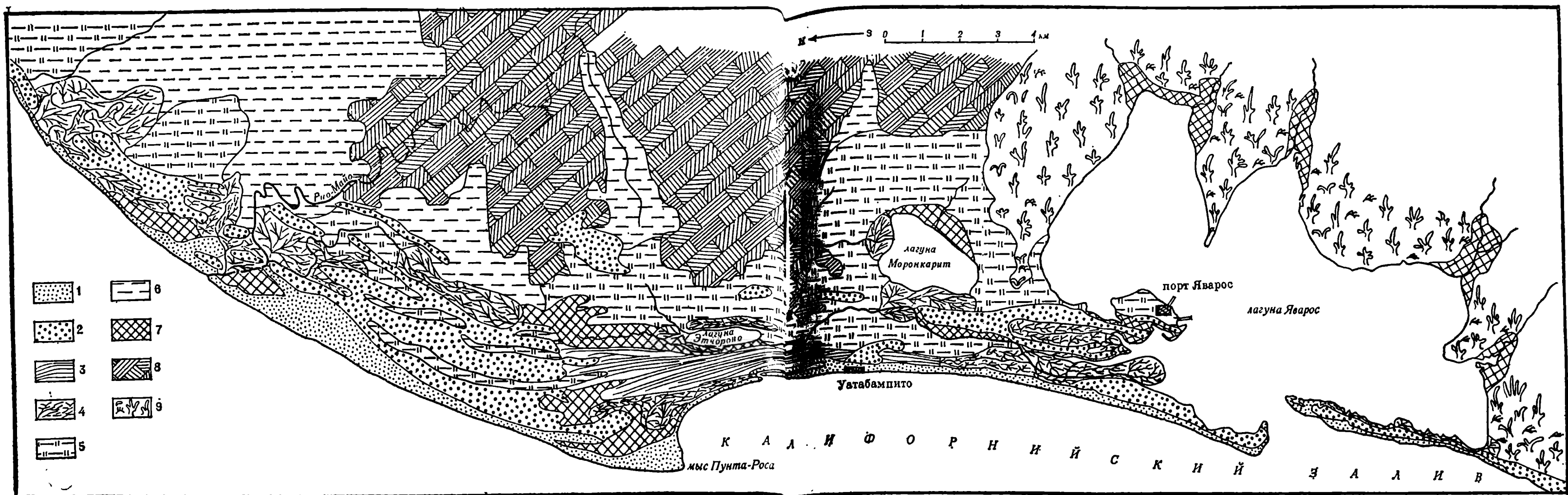
Через неделю пришло в голову, что при таком образе жизни я невольно забываю о своем возрасте. По-видимому, о нем забыли и мои спутники: Урболехо даже пригласил меня вместе с ребятами на какое-то молодежное торжество к своим родственникам. Но об этом позднее...

Работы подобного рода приходилось вести еще до войны и потом в конце 40-х годов. Они как небо от земли отличались от исследований последующих двадцати лет. И до чего все же мила эта старая обстановка! Не надо распределять, а потом контролировать выполнение дневных заданий; нет техники, которая норовит выйти из строя, и даже нет щемящего чувства повседневной ответственности. Что ни сделаешь, все ново, все интересно и плодотворно на этом рекогносцировочном уровне!

Систематические маршруты всегда монотонны. Но в некоторых запомнились или особенно яркие наблюдения, или любопытные инциденты, показывающие характер спутников, да и мой, конечно. Помню, у рыбацкого стана близ устья Майо нас перебросили на левый берег реки. Изучая очередное поле барханов, а потом пляж, мы спустились к самому устью, так километра за три. Там случайно оказались двое рыбаков в долбленке. Диего им покричал, и с их помощью мы попали опять на правый берег. Пока «пескадорес» толкались шестами, я удивлялся, до чего здешние серебристые торпедовидные рыбы «лиси» похожи на черноморскую кефаль. Ими было завалено все днище лодки, и пахли они по-кефальи.

На правой стороне мы еще прошли изрядную дистанцию пляжем, а потом углубились в лабиринт песчаных бугров и кустарника, чтобы попасть кратчайшим путем обратно, к стану рыбаков. Перед нами выросло второе русло реки, а от нее ответвление прямо поперек пути. Был отлив, и все ложе протоки шириной метров семьдесят сверкало серой няшей, то есть жидким илом.

Слово «няша» поморское. В 1938 году я изучал приливные берега Мезенского залива Белого моря, и там приходилось бродить по илистым («няшистым») отмелям. А аналогами здешних салин там являются приморские луга — лайды.

Картосхема края дельты р. Рио-Майо:
1 — пляжи и барханы; 2 — дюны; 3 — древние береговые валы;
4 — марисмы; 5 — салины; 6 — неосвоенные земли; 7 — осушка;
8 — сельскохозяйственные земли; 9 — пустыня

Посмотрел я еще раз на зловещую протоку, прикинул расстояние и произнес решительно:

— Нужно пересекать!

— Думаю, что это невозможно.

— Хорошо. Я попытаюсь первый, а если удастся, то придется идти и вам.

На этот раз я потерпел фиаско. Опыт, полученный в Мезенском заливе, говорил, что няша малопривлекательна, но глубже чем по пояс провалиться в нее нельзя. В данном случае подвели тропики. Через мангры я пролез и выломал по пути здоровую жердь. Она меня и спасла, когда я сделал первые два шага по голой няше. Бросив палку плашмя, я налег на нее руками и приостановил погружение в самый критический момент. Няша казалась бездонной.

Когда профессора вытащили и немного обмыли водой из лужи, ему оставалось лишь рассказывать коллегам по личному опыту о свойствах приливных илов в арктических условиях (Мезенский залив), в заливе Бохай-Ван, близ устья Желтой реки, и на тропическом острове Хайнань в Южно-Китайском море.

— Да, существенные различия есть. Видимо, они зависят от амплитуды приливов и, следовательно, от степени подвижности ила, а также от содержания в нем органического вещества. Например, в желтых илах Бохай-Вана оно достигает пяти процентов, и ил там жидок, как сметана.

Взяли мы пробу ила и здесь в герметический целлофановый мешочек. Так с разговорами наша группа подошла к суглинистым берегам свинцовой, негостеприимной речки. Ширина

ее была метров сорок. На ветру чувствовалась прохлада, и был я по пояс мокр. Терять, как говорится, нечего.

— Давайте переплывать здесь!

Коллеги молчат и недоуменно переглядываются. Молчу и я. Раздеваюсь догола, беру в руку фотоаппарат и торбу с образцами общим весом до трех кило. Не оборачиваясь, бреду в воду, а потом плыву и благополучно вылезая на противоположный берег. Вообще это было не первое наше купание, но в море из-за прохладной воды мы не плавали, а лишь бултыхались в слабом прибое. Я тогда убедился в том, что Диего и Хоакин держатся на воде, а вот годятся ли они в «дело»?

Плыву обратно. Смотрю: молодежь тоже начала раздеваться, но как-то нерешительно, и уже втроем мы переправляем следующую порцию ноши. Всего я пересек речку четыре раза и оделся после этого с громадным удовольствием. Парни мои переплыли реку дважды, а потом что-то долго мешкали. Не дожидаясь их, я пошел по такырам и солянкам, обгибая мангры и песчаные бугры в направлении к рыбацкому стану.

Запомнился еще один маршрут, где под конец я вторично попал в трудное положение. Сначала мы сидели полтора часа в поселке Яварос, ибо Диего не удосужился накануне созвониться насчет лодки. Ожидание было тоже по-своему интересным. Сразу после нас прибыл почтенный «гринго» в белом костюме. На прицепе у плоского и широкого «форта» новейшей марки он привез уже не белый, а сверкающе-белый моторный катер. «Гринго» сказал дежурному всего два-три слова, а в руках у него зашелестели зеленые долларовые бумажки. Дежурный поманил мальчишек и высыпал в ладошки старшему горстку сентавос. Те вспорхнули, и через пять минут у пирса появились дюжие молодцы. Они вкатили в воду прицеп, и катер величаво всплыл. Его чуть сдрейфовало к стае пеликанов. Птицы обиженно замотали головами, зашлепали крыльями по воде и неуклюже взлетели. А пока я за ними следил, прицеп уже снова оказался на суше, «форд» — под навесом, а на маленькую шлюпочку погрузили бочку бензина.

Жаль не догадался я провести хронометраж. Но во всяком случае уже через десять минут с начала операции джентльмен с охотничьим ружьем, леди с мальчиком, удочка со спиннингом и водяные лыжи были доставлены к катеру на лодке, покрытой чистой циновкой. Взревел подвесной мотор, снова засуетились пеликаны, но даже не успели взлететь, как рядом с ними, рассыпая шлейф брызг, промчался катер. От поднятого им буруна закачались суда у причала, зашевелились на урезе водоросли и юркнули в воду зеленоватые крабы, которых до этого и заметно-то не было.

От нечего делать я зашел в ларек и выпил кока-колу. Здесь же, на журнальном стенде, сверкали анилиновыми красками и мелованной бумагой многочисленные комиксы. Молоденькая сеньорита любезно разрешила их просмотреть, и это было впервые, когда я смог внимательно пролистать «художественные произведения» подобного рода. Мастерству рисовальщиков воздадим должное. Ими гротескно выпячены все мыслимые уродства отрицательных персонажей. Низкие лбы убийц и насильников, отвислые животы, морщины и бородавки старых жен, мешающих соединиться любовникам, крючковатые носы и волосатые руки старых ловеласов. И с тех же страниц столь же крупным планом смотрят ширококоротые красавицы с обтекаемыми, как автомобиль, бедрами и «арбузными» бюстами. И ситуации созданы такие, когда с них сорвана почти вся одежда (всю в Мексике не разрешают). Выручают красавиц из критических положений дюжие атлеты с квадратной челюстью и волевым подбородком. Они душат, стреляют, режут, прыгают с крыши дома прямо в седло мустанга. Они голыми руками ломают шею пантерам.

Чтобы нарушить тяжелое однообразие сюжетов, ситуации даны в историческом разрезе, начиная от людей каменного века и античной древности, через средневековье, современность и вплоть до космического будущего. И чем дальше смотришь, тем больше эта продукция кажется отвратительной. Я подозревал лениво прогуливавшегося Диего и, осведомившись о том, скоро ли

наконец придет шлюпка, поинтересовался его мнением о пестрых книжечках:

— Неужели вам тоже нравится эта безобразная глупость?

— Сейчас нет, но когда я был мальчиком, то часто смеялся, рассматривая такие картинки...

— Но неужели их покупают здесь? Все это, должно быть, так чуждо рыбакам и ранчерос...

— А о чем им можно сейчас мечтать? Они видят богатых «гринго», многие завидуют им и надеются подражать в будущем. Поэтому и покупают. Спрос же всегда удовлетворяется. Это выгодно!

Наконец появилась лодка — грязная плоскодонка с маленьким подвесным мотором. Вялый рыбак неохотно подтащил ее по илу к берегу и пригласил нас садиться.

Шли мы очень быстро, «с ветерком», сделали высадку на южной косе Яварос, потом прошли к самому корню косы в кут лагуны. Увы, стать пришлось очень далеко от берега и шлепать по илистому мелководью, распугивая крабов. А время было уже за полдень, нужно было торопиться: больше ведь никогда в жизни я сюда не попаду. Ребятам все равно: им здесь работать все лето. Сейчас они могли бы прибавить шагу, но нет, по-прежнему идут в развалочку и переговариваясь. Терпеть стало невозможно. Я повернул назад, сказал им, что цель маршрута — пройти, сколько успеем, по открытому берегу к югу и что я их там подожду.

В ответ — надоевшее «О'кэй, доктор!», и я двинулся вперед спортивным шагом. Пересек гряды дюн, вышел на пляж. Там уже пришлось сбросить куртку, так как становилось жарко. Еще через километр я оставил в другом месте брюки и кеды и продолжал идти самым быстрым темпом вдоль полосы прибоя. Это очень приятно. Мурлычешь мелодию в ритме с шагами и следишь, как накатываются и что выбрасывают волны. Припекает солнце. Обвевает бриз. За час незаметно проходишь семь километров. На этот раз я прошел меньше. Новые интересные объекты появлялись через каждые десять минут. Сначала за-

метил, что песок стал белее, а захватив щепотку, установил, что появилась примесь кварцевого гравия — материала, совершенно чуждого дельте. Потом стали встречаться железистые конкреции. Еще подальше кончились дюны и к морю вышли красноватые грунты пустыни. А впереди все повышался обрыв с нишами у подножия. С него свешивались и были разбросаны по песку громадные колонны кактусов-канделябров. Море оббило с них колючки и разрыхлило стволы, но ошибиться было невозможно. И наконец, когда прямо на обрыве стал виден кактусовый лес, я не выдержал.

Коллеги были далеко позади. До них больше километра. А что, если я успею забраться наверх и сделать там «потрясающие» фото! Объекты для съемки оказались действительно великолепными. Здесь произрастали в изобилии все главные виды кактусов сразу. И как они чудесно проектировались на фоне синего Калифорнийского залива! Вот будут в Москве восхищаться!

Я был бос. Тем не менее удавалось пробираться все дальше извилистым следом, огибая колючие колонны и перепрыгивая через змеевидные плети. Когда чем-нибудь увлечен, то не замечаешь мелких препятствий, а, вернее, просто преодолеваешь их с легкостью, которая потом самого заставляет удивляться.

В гуще леса я перезарядил пленку и начал выбираться к морю. Перешагнул через куст цереуса и наступил на «змею». Это страшно больно, но удалось сесть и вырвать колючки. Еще шаг — и вот тут пришлось «удивляться». Ткнулся в одну сторону, в другую... Где же и как я пробрался десять минут назад? Дебри казались абсолютно непролазными. Вернулся назад, но и то место, где перезаряжал, исчезло! После нескольких попыток освободиться и пауз для вытаскивания игл я окончательно упал духом. Обе ноги кровоточили, и даже сесть оказалось негде. С трудом нащупал места для обеих ступней, где в песке не было ни одной колючки, и встал, расставив ноги.

Поскольку «пожитки» остались на пляже, ребята их увидят и сами станут меня искать. Стоять и ждать? Но может быть, они тоже босиком, тогда это бесполезно. И все же ничего дру-

того не оставалось. До обрыва было не более сотни метров, но кактусы загораживали меня от моря. Кричать? Бесполезно: все звуки заглушал шум волн. Вот положение!

Осторожные Диего и Хоакин не бросили своих ботинок. Они увидели оставленные на пляже вещички. Заметили, что следов дальше по берегу нет, и догадались, что «маэстро» * наверху. Они немножко отдохнули, но, поскольку я не показывался, решили проявить инициативу и тоже вскарабкались на обрыв. На первых десяти метрах было много прогалин, и, когда Диего немножко углубился в чащу, я заметил его через просвет между колоннами. Или он услышал неистовый крик, или заметил, как я махал сдернутой с плеч рубашкой, но ситуация стала ему ясной. Он опять спустился к морю, обулся и вместе с Хоакином пошел в мою сторону.

Когда расстояние сократилось настолько, что я смог объяснить свое плачевное положение, оба принялись хохотать. Короче говоря, они меня вывели на чистую воду. Вывели в буквальном смысле, под руки, причем много раз я висел у них на плечах, чтобы не касаться ногами грунта. На обратном пути к лагуне отставал уже я и ковылял прихрамывая.

Здесь, на пляже, памятуя о целебных свойствах морской воды, я долго шлепал по заплеску, а потом мы уселись и стали комментировать новые наблюдения. Не оставалось сомнений в том, что за пределами дельты берег абрадируется. Сформирован клиф, красные грунты выступают на осушке, пляж узок и слой наносов тонок, а главное — он сложен чуждым дельте материалом. Это кварцевые гравии с конкрециями, которые идут отсюда к дельте и отлагаются на южной косе Яварос.

Явления эти настолько необычны, что даже Хоакин обратился с вопросом:

— Доктор, как же это получается, что на выпуклости дельты берег нарастает, а в вогнутости здесь идет размыв? Это противоречит установленным законам!

Я уже стал кое-что соображать о причинах кажущихся не-

* Учитель.

сообразностей, но с точки зрения дидактической считал, что объяснять питомцам свои теории еще рановато. Пусть сами попробуют додуматься! Поэтому посоветовал Хоакину продолжать тщательные наблюдения, а уж потом всем вместе проанализировать результаты.

И все-таки я взял реванш за свои поражения! Это произошло, когда обследовались удаленные части прибрежной зоны дельты. Там из-за дюн, кустарников и марисм приходилось оставлять «шевроле» и пробираться сквозь кусты на большие расстояния. Сделали мы два пересечения полосы древних береговых валов и были поражены. На фотомозаике валы видны совершенно явственно: ровные, параллельные, как прочерченные по лекалам. На местности же перед нами были неправильные бугры метра два высотой, все заросшие чапарралем и кактусами. Пробовали копать — в песке «облекающая» * слоистость, которая типична именно для береговых валов, как это у нас на Балтике было в свое время установлено В. Г. Ульстом. Даже ракушки нашлись, чего в дюнах не бывает. Действительно, это пляжевые валы, но что от них осталось!

А отсюда быстрым шагом я повел компанию к лагуне Этчоропо, потом на высокие древние дюны, и все по кустарнику, все по песку. А день выдался жаркий, и с нас лил пот. Оба приятеля тащили все увеличивающийся груз образцов.

Когда были потеряны всякие следы тропинки и надежды отыскать «шевроле», мы, спрятав головы в тень от кактуса-канделябра, присели отдохнуть и обсудить создавшееся положение.

— Чего же проще? Поднимемся вон на ту самую высокую дюну — до нее было, правда, еще с полкилометра, — и оттуда все будет видно, включая наш «шевроле»!

— О'кэй, доктор, но зачем же подниматься всем троим? Вы ориентируетесь лучше нас. Махнете оттуда своим сомбреро и покажете направление. Мы тогда и поплетемся...

— А я?

* Параллельные друг другу слои облекают какое-либо внутреннее тело или ядро (в данном случае — первичный береговой вал).

— Ну, вы ходите быстрее, и вам ничего не стоит нас догнать...

С трудом я взбирался на пятнадцатиметровый «пик» и проклинал все на свете. Но оттуда действительно удалось заметить очень далеко в кустарниках ярко-оранжевую крышу кузова «шевроле». Ребята поняли сигнал, не торопясь встали и двинулись в нужном направлении.

Много интересного материала дали маршруты, и он уже укладывался в голове в стройную систему. Однако рассказывать об этом рано. Частные закономерности не особенно интересны. А вот для общих нужно побывать далеко за пределами дельты Майо.

IV. ЖИЗНЬ В УАТАБАМПО

В северном маршруте Урболехо участвовать не смог, но обещал нам проводника, который якобы знает все тропинки. Действительно, утром некий сеньор в сандалиях на босу ногу и мятом сомбреро невозмутимо сидел на корточках перед дверью, ожидая, пока мы выйдем.

Трудно знать то, чего нет на самом деле. Под руководством проводника Хуана мы бесконечно пробирались без дорог по краям узких дрен и, утыкаясь в очередной тупик, с трудом разворачивались обратно. Раз сползли-таки в кювет, и «шевроле» привалился к изгороди из колючей проволоки. К счастью, недалеко работал трактор, и инцидент был быстро исчерпан. Пахотные земли удалось одолеть извилистым путем часа за полтора. По прямой это не более 15 километров, а счетчик зафиксировал 37. Потом мы блуждали по луговинам с кустами, где на одной из прогалин паслись лошади.

— Мустангос,— обратил на них мое внимание Хуан.

Я не стал разглядывать ничем не примечательных коней, а про себя начал шептать такое старое милое слово, еще из детства... Я в стране мустангов! Майн Рид, Луи Буссенар, прерии, Монтигомо Ястребинный Коготь... А позади действительно остался кусочек прерий. Нет, это волнует до сих пор!

Дальше Хуан с трудом нащупал след, который шел на север через кактусовый лес. Проводник здесь действительно бывал, так как он уверенно привел нас к месту, где несколько лет назад при его участии американская экспедиция раскапывала древнее становище индейцев. Ямы, черепки и «кухонные кучи» ракушек сохранились, но тщетно мы ползали по земле в надежде найти какое-нибудь цельное изделие.

Оказалось, что по кактусовому лесу бродят охотники. Одному выдали бутылочку нашего славного напитка, и, пока он пил, мы осмотрели добычу — пару зайцев и дичь, похожую на наших куропаток, но покрупнее и с фиолетовыми хвостовыми перьями.

Сидя в кабине после одного поворота, я вдруг увидел поджарую серую собаку вроде овчарки. Она метнулась сначала вдоль по дороге, а через момент скрылась за кактусом.

— Койот,— буркнул Диего, и тут я понял, почему ее движения, бег и повороты головы были заметно легче обычных собачьих. Невольно опять вспомнились Майн Рид и Сетон-Томпсон.

— И много тут койотов?

— Не больше чем сотая часть от числа зайцев. Они ведь ими питаются!

Лес кончился, и мы встали, чтобы стряхнуть с себя пыль. Впереди тянулись такыры, за ними несколько гряд, видимо песчаных, поскольку на них тоже росли высокие кактусы. След вел как раз в нужную сторону. Гряд было несколько. Их положение и ориентировку мы могли фиксировать только по километру и компасу. Рекогносцировка на машине напоминала сейчас плавание в открытом море по счислению.

Еще немного, и стала видна полоса высоких дюн, уходившая, казалось, бесконечно в обе стороны по горизонту. Такыр

стал влажнеть, и появились солянки. В километре от гряды пришлось встать, памятуя частые «посадки» машины. Прикинули дальномером расстояние до дюны и нанесли на схему свой путь от кактусового леса.

Здесь решили вырыть шурф. К моему удивлению, когда Хуан начал копать, Хоакин и Диего отошли в сторонку и стали молча взирать на происходящее. Хуан копал споро и ухватисто, но шурф глубок. В кузове лежала вторая лопата. Терять в маршруте время — преступление. Поэтому я ее взял и пристроился рядом с Хуаном. Тот был явно удивлен и сказал, обращаясь к ребятам, что может сделать все один, пусть «маэстро» отдыхает. Я молча продолжал работу, а минут через пять взял лопату у Хуана и свою и жестом пригласил ребят нас сменить.

Хуан послушно уселся на корточках рядом, а потом, догадавшись, полез в кузов и вынул несколько мешочков для образцов.

— Буэно, Хуан, gracias! *

Проводник мне решительно нравился. Он был понятлив, молчалив и очень предупредителен. Было видно, что наш индеец стремится честно заработать свои песо. Сидели мы в кабине втроем, вплотную прижавшись. Вблизи я разглядел, что его невзрачная одежда — выцветшие холщовые штаны и линялая ковбойка — только что выстирана, и почувствовал, что даже сомбреро почищено ацетоном. У Хуана узкое, прожженное солнцем лицо с горбатым носом и худые жилистые руки. Глаза выгоревшие, серо-коричневые пристально смотрели из-под густых клочковатых бровей. Волосы наполовину седые. И хотя он легко двигался, но во всем его облике сквозило бесконечное утомление. Казалось, мы с Хуаном ровесники, но, когда я спросил, выяснилось, что ему всего пятьдесят.

Ребята мои относились к Хуану с явным пренебрежением, таким чуждым в наших условиях, когда все члены экспедиции, от рабочего до начальника партии, работают как одна семья. Особенно это бросилось в глаза в следующем маршруте, когда

* Хорошо, Хуан, спасибо! (исп.).

мы устроились пообедать, спрятавшись в кузове от ветра. Открыв картонный короб, Диего разложил на салфетке ветчину, сыр и свежую целлофановую пачку с ситным, а прижавшемуся в уголке Хуану сунул один банан и кусок старого хлеба.

Получив из рук Диего аппетитный бутерброд, я протянул его Хуану, когда же тот стал отрицательно качать головой, я просто вырвал у него черствую горбушку и бросил на дорогу. Диего покраснел, и больше таких случаев не повторялось. Хуан ел то же, что и мы. Хоакин посмотрел в этот раз на меня с брезгливым неодобрением, но я действовал «с позиции силы» — извольте подчиняться здесь моим порядкам!

В пешую часть маршрута пошли все четверо. Чистый песок и море, открывшееся с гребня дюны, действуют как допинг. Подная смена впечатлений — красота, простор, шум. У уреза воды тянулась необычная рыжеватая полоса. Я догадался, что это глинистый бенч, и так оно и оказалось.

— Вот видите, здесь глинистое дно и даже берег. Ясно вам теперь, откуда взялись сверлящие моллюски, что мы видели прошлый раз? Да вот они и здесь валяются на пляже.

Диего развел руками, дескать, о'кэй, доктор, но Хоакин и тут нашел возражение:

— Но ведь до того места, где мы видели моллюсков, не меньше пятнадцати, а то и двадцати километров! Как же они туда попали?

Что и говорить, не всегда догадлив был Хоакин, и я попросил Диего объяснить человеку, что раковины перенесены волнами именно туда, куда им и полагается по теории.

В предыдущих маршрутах я обращал внимание моих помощников на многие вещи, которые считал необычными. В частности, встретив на пляже у фасада дельты створки моллюсков-камнеточцев, я сказал им, что мы найдем глинистый бенч, где они только и могут жить, но это будет на флангах дельты.

Потом попались тонкостенные ракушки, не свойственные песчаному биоценозу¹. Я пока не знал их видов, но мог с уверенностью говорить, что где-то вблизи дельты дно размывается и волна выбрасывает на берег мертвые створки. Обращал их

внимание на такие мелочи, как обломочки железистых конкреций в песках пляжа, похожих на те, что встречались в красноватых грунтах пустыни. Их могла вынести Майо, а скорее всего они тоже доставлены сюда волнами с удаленных участков берега. Диего и сам нашел способ меня проверить. «Шевроле» как раз сегодня застрял на переправе через Майо, и вода залила мотор. Кстати, тогда Хуан попросил меня встать на подножку, а сам выпрыгнул прямо в воду и полез под капот смотреть, заведется ли теперь мотор. Прогноз Хуана был положительным: «Подсохнет и пойдет». И действительно, через пятнадцать минут «шевроле» выбрался на другой берег. А пока все четверо рыскали по бичевнику в поисках конкреций или их обломочков. Не нашли ни того ни другого. Ясно, что конкреции пришли берегом моря. Диего с Хоакином постепенно проникались ко мне доверием и стали проявлять видимый интерес к существу дела.

А сейчас, взяв образцы глин и набрав разных ракушек, я предложил разделиться, чтобы обследовать берег на большом протяжении. Пришлось сделать Хоакину комплимент и сказать, что я полагаюсь на его наблюдательность.

— Прошу записать и зарисовать в книжке все, что покажется вам интересным, и не забудьте чаще смотреть на часы и компас, да еще считайте шаги, если не собьетесь.

Они пошли вдвоем с Хуаном на юг, а мы с Диего — на север. Я сбросил на пляже кеды и куртку и самым быстрым шагом шел ровно сорок минут по линии уреза. Песок здесь плотен, а волны то и дело выкатывают прямо к ногам красивую ракушку. Я даже не оборачивался к Диего и только временами подбирал подарки моря и совал в карманы. Особенно хороши здесь были крупные, до десяти сантиметров, полосатые мурексы, украшенные черными отростками. Иногда приходилось чертить стрелку ногой поперек пляжа и оставлять кучи морских редкостей, чтобы забрать их на обратном пути.

По такой ровной «дороге» проходишь километр за восемь минут, и я рассчитывал, что до начала лагуны Уйвуйлай будет как раз пять километров. Хуану я дал задание тоже собирать

на своем пути все чистые и цельные ракушки мурексы и конусы, а если встретятся новые, то и их.

Сорок минут прошло. Я подождал Диего, пыхтевшего сзади.

— Теперь заберемся на самую высокую дюну. Отсюда уже близко до лагуны, мы должны увидеть ее восточный берег. Он будет такой же, как у Яварос,— с красными обрывами.

И действительно, лагуна открылась с высоты не более двенадцати метров, и Диего стал рассматривать берега в бинокль.

— О'кэй, доктор, вы правы. Есть там красные обрывы!

Итак, тело дельты симметрично. С обоих флангов происходит размыв берегов, и наносы явным образом идут вдоль пляжа к ее фронтальной части. Осталось доказать две вещи: 1) что лагуны сформированы в процессе новейшего погружения. Это Диего может сделать, получив в лагунах и исследовав длинные колонки грунта; 2) что наносы флангов дельты должны быть крупнее, чем у устья реки Майо, и, возможно, имеют иной минералогический состав. В южном маршруте это стало очевидным. Здесь же приходится надеяться лишь на результаты анализов.

— Диего, вы понимаете теперь, для чего мы все это делали и брали пробы?

— О'кэй, доктор, я сам за этим прослежу в лаборатории.

Некоторые детали оказались выше понимания моего спутника, да и я сам сразу не мог во всем разобраться. Вокруг вместо правильных эоловых гряд располагался обширный массив песка, напоминающий беспорядочную волновую толчею в море, какая бывает у мысов, куда сходятся две системы волн. Тщетно я пытался отыскать взглядом хотя бы следы параболических дюн или гряд, параллельных господствующему направлению ветра. Повсюду виднелись беспорядочные бугры с котловинами дефляции² между ними. Ясно, что ветры здесь часто меняют направление и, возможно, завихряются. Возмущения ветрового режима должна вызывать близость гор Сьерра-Мадре. Главное же, что в этом углу между телом дельты и берегом, идущим к северу, накопились, и по-видимому быстро, большие запасы песка. В целом эти эоловые бугры ставят перед иссле-

дователем столько вопросов, что с первого взгляда их не решить.

Обратный путь занял час. Вернулись мы к исходной точке хотя и усталые, но довольные и оказались там почти синхронно со второй парой. Хоакин дошел до старого устья Рио-Майо и видел пни мангров прямо в море перед пляжем. Берег и там отступает. По пути из-под песка показывались глины. Подальше начались поля дефляции с мелкими барханами — уже знакомая картина. Хуан притащил кучу ракушек, но, видимо, он плохо разбирался в видах. Половину тут же пришлось выбросить; все же я его сердечно поблагодарил за усердие. Поскольку вся компания проголодалась и досаждал ветер, решили обсудить итоги в машине.

В маршрутах часто получаешь маленькие сюрпризы, то приятные, а то и нет. На этот раз мы долго чертыхались по-испански, по-английски и по-русски. Диего не запер кузов перед уходом, и это стоило нам обеда. Ящик с провизией оказался развороченным. На днище валялись обрывки бумаги и целлофановых пакетов. Уцелели бананы, апельсины и пузатые бутылочки. Ветчина и сыр исчезли целиком, а от хлеба осталось несколько обгрызанных кусков. Кто мог это сделать? Хуан отошел метров на двадцать от машины и на сыром пятне такыра показал нам свежие следы. Так это проклятые койоты! Долго Диего ругал себя за непредусмотрительность, и долго мы удивлялись, как это не побоялись серые «собаки» пролезть под раздуваемый ветром брезент. А чутье какое? В основном от машины несет бензином. Разве можно здесь различить ароматы съестного?

Банан — это, конечно, тоже хорошо, но мало. Поэтому ехали мы обратно молча и очень торопились попасть поскорее в теплый локаль к приветливой Кармен.

Наше обычное меню увеличилось на три порции спагетти с сыром. Мама Кармен ушла в кино, и мы долго сидели кей-фуя. Восьмилетняя Офелия уютно устроилась на моих коленях.

Так было удобнее рассматривать картинки в учебнике географии ее сестры Тринидад. Оказалось, что Офелия уже знает карту Мексики, хотя только год как научилась читать. С торжеством она показала мне пунсон³ Уатабампо. Я принялся отыскивать Москву и нашел ее лишь на карте Азии, причем обозначена она была, увы, меньшим шрифтом, чем Уатабампо. Вообще же Советскому Союзу из полутора ста страниц учебника были уделены только две, да и то часть из них занимали рисунки тундры с медведями и сибирской тайгой. Кое-как разбирая испанский текст, я узнал, что у нас тоже есть большие города, электростанции и железные дороги...

— А о Гагарине вы слыхали, девочки?

— Как же, как же, он первый улетел с Земли,— вмешалась старшая сестра Валенсия. Ну, эта должна знать: ей уже пятнадцать лет.

— А о Ленине?

И опять Валенсия опередила сестер:

— Тоже знаю. У вас была революция, и он был вождь, как наш Хуарес. Но в младших классах этого не проходят.

Тут я растрогался и извлек из кармана последний сохранившийся значок с кремлевской башней, звездой, серпом и молотом.

— Ун пресенте пекеньо пара ти! * — протянул я его Офелии.

Но не тут-то было. Как ястреб налетела Тринидад ихватила у нее сувенир. Офелия в слезы. Ну что поделаешь с девочками! Пришлось, не допив кофе, подниматься в номер гостиницы за московскими открытками. Вернувшись, я сумел утешить девочек, но Хоакина с Диего уже не застал. Они исчезли, заплатив за трапезу. Пожал я плечами и, поднявшись к себе, засел за пишущую машинку.

Наступил вечер. Парней нет. Я забеспокоился, так как мы сговорились сегодня смотреть фильм и время уже подходило. Решил выйти на улицу поискать их около кино. Минут через

* Маленький подарок для тебя (исп.).

пятнадцать навстречу попался слегка подвыпивший Хуан. Поняв, что я ищу коллег, он заулыбался и повел меня в ресторан, где они вместе сидели. Там выяснилось, что мои молодцы незадолго перешли в соседнюю таверну. Оттуда в третью. Стало ясно, что дальнейшие поиски бесполезны. Встреча если и состоится, то не доставит обеим сторонам никакого удовольствия. Я спросил через бармена, что собирается делать Хуан. Оказалось, что он «всем доволен» и с остатками заработанных денег направляется домой. Я вызвался его проводить. Хуан низко поклонился в мою сторону и попросил перевести, что живет в трех километрах от города и идти туда пришлось бы по грязной дороге.

— А не может ли Хуан написать адрес в моей полевой книжке и начертить схему пути на машине? Очень хотелось посмотреть, как живут здешние арендаторы-индейцы.

Хуан понял, но ответил, что лучше придет утром и покажет Диего, куда вести машину.

— Нет, нет, переведите, что завтра мы заедем к нему сами. Незачем человеку тащиться по дороге, когда на машине это займет пять минут!

Видя мою настойчивость, Хуан явно смутился. Он снял сомбреро, вытащил из кармана карандаш и как-то по-крестьянски прочно уселся за столик. Писал он хорошо, и даже схема получилась понятная, но это явно стоило Хуану больших усилий. Он насупился так, что морщины перешли даже на скулы и нос, а когда карандаш сломался, на лбу у бедняги выступил пот. Тут же он вытащил наваху, которая оказалась отлично заточенной, исправил дело и закончил чертеж.

Я все же проводил Хуана до окраины, и мы вели лаконичную беседу:

— Буэно? — Муй буэно!

— Бонито? — Ме густа мучо! *

На прощание Хуан похлопал меня по спине, а потом опять низко поклонился и ушел, слегка покачиваясь.

* — Хорошо? — Очень хорошо!

— Красиво? — Мне очень нравится (исп.).

На другой день мы встали рано, но Хуан уже сидел на ступеньках крыльца. Пришлось посещение его «касы» отложить на следующий раз.

В дом родственников Урболехо мы прибыли около десяти часов вечера, когда там набралось уже до полусотни лиц самого различного возраста. Одноэтажный каменный дом, невзрачный снаружи, оказался очень вместительным, а с задней стороны имел большую крытую веранду, выходящую во фруктовый сад. Вдоль стен первых двух комнат чинно сидели пожилые женщины, все в темном, мужчины в белых нейлоновых сорочках и при галстуках, а также и молодежь, как у нас: девушки с девушками и кавалеры также небольшими группками. Все вели между собой тихие разговоры. Меня сразу подвели к молодой особе и познакомили. Это оказалась племянница Урболехо по имени Эстер, в честь ее пятинадцатилетия и происходило празднество.

На веранде собралась преимущественно молодежь мужского пола, и все тянули ледяное пиво. Его разносили две девушки — подруги Эстер. К нашей группе, состоявшей сначала из меня, Урболехо, Диего и Хоакина, примкнуло постепенно еще несколько человек. Это были серьезные люди, задававшие те же вопросы о февральской погоде в Москве, о том, нравится ли мне Уатабампо, и, конечно, о целях нашей работы.

Последние вопросы я переадресовал Диего и с удивлением прислушивался, в какие тот залезал научные дебри. Обстановка начинала тяготить, как вдруг явился оркестр: аккордеон, две электрогитары, контрабас и скрипка. Их усадили в дальнем конце веранды, и грянул... вальс!

Наша группа потеснилась в угол. К ней примкнул инженер Умберто Моралес из Навохоа, и тут уже настала моя очередь задавать вопросы, и я даже достал записную книжку. Потом принесли напитки покрепче, которые, согласно этикету, пришлось отведать. Инженеры познакомили меня со своими женами Марией-Гваделупе и Анной-Маргаритой, и на один из следующих танцев я оказался приглашенным.

По ходу вечеринки обстановка несколько менялась. Где-то в задних комнатах часть девушек ухитрялась переодеваться и даже менять прическу. Оркестр играл преимущественно мексиканские мелодии. Никаких твистов, шейков и рок-н-ролов никто не исполнял, а танцевали обычные фокстроты и танго, как у нас двадцать лет назад. Под некоторые живые мелодии сеньориты выходили в пестрых нарядах — с длинными юбками и с большими черепаховыми гребнями в волосах. Насколько я понимаю, исполнялись испанские народные танцы, однако без кастаньет, а мужчины так и оставались в обычных брюках и только скидывали пиджаки. Эти танцы исполняются с напряженной и прогнутой талией. Голова откинута назад, движения быстры и полны скрытого напряжения.

В перерывах, когда отдыхал оркестр, разносили на картонных тарелках горячие блюда. Все они были страшно наперчены; разобрать, что именно ешь, на ходу невозможно. Пустые тарелки молодежь лихо запускала прямо в темный сад.

Узнав, что на этой «поплясухе» присутствует русский, музыканты каждый раз широко улыбались, когда я проходил мимо них с очередной партнершей, и специально исполнили «Очи черные» и «Катюшу».

Конец вечеринки происходил особенно непринужденно. Ко мне запросто подходили, хлопали по плечу, даже обнимали и всячески выражали свои симпатии. Общее одобрение суммировал один из родственников именинницы. Он много читал переводов русских писателей («даже Толстого»), а теперь, встретив первого русского воочию, должен сказать, что они («русские») ну «каси» как мексиканцы. Дома в словаре я нашел это новое для меня слово. Оно означает «почти».

Когда на часах пробило двенадцать, я вспомнил о завтрашнем маршруте и попросил Урболехо отвезти нашу группу домой. «Шевроле» самовольно вилял с одной стороны улицы на другую. Пассажиров это не беспокоило, а город был пустынен.

Можно ли успеть сделать что-либо существенное на берегах огромного залива, отстоящего от базы более чем на сто

километров, выехав туда на один день? Конечно, нет. Однако во всех наших планах это мероприятие значилось, и я часто повторял как заклинание: «Яварос, Ахьябампо, Эскуинапа!» Вместе с тем у меня был умысел — попытаться вернуться назад берегом моря и изучить явления абразии.

Уже упоминалось о том, что по недосмотру Диего мы привезли совсем не тот комплект карт, а фотосхемы на Ахьябампо у нас тоже не было. Поэтому Урболехо сговорился с инженером Управления ирригации дельты Рио-Фуэрте, и мы должны были получить у него карту Ахьябампо в поселке Кариссо, где-то на главном шоссе, не доезжая моста.

Там, за оградой из колючей проволоки, выстроились длинные ряды одинаковых, очень приятных на вид коттеджей. Охрана у ворот долго согласовывала вопрос: пустить нас или нет? Больше всего сомнений вызывал проводник Хуан. Он не взял документов. Машина на жаре нагрелась, тени не было, и мы просто не знали, куда деваться в эти полчаса.

Наконец проблема была решена, и «шевроле» вкатился в поселок. Большинство домов еще необитаемы, хотя они полностью готовы. Даже дорожки посыпаны песком, и перед каждым разбит палисадник с молодыми посадками цветов и мелких кустарников. Примерно в середине возведен обширный «супермеркадо»⁴, пока пустой. В дальнем конце поселка виднелись крупное здание управления и водонапорная башня. Туда мы и направились.

Предоставив переговоры Диего и Хоакину, я обошел здание. С той стороны за колючей проволокой находится второй поселок, по величине не меньше первого, и уже за ним темнеет кактусовый лес. Около ближайших хижин под открытым небом еще шел дым от очагов и женщины хлопотали, развешивая белье. Здесь же возились детишки и хрюкали свиньи. Куры раскапывали кучи мусора. Со второй улицы доносились звуки аккордеона и веселой песни. Словом, жизнь шла своим чередом, только совсем иная.

Контраст был разительный: простор и чистота здесь, скученность и убожество — за барьером. Если первый поселок пу-

стовал, то второй был уплотнен до предела. Легко было догадаться, что там работы вела не компания, а приезжали люди и строились сами из подручного материала, в основном из чапарраля, глины и кактусовых стволов.

Один из начальников самолично спустился вниз и пригласил выпить в конторе чашечку кофе. Выяснилось, что искомый инженер уехал и нужную нам карту никому не оставил. Рекогносцировку предстояло делать, как во времена Гумбольдта, голыми руками и глазомером.

Я воспользовался случаем разузнать про поселок, вернее, про оба. Первый выстроен для квалифицированного персонала, то есть для тех, кому предстоит осуществлять проект мелиорации массива земель около шестидесяти тысяч гектаров, именно района Ахьябампо, за счет воды Рио-Фуэрте. К работам еще только приступают, но уже в полном разгаре сведение кактусовых зарослей.

Второй поселок — для рабочих, которым жилье не предоставляется. Они селятся здесь потому, что обеспечены водоснабжением, транспорт к месту работы и есть лавка.

Я спросил, зачем им жить в пустыне, так далеко от моря даже при наличии транспорта, раз на берегу лагуны Ахьябампо имеется еще два поселка? Как-никак там свежесть, зелень, а здесь голая земля с колючками.

Инженер усмехнулся:

— Вы увидите эти поселки сами и тогда поймете! Там станет лучше только через пять лет, когда мы все построим.

Он дал инструкции, как нам проехать, и мы расстались.

Свернули с шоссе у нужного километрового столба на просеку в кактусовом лесу. Ехать по песку пришлось тихо: мотор грелся. «Решеткой» из просек пересечен весь массив, но она ориентирована наискось относительно морского берега. Просеки настолько прямые и одинаковые, что, пытаясь выбрать кратчайший путь, мы уже через полчаса заблудились совершенно безнадежно.

Встав на кузов машины, Хоакин разглядел неподалеку коренную возвышенность. Пришлось пробираться туда и караб-

каться на скалы для ориентировки. Возвышенность состояла из кристаллических сланцев, и оба моих помощника с увлечением занялись сбором образцов камней. Психологически это оправданно. Вместо трудноуловимых «материй» о динамике береговой зоны как приятно встретить объект, хорошо знакомый по университетским курсам и полевой практике! Для них это оказался неожиданный умственный отдых.

Сверху были хорошо видны море, залив Ахьябампо и даже просека, которая вела почти напрямик к предполагаемому местоположению деревни. Незабываемое зрелище представляет колючая темно-зеленая шкура кактусового леса! Сверху лес выглядит более редким, чем с дороги, ибо деревья не заслоняют друг друга. Но что-то новое появилось в отдалении. Дальше вдоль просеки лес как будто посерел.

Проехали мы километра два-три и поняли, в чем дело. Там оказались свежие вырубki. Поверженные колючие стволы лежали друг на друге верхушками в разные стороны. Похоже, что прошел тайфун. Со свежих срезов сочился сок. Лес плакал. Ни зайцев, ни койотов, ни птиц нет на этом кладбище. Вспомнился чеховский «Вишневый сад», но слишком уж он был здесь громаден. Грустное настроение автора передалось спутникам, и мы ехали молча, считая километры безжалостных порубок. Один лишь Хуан по-крестьянски, по-хозяйски оценивал эту картину:

— Почва здесь лучше, чем в Уатабампо. Эта земля прокормит десять тысяч семей, и дома удобнее строить: близко камень, близко глина. Был бы помоложе — переехал сюда.

Поселок Ахьябампо оказался одним из самых печальных мест, которые мне довелось видеть в Мексике. Небольшой католический храм с облезшей штукатуркой, несколько очень старых каменных домов и десятка два лачуг. Ни цветников, ни огородов. И всего три-четыре дерева, под тенью которых можно укрыться. В центре — лавчонка с сигаретами, кока-колой и тем необходимым минимумом вещей, что могут потребоваться для досужих камаронеро. Промысла в это время нет, и

поселок был почти пуст. С трудом разыскали старуху, которая согласилась сварить сеньорам кофе и сделать яичницу. Хоакин этим не удовлетворился и где-то у соседей добыл сушеное мясо кагуамы⁵.

Дом старухи имел всего три стены да еще прилаженное сбоку темное помещение. В нем висела люлька, а в углу был прислонен акваланг. За низенькой перегородкой копошились свиньи. Дух стоял тяжелый.

К нашему удивлению, Хуан и здесь нашел знакомых и после разговора выдал информацию. Деревня пришла в упадок после того, как воды Рио-Фуэрте перебросили на орошение юго-восточной части дельты. Та же история, что и в Яварос. Промысел уменьшился вдвое, и вести его имеет смысл лишь несколько месяцев в году. Работоспособное население уходит в другие места.

— Но все знают, что через несколько лет здесь будет большой город вроде Уатабампо. Важно пережить этот период невзгод, — добавил Хуан.

С научной точки зрения Ахьябампо оказалась интересной. В сущности это не лагуна, а большой лиман. Напосы его восточного берега состоят из белоснежного кварцевого гравия и крупного песка плохой окатанности. В других местах на пляже мы встретили даже щебневый материал. Ясно, что это не аллювий, а местные продукты выветривания, может быть, неоднократно пересотложенные.

Берег залива мелко изрезан. Местами он интенсивно абрадируется, и здесь в обрывах — красно-бурые пролювиальные толщи, размыв которых и дал материал узких пляжей. Пришлось с большим трудом пересекать высохшие лога, дно которых выполнено тем же гравием и щебнем изверженных и метаморфических пород.

В лимане бухточки перегораживаются баррами: в некоторых местах от берега растут косы и аккумулятивные выступы. Однако их взаимное расположение и связь трудно было сразу уложить в логическую схему. Одно ясно: берег «живет», и

весьма интенсивно. Пока удалось сделать лишь этот тривиальный вывод.

Не торопясь, мы пробирались к устью залива, заезжали в рыбачьи станы и в одном месте попали на трапезу. Отведали чудесных жареных «лиси» и оставили хозяевам половину запасов кока-колы. Характер наносов резко изменился. Появились мелкие желтоватые полимиктовые пески Рио-Фуэрте.

В эту же поездку мы увидели, как живут туристы из США из числа тех, кто помоложе и поскромнее. На берегу среди кактусов стояли большая палатка и грубо сколоченная из досок и жердей кухня. Поодаль виднелся колодец со срубом, бак на столбах и обтянутая парусиной кабинка душа. У берега привязан моторный катер. Воткнуты в песок водяные лыжи. Мы подошли поближе, но нашего приближения хозяева не заметили. Зато нам еще за полсотни метров стал слышен звук пишущей машинки, и мы с Диего переглянулись:

— Наверно, тоже изучают берега, доктор?

— Посмотрим!

На окрик «хэллоу» из палатки вышел спортивного вида мужчина, поздоровался и пригласил зайти. В палатке было относительно прохладно благодаря двойному тенту. Оказалось, научный работник из США, пишет диссертацию по истории литературы.

Я высоко оценил основательность, с которой коллега здесь устроился, и спросил, надолго ли.

— Четыре месяца, и скоро уже половина времени, что мы здесь прожили.

— Не скучно ли? И почему именно в Мексике, да еще в таком диком месте?

В это время залаяла собака, и Хуан, сидевший на корточках снаружи, ввалился в палатку. Женский голос окликнул собаку, и вошла девушка лет двадцати в купальном костюме.

— Моя жена Глэдис,— представил ее хозяин и продолжал: — Мы оба любим здешние места. Соотечественники с трейлерами сюда не приедут. Никто не мешает, чудесная рыб-

ная ловля, купание. Жить здесь очень дешево. Общество тоже имеется. Сейчас в Ахьябампо из Штатов одиннадцать машин. Летом будет втрое больше. Не все эти люди нам приятны, но к некоторым мы ездим в гости и они к нам. Единственное неудобство: за покупками приходится ездить в Сан-Блас, это около шестидесяти километров. Ездим по очереди.

В свою очередь Джон и Глэдис расспросили, кто мы такие. Компания наша их, видимо, заинтересовала, и они пригласили остаться на обед.

— И выпьем немножко! Ни разу не приходилось с московским коллегой...

Предложение было заманчивым, но, посмотрев на часы, я понял, что принять его невозможно. Нам предстоял большой путь с работой. На прощание я постарался выяснить, как организован лагерь. Колодец глубиной около пяти метров Джон вырыл сам. Вода чуточку солоноватая и используется только для душа. Питьевую возят в канистрах. Джон поднял брезент и показал машину. Оказалась точь-в-точь как у Бютце — «фольксваген» вроде микроавтобуса, весьма вместительный и даже с маленьким холодильником, который работает от аккумулятора. Рядом стояла тележка для катерка.

Как семейная идиллия это выглядело прекрасно. Но вряд ли в таких условиях можно написать серьезное исследование. Разве только научно-популярную брошюру.

Дальше мы наткнулись еще на два подобных маленьких лагеря и убедились, что Джон был прав: такие пустынные места нравятся многим. И еще я понял, куда деваются те вереницы машин, что табунами стремятся на юг по шоссе: в распоряжении их владельцев две тысячи километров океанского берега, не тронутого цивилизацией.

В стане рыбаков Хуан выяснил, что проезжая дорога вдоль берега моря сохранилась вплоть до поселка Лас-Бокас, откуда уже близко до Явароса. Это совпадало с моими планами. К морю мы вышли у северного края пересыпи Ахьябампо, и здесь я поручил Диего и Хоакину самим провести наблюдения.

Они правильно подметили необычную крутизну пляжа и вторичное изменение его состава. В этом месте снова залегал грубый (почти гравийный) материал. Чуть поодаль от их внимания не ускользнуло, что часть полосы мангров срезана морем и пни торчат даже из воды перед пляжем. Берег явно отступает. Немного севернее был виден свежий размытый склон невысоких дюп. Таким образом, здесь в точности повторялась картина, уже виденная у северного угла дельты Майо, вблизи лагуны Уйвуйлай.

Тем с большим интересом мы продолжали обследование берега и наконец достигли Лас-Бокаса. Аллювия нигде не было. Море размывало красно-бурые обрывчики и получало с них часть наносов пляжей. Материал, видимо, перемещается отсюда к югу. К берегу открывается несколько крупных плоских логов. Они сухи почти круглый год, но во время ливней несут в море материал разрушения предгорий.

По полосе побережья, где петляла грунтовая дорога, мы пересекали то участки кактусового леса, то чапарраль⁶, а иногда просто ехали по бурым суглинкам пустыни со всем возможным арсеналом колючек.

Я расспрашивал Хуана, почему он так хорошо знает все окрестные места. Неужели он везде побывал и зачем? Оказалось, что лет шесть назад при очередных выборах губернатора он объезжал избирателей, проверял списки и агитировал за претендента, который и получил потом этот важный пост.

Бывая в далеких краях, невольно ищешь черты сходства с уже знакомым и привычным и радуешься, когда такое сопоставление удастся. В Лас-Бокасе я узнал наш Коктебель времен Волошина и Богаевского⁷. Так же как и там, вдоль берега тянулось всего два ряда разнокалиберных домиков и из них лишь немногие были солидной постройки.

Так же как и в Коктебеле, в поселке почти не было зелени и горячий ветер продувал насквозь единственную пыльную улицу. Пустынные окрестности. Но здесь уже не чебрец украшал склоны холмов, а экзотические канделябры. Сколько поэм

можно было бы написать в этом месте, сколько сделать удивительных акварелей с трепещущей розовой Сьерра-Мадре на заднем плане!

И даже камушки! Собственно, они и вызвали ассоциации с Коктебелем. Сердоликов, правда, в Лас-Бокасе нет, но все же удалось набрать много цветных окатышей порфирита и яшмовидных сланцев. Единственно, чего не доставало, — так это Карадага! Берег плосок и пуст на десятки километров в обе стороны.

Здесь, в Лас-Бокасе, я впервые в Мексике увидел материальное подтверждение разрушения берега. Это были примитивные защитные сооружения у некоторых коттеджей: каменные стенки, отмостки откосов и даже грубое подобие бун⁸. Раз уж процесс дошел до фундамента зданий, остановить его трудно.

— Давно ли построены эти дома? — спросил я у Хуана.

— Вот этот стоял, когда я был здесь со списками для голосования, и вон тот, а остальных еще не было.

Однако и эти новые дома (построенные максимум шесть лет назад) немного пострадали. Не думаю, что рачительный хозяин поставил бы дом в десяти метрах от уреза. Подальше виден дом еще недостроенный, он отодвинут минимум на тридцать метров. Если принять, что за шесть лет море срезало полосу в двадцать метров, то, выходит, слишком уж быстро идет разрушение. Три метра в год? Не может быть! Сделаем поправку на недомыслие собственников и примем условно один метр, и то это большая цифра для данных условий.

— Хуан, а вы не помните: берег изменился с тех пор? Где он тогда проходил?

— Точно не помню, но вижу, что многое переменялось. Впрочем, вон впереди в воде большой камень, он был тогда на берегу. Я еще на нем сидел с приятелем.

Подхожу. До камня шесть — восемь метров от уреза, и вода промыла между ним и краем пляжа глубокий желоб. Кстати, этот камень! Он самый большой, но не единственный. Их целая россыпь, чуть выступающих над водой. Я разулся и

пытался пройти, но камни оказались ужасно скользкими. Пришлось раздеться и ползком обследовать дно против плавно закругляющегося мыса. На дне оказался валунный бенч⁹, каких много на Камчатке, на Беломорье, да и на кавказском берегу они встречаются. Ни одного камня невозможно было сдвинуть рукой. Их покров сцементирован. Я потратил еще пятнадцать минут на наблюдения под водой и на берегу, и вместе с ассистентами нам удалось установить, что здесь размывается погруженное ложе древнего водотока. Такие вещи встречаются около Сочи! Вот причина изгибов берега у Лас-Бокаса и в то же время его относительной устойчивости. Не будь этой природной защиты, берег размывался бы намного быстрее.

Возвращались мы поздновато, но я попросил Диего довезти Хуана до дому. Хоакин вылез в Уатабампо, а мы по пыльному проселку попали в беспорядочно разбросанную деревню без улиц, с купами казуарин и отдельными пальмами, с крошечными участками огородов за колючей проволокой и ямами, откуда берут для построек глину. Дома были на один фасон, все из той же адобы, то есть глиняного кирпича-сырца, под соломенными крышами. Перед некоторыми цвели олеандры, слегка обглоданные козами.

Хуанова «каса»^{*} выделялась среди остальных фасадом из настоящего красного кирпича, а сзади нее устроены ограда из жердей и большой навес. Под ним в полном порядке лежали лопаты, мотыги и стоял другой мелкий сельхозинвентарь. Комната в доме всего одна, но достаточно большая. В окнах вставлены стекла, что уже говорит об известном достатке. Сбоку расположена кухня, но очаг, как и в других домах, сложен на дворе.

При нашем приходе жена Хуана, молодая индианка, застенялась и закрыла платком лицо. Муж сказал ей на непонятном языке нечто не допускающее возражений. Она открылась,

^{*} Дом (исп.).

но так и не поднимала глаз, пока мы там находились. Из угла выбрались двое малышей, спрятались сзади мамы и выглядывали черными блестящими глазами.

Хотя Диего очень торопил, но все же я сумел немного побеседовать с Хуаном. Хуан свои десять гектаров получил от государства, но не является собственником и продать землю не может. Хозяйство он ведет самостоятельно, не входя в общину «эхидатариев»¹⁰. Последние некоторые работы проводят коллективно, имея не более двух-трех гектаров каждый. Несколько лет Хуан работал на ирригационную комиссию, но землю ему дали за какие-то другие заслуги, в частности за активность при выборах. Когда я пытался через Диего выяснить детали, то в этой части беседы он давал односложные ответы.

— Сколько же чистого дохода дает вам эта земля?

Хуан задумался, долго шевелил пальцами и сказал, что в среднем двадцать пять — тридцать песо в день. Я прикинул, что за год выходит меньше тысячи долларов.

— Так мало?

— Земля даст больше, но я за все должен платить. Хлопок — трудоемкая культура, и приходится нанимать месяца на четыре в год трех пеонов. Кроме того, плачу за аренду трактора, плачу за воду, за семена...

Мебель, по словам Хуана, сделана его собственными руками, но, откуда при столь скудном достатке он взял телевизор, осталось непонятным.

Мы дружески распрощались с хозяином, и он долго стоял перед домом, пока «шевроле» не скрылся из виду.

На следующий день я был приглашен в Навохоа — в Управление морских промыслов и в Управление ирригации, которые помещаются в одном здании. Нас с Диего принял сначала капитан рыбацкого флота Калифорнийского залива (от Масатлана до дельты Колорадо). Капитан был без всяких галунов и регалий, в простом синем костюме. Это о нем говорили рыбаки, когда я спрашивал у них о промысле:

— Вам, сеньор, нужно к капитану Кортесу. Он все знает.

После первых же слов стало ясно, что рыбаки были правы. Беседовали не торопясь за стеклянным круглым столиком, где нам сервировали кофе. Кортесу лет под шестьдесят. Он из здешних мест и помнит, как сам выразился, «каждого камаро-nero и каждую посудину». У него загорелое худое лицо с кожей, напоминающей дынную корку, «дубленой», как принято говорить о моряках. Шевелюра отлично сохранилась. Очень живые черные глаза. С обликом администратора совершенно не вяжутся темные, скрюченные кисти рук с узловатыми пальцами.

Обдумывая ответ, Кортес часто щурится и выпячивает губы. При этом он на несколько секунд замолкает. Потом улыбается и продолжает говорить так же размеренно и спокойно.

На стене в кабинете Кортеса висит та самая карта, которая нам была нужна. На ней показаны глубины и хорошо видны расширения шельфа против устьев всех крупных рек. Он несколько раз вставал и подходил к карте, показывая основные пункты креветочного и акульего промыслов. Можно было позавидовать изяществу и легкости его неторопливых движений.

Про креветочный промысел я записал следующее.

Общая продукция достигала двенадцати тысяч тонн в год. Наиболее продуктивным участком сейчас является лагуна Тополобампо, южнее дельты Рио-Фуэрте. Рыбаку платят за килограмм пятнадцать песо. Из них он отдает полтора песо налога. Для фирм США цена креветки на месте тридцать тысяч песо за тонну, и забирают они большую часть улова на сумму до полутора миллионов долларов в год. На внутреннем рынке креветки продаются по сорок пять песо за килограмм. Эти цифры характеризуют экономическую значимость проблемы. Промышляют креветок главным образом в лагунах с больших лодок. Лов в открытом море также производится, но он менее рентабелен. Рыбаки повсеместно объединены в крупные кооперативы. На суда и сети установлена коллективная собственность.

Выводятся креветки только в лагунах. Молодь питается фито-планктоном. Взрослые особи, по словам Кортеса, «омнибора» (всеядны). Они заглатывают мелкие организмы, щиплют водоросли, в неблагоприятные сезоны не брезгают даже илом. Сами креветки служат добычей хищных рыб.

Падение уловов за последние годы произошло лишь в тех лагунах, режим которых изменился вследствие мелиорации. До строительства плотины на реке Майо ее рукава в паводок шли через мелкие лагуны Этчоропо и Моронкарит и попадали в Яварос. Промысел здесь теперь действительно сократился почти втрое, как нам и рассказывали рыбаки в порту.

Имеются природные предпосылки для увеличения промысла в два с половиной раза против прежнего (освоение новых лагун, создание в существующих оптимального гидрологического режима). Задача океанографов — установить, каковы должны быть эти оптимальные условия. Задача инженеров и морских геологов — как их технически обеспечить. Уже завершается разработка проекта для лагун дельты Майо. Он должен быть осуществлен в ближайшие пять лет, и на это ассигновано два с половиной миллиона песо.

Во время разговора мы просматривали листы проектного задания, где были намечены трассы каналов, геологические профили, местоположение шлюзов, трассы нивелировок и все, что полагается в подобных делах. Под конец Кортес спросил, нет ли у меня критических замечаний по принципиальной стороне проекта или своих предложений. При этом он извинился, что ставит меня своей просьбой в трудное положение: за полчаса трудно охватить столько нового материала.

Я объяснил капитану, что езжу по дельте уже скоро две недели, осмотрел все интересные места, а о существе проекта мне рассказывал Рубен Урболехо. Из вежливости я перелистал схемы еще раз и сказал, что никто не мог бы придумать более простых и рациональных решений проблемы.

Единственно, что можно добавить, — так это шлюз на истоке канала, идущего через Моронкарит и Этчоропо. Поскольку предполагается пропускать ограниченное количество пресных

вод, то эти лагунки при сильных нагонах с моря могут получить избыточное засоление.

Оказалось, что это также имело в виду на будущее. Но раньше нужно получить сведения от биологов, какая соленость для молодежи креветок оптимальна. От этого будут зависеть сечение выводного канала и выбор места шлюза. Может быть, нам придется, добавил Кортес, восстановить старый морской канал из Явароса в залив. Это заодно решило бы проблему захода судов с моря в плохую погоду.

Полную противоположность капитану представляет начальник исследовательского отдела Управления ирригации инженер Армандо Рамас. Моложавый брюнет со склонностью к полноте, очень живой и темпераментный, он чем-то напоминал Айала-Кастаньяреса. Такие же усики, горячая речь, и даже головой он тряс, когда с увлечением рассказывал о новаторских проектах орошения всей прибрежной полосы Синалоа и Соноры, от реки Фуэрте до Гуаймас.

Раньше я немного читал об этом. Еще в 50-х годах после строительства плотин на реках Майо и Яки на побережье было орошено около четырехсот тысяч гектаров. В бассейне Рио-Фуэрте площадь ирригации достигала двухсот пятидесяти тысяч гектаров, а вместимость ее водохранилища Мигель-Идальго составляет два миллиарда кубометров. В начале 60-х годов была проведена реконструкция ранее построенных оросительных систем, после чего продукции на этих землях стало на половину больше.

— Рио-Фуэрте — самая полноводная из наших рек, — продолжал сеньор Рамас, — напоит всю прибрежную полосу и даст самотеком воду в Майо. Канал будет около ста километров длины и начнется от второй плотины высоко в предгорьях. Первое, с чего мы начали, — это создали для строителей в Кариссо настоящий город. Я знаю, что вы на днях его видели. Он еще не полностью заселен. Мы не можем набрать специалистов. Мы уверены в успехе потому, что накопили уже большой опыт. На Майо строительство началось десять лет назад, и, смотрите,

какие достигнуты результаты. Сейчас в дельте обрабатывается восемьдесят тысяч гектаров плодороднейшей земли. Главная культура у нас — хлопок. Он здесь выращивается высшего качества. Сейчас мы потребляем его почти весь сами. Но когда площадь земель увеличится в четыре-пять раз, то он пойдет на экспорт!

Рамас говорил так быстро, что мне пришлось его перебить:

— Я не понял, зачем перебрасывать воду в Майо, раз здесь ее, очевидно, хватает.

Рамас засмеялся и пояснил:

— Вы забыли про Гуаймас. Город сидит на голодном водяном пайке, и там также громадные площади, которые могут быть орошены с таким же прекрасным результатом. На реке Майо мы построим вторую плотину, много выше существующей. Там будет вторая гидроэлектростанция (конечно, меньшей мощности, чем на Рио-Фуэрте), а главное — вода оттуда пойдет самотеком в Гуаймас за сто пятьдесят километров. По пути будет еще одна плотина на реке Яки. В целом мы создадим единую регулируемую водную систему вдоль всей этой части побережья. Такого не было еще нигде в мире! Колоссаль!!!

По малой своей эрудированности я не мог ни подтвердить, ни опровергнуть последнее утверждение, но смелость проекта поражала. Сколько же будет стоить это грандиозное строительство?

— Стоимость? Около миллиарда песо.

— А почему вы сводите изумительные кактусовые леса на восток и даже на север от Ахьябампо?

— Таких лесов в Соноре останется еще очень много. И они лучше, чем в нашем районе. Будет создан заповедник. А сводим мы кактусы там, где земли отведены для орошения. От магистральных каналов пойдут малые на многие прибрежные участки — туда, где хорошие земли для хлопка.

И последнее, что меня интересовало: кто получит эти земли? Кто здесь будет жить и работать?

Оказалось, что орошаемые земли делятся примерно пополам между крупными сельскохозяйственными компаниями и,

так сказать, крестьянами-единоличниками (Рамас выразился: «для бедных людей»).

— Перспектива настолько заманчива, — сказал он, — что мы теряем на этом много строителей, уже имеющих большой опыт. Пеон покупает пару гектаров земли (а мы им предоставляем землю в первую очередь) и становится «помещиком».

— Тогда зачем давать им в первую очередь?

— Иначе будет очень трудно найти людей. Не все хотят ехать в пустыню, пока она не превращена в цветущий сад.

Лучшим рабочим администрация предоставляет скидку, некоторые даже получили по гектару бесплатно. Но правда, это те, кто повредил здоровье на работах.

Стоимость земли, однако, одинакова для любых категорий: десять тысяч песо за гектар — это минимальная сумма. К ней добавляется оплата каналов, которые подводят воду к данному участку, в сумме это может составить уже двадцать тысяч песо. Единоличникам дается рассрочка на двадцать лет, компаниям — значительно меньшая. Еще нужно платить ежегодно за воду — тридцать песо за тысячу кубометров. Таким образом, правительство получит обратно свои деньги, даже с соответствующим процентом.

Увлеченность Рамаса импонировала, однако я тут же вспомнил совсем не радостную обстановку, которую обрисовал нам проводник Хуан. Налицо явные противоречия, а они рожают сомнения. И еще хотелось спросить: бывал ли инженер Рамас за колючей проволокой привилегированного Кариссо? Нет, общая панорама жизни выглядела не в таком розовом свете.

После обеда мы зашли в отдел авиации. Айала еще до нашего отъезда договорился о предоставлении самолета для осмотра лагуны с воздуха. Однако то мешала погода, то все самолеты были заняты, то ремонт...

Но в конце концов настал тот день, когда нужно было или лететь, или сниматься с якоря и отправляться обратно, в Матлан. Чуть свет мы позавтракали у Кармен и сидели в напряженном ожидании, уже собрав пожитки. Восемь часов —

звонка нет. Девять — тоже. Теряются лучшие утренние часы, когда длинные тени на земле подчеркивают любую неровность. Рубен позвонил только в половине десятого. Самолет готов! Мчимся по шоссе в Навохоа. С погодой повезло: безоблачно и тихо. На травянистом поле стоит легкомысленная стрекоза, белая с синей полосой, блестящая и тепленькая (мотор прогрели). В тени под фюзеляжем валяется пилот — парнишка в джинсах и майке, белобрысый, с медно-красным от загара лицом. Я показал ему подготовленную схему полета, но он отрицательно покачал головой. Горючего всего на два часа. Пусть сеньоры решат: или лететь до дельты Рио-Фуэрте или до реки Яки. Посадка здесь же, в Навохоа!

Мы с Диего пытались протестовать, но поделать ничего было нельзя. Горючее не подвезли, а отложить полет еще раз мы сами не хотели.

Пролетели над Уатабампо, вышли на Пунта-Роса и взяли курс вдоль берега к югу. По пути нельзя было не залюбоваться, как поразительно ровно нарезаны квадраты полей и каналов. Еще удивило, что на фоне серых и зеленых площадей выделялись ярко-оранжевые. Помню, я видел оранжевые поля еще с машины по пути в Уатабампо. Тайну этих квадратов я узнал позднее от Урболехо. Оказывается, разводят специальные цветы (вроде наших махровых ноготков), чтобы их сушеные лепестки примешивать в корм курам. Они тогда несут яйца цвета загорелой кожи. Вкуса это не улучшает и пользы потребителю не приносит, но раскупаются такие яйца охотнее за свой «здоровый» вид.

Пролетая над клочком древней террасы с береговыми валами, я опять поразился, насколько они хорошо различаются сверху и сколь ровны их ряды. Легко было узнать тропы и маршмы, по которым пролезал с таким трудом «шевроле», но все это вместе с барханами у Пунта-Роса, с ее лачугами и судами, стоящими на якоре, промелькнуло за несколько секунд.

Отчетливы древние валы и на южной косе Яварос. На земле же мы их заметить не сумели, хотя делали пересечения в двух местах. А дальше потянулась огромная дуга берега,

уже частично исследованного. Начался кактусовый лес со светлыми разлогами сухих долин. Кажется, я различил даже точку, где застрял босиком. Эх, нужно было взять тогда чуть левее, и я попал бы прямо в одно из сухих русел!

Видно что-то новое. Я показываю Диего: пляж севернее Лас-Бокас исчез совершенно. Основания красноватых обрывов погружены в воду, и перед ними на дне проглядывает темная полоса бенча. Зубчатая тень от бахромы кактусов четко отделяет бенч от клифа. Видны местами упавшие канделябры, ибо летим мы всего на высоте пятсот метров.

За Лас-Бокасом я попросил пилота повернуть в море и идти прямо на Ахьябампо, чтобы сэкономить время. Глаз невольно искал в воде акул, но вместо них удалось различить какие-то крошечные лепешечки. Не сразу сообразишь, что это крупные морские черепахи, но пилот подтвердил догадку.

— Педро Зараза,— представился этот симпатичный юноша, когда я спросил, как его зовут. Пришлось отвернуться, чтобы скрыть улыбку. Дома, в Мехико, я специально листал телефонную книгу — проверить, встречаются ли такие фамилии на самом деле? Оказалось, да, и не одна.

Пока летели над водой, здесь и на обратном пути, мы с Педро оживленно беседовали. Он интересовался, что, собственно, мы хотим увидеть с самолета. Я, как умел, стал объяснять по-испански. Слыша мои языковые затруднения, Педро сказал, что можно перейти на английский, и в ответ получил небольшую лекцию о динамике берегов.

Со своей стороны я выяснил, что нашему пилоту двадцать один год, что самолет куплен в Штатах и стоит восемьдесят тысяч песо. По-моему, страшно дешево. Это всего лишь цена двух хороших автомашин или одной шикарной. С этого и еще нескольких подобных самолетов распыляют над полями порошок против вредителей и пытались выбрасывать удобрения. Однако для последней цели нужны машины большего размера, которых в управлении пока нет. В основном Педро используют как связного, ибо машина садится на любой полянке длиной сто метров.

Внизу началась серия лагун и лиманов Ахьябампо. Я догадывался еще в Мехико по карте, а сейчас увидел воочию, что расчлененные берега лимана быстро эволюционируют. От каждого небольшого мыса в акваторию вырастают косы, иногда в несколько генераций. Узкие бухты перегораживаются пересыпями. На «положенном» месте нарастают аккумулятивные выступы и косы. Короче говоря, внизу под нами расстилалась крупномасштабная модель целого моря с берегами, развивающимися по универсальным законам. Кроме того, были видны заросли кактусов и красноватые обрывы. Я посоветовал Диего произвести впоследствии геоморфологическое картирование и дать анализ возникновения всех абразионных и аккумулятивных форм берегов на этой «модели», где известна роза ветров и можно измерить глубины. На таком материале можно сделать диссертацию «пи эйч» ¹¹. Тот усмехнулся.

— Времени не хватит из-за наших креветок. Разве Айала позволит?

Несравненно сложнее выглядит широкая двойная пересыпь, отделяющая лагуну от моря. Она представляет сложнейшую мозаику тех же элементов, что и в дельте реки Майо, включая древние береговые валы. Однако здесь участки много крупнее, и легко было понять, что эта часть дельты в процессе роста перестраивалась по крайней мере дважды. Кроме того, появился новый элемент — параболические дюны. Они переползли через старые марисмы и участки террас с валами, все это разрушали и оставляли за собой ровные песчаные поля, на которых вторично зарождались барханные цепи.

Причины сложности строения дельты скоро стали ясны. Дельта включает в свое тело несколько коренных возвышенностей, и река дробится ими на рукава. Постепенных миграций русел здесь происходить не может. В паводки устье может оказаться переброшенным сразу на десяток километров в сторону. Некогда Рио-Фуэрте открывалось к морю именно здесь, а сейчас ее устье ушло далеко к юго-западу. От старого положения сохранились многочисленные меандрирующие русла и протоки, окаймленные галерейными мангровыми лесами.

Пересекли мы и современное активное русло с выступом берега на конце и большой отмелью, на которой сейчас рядов в десять кшнели буруны.

Педро Зараза сделал знак рукой, а когда я к нему наклонился, показал на часы и прокричал:

— Пора возвращаться.

В свои просьбы долететь до апекса (остроконечного кончика) дельты я вложил всю силу убедительности. Он ведь уже синел вдали. Зараза отказывался.

— Вот, черт подери! — выругался я и призвал на помощь Диего. Вдвоем мы его все же упростили.

Под нами сверкали две вогнутые косы, сходящиеся почти под прямым углом и выступающие в море. На самом кончике сохранилась протока. Русский язык беден, увы, морскими терминами. В свое время я предлагал называть такие формы «симметричная двояковогнутая коса» (а по-английски это звучит совсем просто: «наспэйт спит»). Коллеги меня печатно высмеяли, но сами ничего другого не придумали, и теперь в статьях и отчетах вместо четырех приведенных выше слов приходится тратить целый абзац. «Каси» — это точка схода двух полукружий. Применительно к берегам мы понимаем, что «каспы» образуются там, где встречаются два потока наносов, следовавшие вдоль участков берега различной экспозиции. Так оно явно и есть в данном случае. Будь дельта Рио-Майо побольше и получай она обильное питание песком, там тоже образовался бы подобный выступ. Здесь, у Рио-Фуэрте, форма оказалась молодой и активной. Косы были узкими, а за южной, уже в лагуне, лежала вторая коса параллельно первой. Быстро, значит, нарастает окончечность дельты!

А потом почти час летели мы обратно над синим заливом и делились впечатлениями:

— Где вы учились, Педро, летному делу и долго ли?

Оказывается, летная школа есть в Масатлане. Учился Педро целый год, но летать, по его словам, начал уже через две недели самостоятельно.

— Это ведь так просто!

— А в опасные положения попадали?

— Практически это исключено. Машина проверяется перед каждым вылетом. Всегда мы знаем погоду в радиусе полета. Это ведь всего двести — триста километров, хотя я мог бы лететь и дальше. А уж в самом крайнем случае я всегда могу сесть, ибо в пустыне везде найдется ровное местечко. Я и садился так раза два, ничего страшного!

И вдруг он внезапно спросил:

— Сеньор водит автомашину?

Я ответил утвердительно.

— Давно?

— Пятнадцать лет.

— Тогда садитесь на мое место. Попробуйте. Я закреплю рули в горизонтальном положении этим рычагом. Вам нужно будет его отпустить и держать ту ручку. Вперед, назад, влево, вправо. А те педали для враща. Левую жмите, правую отпускаете или наоборот. Я вам буду подсказывать!

И Педро Зараза начал отстегивать поясной ремень. Я удержал его, как мог, поблагодарив за доверие, и обещал полететь в следующий раз, после того как немножко потренируюсь на аэродроме. *

V. САГА ОБ УДЛИНЕННЫХ АКВАТОРИЯХ

В Калифорнийский залив с Западной Сьерра-Мадре впадают две реки более мощные, чем Майо. Это Яки и Фуэрте. Обе имеют симметричные полукруглые дельты, по площади вдвое и втрое большие, чем у Майо. У обеих дельт характерная особенность: их фронтальная часть окаймлена береговым баром, очертания которого напоминают наконечник стрелы, направленной в открытое море. Мы называем подобную форму берегового рельефа «двойная серповидная коса». Питание таких кос идет вдоль берега с обеих сторон, и два встречных потока наносов сходятся как бы на кончике «стрелы», сгружая свой материал в море.

Несомненно, что пески этой двойной формы являются аллювием соответствующих рек; но почему он сосредоточивается на оконечности дельты, а не уходит, как обычно, вдоль нее к краям? Дельту Яки я мог изучать только по картам. Дельту

Фуэрте видел на фотомозаике и с самолета. На первой — стреловидный барьер (Исла-Лобос) поражает своей правильностью и симметрией. Надо думать, что в этом месте действие противоположных волн и течений (то есть к вершине залива и к его устью) примерно уравновешено. У дельты Фуэрте выступ скошен в направлении к югу, так же как это мы видели у Майо (мыс Пунта-Роса).

Дело здесь, по-видимому, в разгоне ветровой волны. В течение года ветры северных румбов решительно преобладают во всем Калифорнийском заливе. С открытого океана зыби сюда явно не доходят. В вершине Калифорнийского залива расположены крупный остров Тибурон и парочка мелких против него; острова создают барьер для волны, разгоняемой от дельты Колорадо. А от этого «барьера» до дельты Яки всего 225 километров. Волны южных румбов могут брать разгон от устья залива, которое расположено в пятистах километрах от Яки. Для Фуэрте соответствующие расстояния составят 450 и 250 километров, для Майо — 325 и 375 километров.

Дельта Рио-Фуэрте удивительно сложна. С обеих сторон ее ограничивают глубоко врезанные лиманы Ахьябампо и Тополобампо. Внешний пояс дельты вдвое шире, чем у Майо, но на нем можно видеть сочетание тех же самых элементов. Преобладают широкие пространства со старицами, где блуждали русла реки; лишь местами в петлях древних меандр уцелели участки дюп и даже террас с морскими береговыми валами. Ближе к краям дельты появляются поля барханов и новый элемент — параболические дюны, направленные вершинами на юго-восток, вдоль оси залива.

В очертаниях береговой линии севера дельты имеются характерные асимметричные формы (Пунта-Роса в миниатюре), которые указывают на перемещение наносов именно к ее оконечности. То же самое намечается и у Рио-Яки. Важно отметить, что русла обеих рек открываются на боковой стороне дельт, а против их оконечностей расположены дюны, марисмы или просто болота. Попробуй понять: как создавалась подобная дельта? Вот какую сложную загадку загадала природа.

Направляясь в заокеанские края, я не думал, как один известный литературный герой, иметь в кармане миллион. Наоборот, была надежда, что сокровище удастся вывезти с собой оттуда. Какие у ученого могут быть сокровища? Новые факты и наблюдения, которые подтвердят или опровергнут возникшие теории или станут основанием для совсем новых. Это не приходит само собой. Новое потому и называется новым, что его никто не знает и еще нельзя объяснить начальству, почему нужно посетить те или иные места. Приходится проявлять настойчивость и даже идти на риск.

При изучении дельты Калифорнийского залива идея появилась сразу, но никто не собирался преподнести автору необходимые факты «на блюдечке с голубой каемочкой». Пришлось дважды звонить в Мехико Айала-Кастаньяресу, умолять его продлить срок пребывания в дельте Рио-Майо и разрешить провести хотя бы беглые наблюдения по пути между Уатабампо и Масатланом: ведь у них в институте, как и у нас, свои расчеты, планы, сметы. Однако разрешение дано, и мы с Диего отважно пустились в обратный путь.

Более трех четвертей расстояния между Павохоя и Масатланом занимают настоящие лагунные берега с баррами, выдвинутыми далеко в море. Было бы интересно их посетить, но на каждую такую высадку потребуется не менее дня: ведь нужно достать лодку, переправиться, походить по бару, собрать пробы и успеть вернуться. Поэтому мы с Диего наметили только три выезда к морю — туда, где лагуны нет.

В новые городки, расположенные в районах пррпгации, постепенно стягивается население как из штатов Сонора и Синалоа, так и из более отдаленных мест. Зато старые центры, которые были связаны с устьями рек или с дорогами, ведущими в глубь страны, консервируются и постепенно пустеют. Из них Гуасаве, наверно, самый тихий и уютный, тем более что он стоит в стороне от шоссе и далеко от моря. Он остался только административным центром небольшого района.

Гуасаве стоит на реке Синалоа. Ее истоки не переходят за первый горный хребет Сьерра-Мадре, и материала на соз-

дание своей дельты Синалоа явно не хватило. До берега от городка чуть больше тридцати километров; их мы проехали по грунтовой дороге вдоль ирригационного канала. Однако плотины на Синалоа нет, уровень в канале чуть выше, чем в реке, и орошенная полоса поэтому узка. Ничего мы по пути не видели, кроме больших овощных хозяйств да бескончаемых рядов запыленных казуарин.

Отдаленный берег моря становится здесь различным не по золотой дюнной полосе, а по темно-зеленой. Подъехав с осторожностью по ненадежной салине, мы убедились, что на дюну вообще невозможно взобраться: так густо она заросла колючим кустарником. Пришлось вернуться, проехать дальше и тыкаться в песчаный откос несколько раз по едва заметным, проложенным буйволами тропинкам. Но вплоть до устья реки так и не удалось одолеть дюну. Обратный пеший маршрут мы сделали уже вдоль берега.

Устье Синалоа почти не выдвинуто в море и резко отклонено к северу. Это надежный признак одностороннего перемещения наносов в том же направлении. Догадка подтвердилась, когда на пляже мы увидели довольно много щебня, а сам песок здесь был много крупнее, чем на ранее исследованных участках. Пляж широк (до ста метров); за ним образуются свежие песчаные бугры — зародыши дюн. Резкая асимметрия бугров показывает на их движение к югу под действием ветра. Но боюсь, что они так и останутся зародышами, потому что удаленные от моря дюны уже заросли травой и кустарником.

Настоящих старых дюн здесь оказалось две, а местами — три; они образуют сложную и широкую гряду общим поперечником более километра. Развевание и движение дюн происходит сейчас лишь в немногих местах — там, где растительность истощена в связи с выпасом скота. С трудом удалось пересечь среди кустарника две гряды и дойти до крутого склона, который был виден с машины.

Итоги маршрута: а) разрушения берегов нет, б) аккумуляция если и существует, то очень замедленная, в) перемещение пляжевых наносов происходит к северу, а бугры ветер

гонит к югу, г) дюны законсервированы растительностью на-цело. Думаю, что последнее связано не с береговыми процес-сами, а с увеличением количества атмосферных осадков по сравнению с районом Яварос. Не так много результатов, но и их не получишь, не побывав на берегу. Считаем, что остановка и боковой ход оправданны.

От Гуасаве до следующего выезда к берегу у Кульякана — около ста пятидесяти километров. Диего торопился. Ехали мы молча, ибо места уже знакомы, но в уме я невольно вспоминал конец вчерашнего дня в Гуасаве. Прпехали мы туда засветло и поселились в полупустой старинной четырехэтажной гостинице «Монтесума». Она величественна, как и ее название, с громадными холлами, колоннадами и просторными номерами, с широкими лестницами, но без лифта. На фасаде стоит год постройки: «1896». Накормили в ней хорошо.

Гуляя потом по городу, мы не видели ни одного современно-го здания. Заглядывая в ярко освещенные магазины, удив-лялись ассортименту товаров и отсутствию покупателей. Багаж пополнился еще одним свертком — полный ковбойский костюм: белые джинсы, куртка и широкий ремень с серебря-ной лошадьё на бляхе. Кольта я решил не покупать, ибо лицо, которому предназначался дар, уже студент последнего курса МГУ. Заявиться ему в таком виде в аудиторию было бы не-ловко.

Чуть поодаль от центра расположена жилая часть города. Здесь замечательна не только строгая испанская архитектура, но и то, что каждый из домов окружен цветником и фрукто-вым садом. Заборов нет. Мы прохаживались здесь, точно в большом парке, и Диего шутил со встречными девушками, ко-торые с любопытством смотрели на пришельцев. Улицы эти, однако, слабо освещены, и нам пришлось вернуться к сверкаю-щим кварталам центра. Прямо против отеля решили зайти по-ужинать.

Посетителей в кафе почти не было. Пока готовился ужин, я попросил разрешения попробовать пинино, стоявшее в углу. Когда не бренчишь почти два месяца, пальцы слушаются плохо

и вряд ли я доставил удовольствие кому-либо, кроме себя. Но за инструментом чувствуешь себя точно дома, в московской квартире, и совершенно отрешаешься от окружающей обстановки. Очевидно, потребность в этом была.

Когда я съел ужин, то, к моему удивлению, Диего, хозяин заведения и немногие посетители (к тому времени их набралось с десяток) попросили поиграть еще. Хозяин, кроме того, открыл крышку инструмента и показал, что пианино механическое. Комбинированное: можно играть самому, а можно вставлять запись. Рядом на полке лежало несколько десятков валиков из плотной бумаги с дырочками. Это были записи классических произведений в исполнении известных пианистов. Я попросил поставить одну и выбрал Листа. Аудитория запротестовала: все ленты слушались бесчисленное количество раз. Но все-таки мне пошли навстречу и одну ленту прослушали.

И вот снова под сводами захудалого кафе в далеком Гуасаве зазвучали «Каховка», русские старинные песни, мелодии Дунаевского, не говоря уже о фокстротах и танго еще довоенных времен. Потом я перешел на песенки из чаплинских кинофильмов и попытался изобразить сходные несложные мелодии, которые слышал в Уатабампо у Рубена Урболехо.

В кафе народ все подходил и начались танцы. Я стал играть вальсы Штрауса — понравилось. Кому аплодировали, не знаю: танцорам или «пианисту». Растроганный хозяин поднес виски с содовой, сказав многозначительно: «Фри, сеньор» *. Диего, очевидно, объяснил партнершам (а те — соседям), что играет русский, из самой Москвы.

Под конец мы сидели большой компанией с девушками и вели застольную беседу. Хотелось спросить Диего: «Ты все еще меня уважаешь?» За виски мне заплатить так и не дали, хотя я порывался, видит бог! Хозяин прсводил нас до подъезда «Монтесумы», долго кланялся, благодарил, жал руки и желал сеньорам «Фелис вьяхе» **.

* Бесплатно (англ.).

** Счастливого пути! (исп.)

С балкона третьего этажа мы последний раз заглянули в широкое окно напротив. Механизм играл бетховенское «Престото», а парочки все кружились. Я отправился спать. Диего — вызывать междугороднюю.

В Кульякане мы не задержались. «Шевроле» промчался мимо уже знакомых мотелей и свернул на дорогу к морю, вдоль реки. Увы, устье реки Кульякан открывается в лагуну, а дельты она построить не сумела. Поселок Альтата, куда ведет дорога, тоже стоит на лагуне, и я поставил Диего задачу найти путь севернее, где, судя по туристской карте, на протяжении около пятнадцати километров море омывает коренной берег.

Задачу он выполнил ценой обдирання бортов колючками и одной «вынужденной посадки» в песках сухого русла. К нашему счастью, там росли кусты, и, нарубив лопатой толстых сучьев, я показал, как мы управлялись в свое время при подобных ситуациях, странствуя по Каракумам. Ландшафт в этих местах напоминал пустоши между Ахьябамно и Лас-Бокасом, но кактусы были в большинстве сведены, и ирригационных каналов проникали на водоразделы между логами.

К берегу удалось пробраться в трех точках, и этого оказалось достаточно. Я обратил внимание Диего на весьма скудную эоловую аккумуляцию, причем нельзя было даже разобрать, то ли здесь свежие маленькие дюнки, то ли «руины» некогда более крупных дюн. Берег явно подрезан морем, но признаки абразии были далеко не так ярки, как, например, у Лас-Бокаса. Процесс идет исключительно вяло. Край аллювиальной равнины (не более двух метров высоты над пляжем) оканчивался пологим откосом бурых суглинков, к подножию которого прижат плавник. Наиболее интересными оказались наносы пляжа. Снова мы встретили плохо сортированный крупный песок с гравием и обломочками коренных пород. Соответственно пляж был крут и неширок. Самое же главное — у двух водотоков шлейф выносов был смещен к югу на сотни метров.

— Диего, эти пробы особенно важны, обведите их номера

в книжке красным. Их обязательно нужно сравнить с аллювием Кульякана и других рек, что мы пересекали по шоссе!

— О'кэй, доктор. А объясните, почему?

И я объяснил, что где-то на этом участке проходит линия раздела, то есть дивергенции, потоков наносов. Здесь должно размываться дно, и летом его нужно исследовать в аквалангах. Причина может заключаться в изменении длины разгона северных и южных волн. Чем дальше мы продвигаемся к югу, тем сильнее воздействие на берег ветровых волн, идущих с севера. Думаю, что зыбь с океана сюда или не попадает, или приходит в очень ослабленном виде. Она не может противостоять частым северным волнам.

Южнее Кульякана кончились леса и рощи кактусов. Остались участки чапарраля на склонах, каменные пастбища и возделанные земли.

Смелая и агрессивная растительность тропиков нравится многим. Работая на Кубе, я уже повидал настоящие кактусы, но там их мало и они не высоки. Они просто теряются в зарослях Варадеро или где-нибудь у мыса Манси. Поэтому на Кубе моими любимцами среди растений стали казуарина, полкустарник ўва и кокосовая пальма. Но теперь кактус вытеснил из сердца все прежние симпатии. Мексиканцы сами любят и широко используют кактусы. Это живые изгороди, пищевой продукт, топливо и даже строительный материал. В один из первых дней я был поражен, когда, зайдя в шикарный ресторан на авениде Инсурхентес (Мехико), заметил на прилавке влажные, чуть зеленоватые лепешки величиной с хорошее блюдо и до четырех сантиметров толщиной. Когда от лепешки отрезали ломоть, она слезилась.

— Что это, Диего?

— Опунция, доктор. С «листьев» срезана кожица вместе с иголками. Из них делают салат. Можно и так попробовать с солью. Хотите?

Я тогда отказался, о чем жалею, ибо в домах, где пришлось побывать, никто кактуса мне не предложил. Сейчас, за дни ра-

боты, кактусы вошли в нашу жизнь как неперенный атрибут. Мы боролись с ними в пешех маршрутах и обдирали машину колючками. Они служили фоном для фотоснимков, а иногда приходилось под канделябрами искать тени.

Не догадавшись изучить раньше ботаническую литературу, я их пытался для себя как-то систематизировать, а заодно неотступно размышлял: чем они так симпатичны?

Начнем с меньших. Это одиночные шарики и шары с крупной винтовой нарезкой, то есть ребристостью (*Mammillaria tetraoistra*). Максимальный размер — около семидесяти сантиметров. По ребрам сверху донизу топорщатся пучки колючек с крючком на конце. Маленькие шарики я отыскивал еще на базальтовом плато около университета. Это напоминало поиски грибов в Подмосковье. Шарики также норовили прятаться под прошлогодние листья и траву или залезать в щели. Поиск был интересен, но добычи домой, на Калые-Медисина, я не приносил. Некоторые, правда, я сковырнул палкой, чтобы посмотреть, есть ли у них корни! (Есть, но небольшие.)

Здесь, в Соноре, шары попадались очень крупные и цвели желтыми колокольчиками без стебельков. Пчел на них слеталось множество. Хуан сказал, что шары называют «бийнага» и для хозяйства они в сущности не нужны.

Другой сорт кактуса — «змеи» (*Machaerocereus gummosus*). Это действительно длинные колючие змеи до пяти сантиметров толщиной. В отличие от змей настоящих они извиваются больше в вертикальной плоскости, и куст напоминает спутанный стальной трос, когда его не укладывают в бухту и не наматывают на барабан, а прямо сбрасывают на палубу. Петли троса кактусинои не поднимаются больше чем на метр от земли, но пучок змей разрастается от одного центра в куртину площадью до пятидесяти квадратных метров. Такие места непроходимы абсолютно, и даже вокруг кустов обрывки, затоптанные в песок, могут изувечить ногу, если не заметишь. У местных жителей они никак не называются и не используются. К сожалению, в кактусовых лесах их очень много.

Третий сорт — *Opuntia imbricata*. Растет от одного корня

несколько кривых палок толщиной с большой палец на ноге и высотой до полутора метров. Каждая деревянная палка на конце ветвится, а вместо листьев на ветвях торчат подушечки вроде маленьких дисков опунций и с маленькими же иголками. Когда они встречаются в пути, то палки можно отстранить ногой.

Дальше идет просто опунция. В Соноре произрастают экземпляры небольших размеров (до трех метров высоты), и вид их не особенно впечатляет. Но совсем другие опунции, вдвое выше и с толстым стволом, растут на центральном плато, и в частности у пирамид Теотнуакан. Они-то и поступают в гастрономические магазины.

И наконец, самые красивые и знаменитые кактусы — это столбы и канделябры. Чамисо (*Pachycereus Pringlei*) имеют вид дерева. Но в лесу они почему-то не встречаются. Те, что растут здесь, — сауарос (*Cereus giganteus*) — не имеют твердого ствола. Это ребристые колонны, зеленые и колючие от самого подножия. Они бывают до двадцати метров высотой и несколько тонн весом. В нашем районе экземпляров выше шести — восьми метров, увы, не встречалось.

Когда хозяин хочет иметь забор для защиты от свиней и собак, он едет на муле в лес. Рубит молодые кактусы и грузит их, как поленья, на мула. Жалею, что не узнал, как при этом защитить спину животного от страшных колючек. Дома остается воткнуть «поленья» в небольшие ямки и ждать, когда получится забор. Промежутки между ямками рассчитаны на увеличение диаметра со временем. Говорят, надежный забор вырастает за пять лет. Поскольку столбы плотно прилегают друг к другу, то они не дают побегов.

В лесу есть два разных вида кактусов. Один дает побеги редко. Такой кактус выглядит как пучок длинных бревен. А второй, собственно канделябр, ветвится. Близ Мехико я видел кактусы, у которых серия новых отростков отходит от ствола радиально на одной высоте — «розеткой». У здешних — рост боковых ответвлений имеет стихийный характер. Ни с того ни с сего короткая толстая «рука» протягивается вбок и потом резко

загибается кверху. У взрослого кактуса таких «рук» несколько, и выглядит он как канделябр, но не подчинен в своем строении никакой симметрии. Это абстрактное искусство природы. Наблюдая плотную группу таких кактусов, я подмечал (но может, это моя фантазия?), что при этом достигается более равномерное заполнение внутригруппового пространства. Значит, какой-то смысл в это ветвление заложен?

Независимость и кажущаяся нелогичность «поведения» кактусов меня, в частности, и пленили. Великолепно приспособившись к суровым природным условиям, они открыто демонстрируют полное своеволие и «творческую» фантазию.

Видимо, кактус — упорное и настойчивое растение. Колючий столб протыкает насквозь кусты чапарраля... если захочет, найдет в камне трещину и вырастет там, и даже камень разорвет! Такие черты характера вызывают уважение, и им невольно стремишься подражать.

А не даром изображение кактуса красуется на государственном гербе Мексики!

Когда едешь с севера на юг, привычно видеть постепенную смену характера растительности. Деревья становятся выше и крепче, листья на них крупнее, травы гуще, цветы ярче и пышнее. Многие вечнозеленые породы все же очень близки к своим родственникам, которые оголяются на зиму. И вдруг в эту постепенность вклиниваются растения, резко отличные от виденных. Таковую внезапность вносят, например, пальма, банан, в Мексике — агава. Аналогов им в умеренных и холодных широтах нет. Однако кактус — это нечто совершенно особое в растительном мире.

Семейство кактусов насчитывает около полутора тысяч видов, и все они родом из Мексики. Они очень хитро борются с палящим солнцем, недостатком влаги и покушениями травоядных животных. Кактус живуч и неприхотлив. Листья превращены в прочные колючки, а функции листа принимает на себя ствол. Он весь покрыт воскообразным налетом, сводящим испарение к минимуму. А в клетках ствола кактуса содержится

ся слизь, которая месяцами удерживает влагу после редких дождей.

Невольно становится грустно, когда видишь, что приходится уничтожать тысячи гектаров уникального ландшафта кактусового леса.

От городка Ла-Крус рукой подать до устья реки Элота. Устье не обнаружило смещения ни вправо, ни влево. Я внутренне торжествовал. Эти места лежат как раз на выходе из Калифорнийского залива, и почти по нормали к пляжу накатывалась с запада редкая океаническая зыбь. Здесь мы видим уже обычный океанический берег, где вогнутости должны заполняться наносами, а мысы отступают под натиском волн. Беглый маршрут по пляжу не дал никаких ярких фактов, но само их отсутствие весьма красноречиво.

Диего внимательно записывал под мою диктовку: «Берег стабилен (ни размыва, ни аккумуляции). Индикаторов продольного перемещения наносов нет. Равнодействующая волнового режима близка к нормали. Дюны не формируются ввиду влажного климата (атмосферных осадков — 800 миллиметров в год, по данным метеостанции Масатлана) и обилия растительности. На пляже преобладают гравий и галька кристаллических пород. Маршем и салин нет, так как высота прилива менее одного метра».

Очень приятно было, что Диего проявил наконец живой интерес к происходящему. Мы даже не пошли сразу к машине, а уселись в уютном уголке под акацией и стали сопоставлять виденное здесь с изученным в районе дельт средней части залива. Диего стал вникать в механизм развития берега при различных волновых режимах. Беседа продолжалась в кабине всю дорогу (150 километров до Масатлана). За эти два часа я рассказал ему историю об изучении эволюции берегов удлиненных акваторий. Раньше он о ней ничего не слышал, и мне пришлось входить во многие детали.

Давно-давно (точнее, в году 1950-м) тихоходная, толстобрюхая «каталина»¹ несла береговой отряд вдоль северного

края Чукотки. Этот берег почти весь окаймлен узкими лагунами, которые тянутся на сотни километров. Я сидел, помню, у правого бортового блистера² и вел наблюдения. На мне был шлем с наушниками и микрофоном, а под рукой торчала кнопка. Нажав, я давал сигнал вертикальной аэрофотокамере делать снимки один за другим. В микрофон я диктовал стенографистке Клавье наблюдения или же переключал его на пилотскую кабину и просил взять немного правее, левее, повыше или даже сделать круг над особо интересным участком.

Сначала, пока лагуны были короткие и широкие, ничего замечательного в них не находилось. Но восточнее мыса Шмидта лагуны сузились до двух-трех километров, и примерно через каждые пять-шесть километров с внутренней стороны узкого здесь бара в акваторию были выдвинуты правильные треугольники. У начала лагуны они были асимметричными, скошенными в одну сторону, потом превратились в симметричные; дальше скос сменился на противоположный и наконец лагуна замкнулась. Всего оказалось двадцать шесть треугольных выступов в одной лагуне. За ней виднелась следующая с такими же правильными выступами и даже тонкими перегородками.

На очередной посадке я задержал самолет на день (хотя была чудесная, редкая здесь погода) для того, чтобы осмотреть на месте эти уникальные формы рельефа. Лодки на базе не оказалось, оленей тоже, и пришлось нам с девочками (Клавдией и аспиранткой Элеонорой Забелиной) идти пешком, запасшись на всякий случай провиантом, прямо по береговому бару. Бар оказался галечным. Куски диабазы и кристаллических сланцев были великолепно окатаны и превращены в эллипсоиды величиной с утиное или даже гагачье яйцо. Птичьих гнезд по пути множество, но о размерах яиц можно было судить лишь по скорлупе, ибо птенцы давно вывелись.

За день мы обследовали два выступа, но этого оказалось достаточно, чтобы объяснить их форму и понять процесс образования. Легко удалось установить полную идентичность состава гальки бара и этих треугольных форм. Правильность очертаний выступов свидетельствовала о том, что плавучий

лед не мог принимать участие в их создании. Их построили слабые лагунные волны. Они отобрали из общей массы только мелкую гальку и перенесли ее в определенные места. Восточнее осмотренных выступов крутой тыльный откос бара обрывался в воду с трехметровой высоты. Здесь он немного отступил. Западнее откос был отлогим, и у его подножия сохранилась узкая пляжевая терраска, по которой было удобно идти.

Сам треугольник на западной стороне состоял из нескольких береговых валов, а с востока они были срезаны одним, более высоким валом. В середине между ними были маленькие вторичные лагуны. В высоких непромокаемых сапогах я прошел по ее дну до глубины в полметра и убедился, что под подвижной торфяной пленкой в этой лагуне было такое же галечное дно.

Вот и весь маршрут. В следующий день полета мы обогнули мыс Дежнева и сели в бухте Провидения. Однако все попутные лагуны северной стороны Чукотки были теперь засняты. Оставалось смотреть в стереоскоп³, работать циркулем-измерителем и думать.

Зимой в поисках литературы я наткнулся на статью американца Р. Фишера, который описал аналогичные формы в лагунах острова Св. Лаврентия, что в Беринговом море. Там лагуна шире и треугольников было меньше. Их происхождение он объяснил случайными переливами волн через бар. Каждый раз штормы смывают в лагуну песок и гальку, и уже потом мелкие лагунные волны якобы формируют эти массы наносов, придав им относительно правильные очертания.

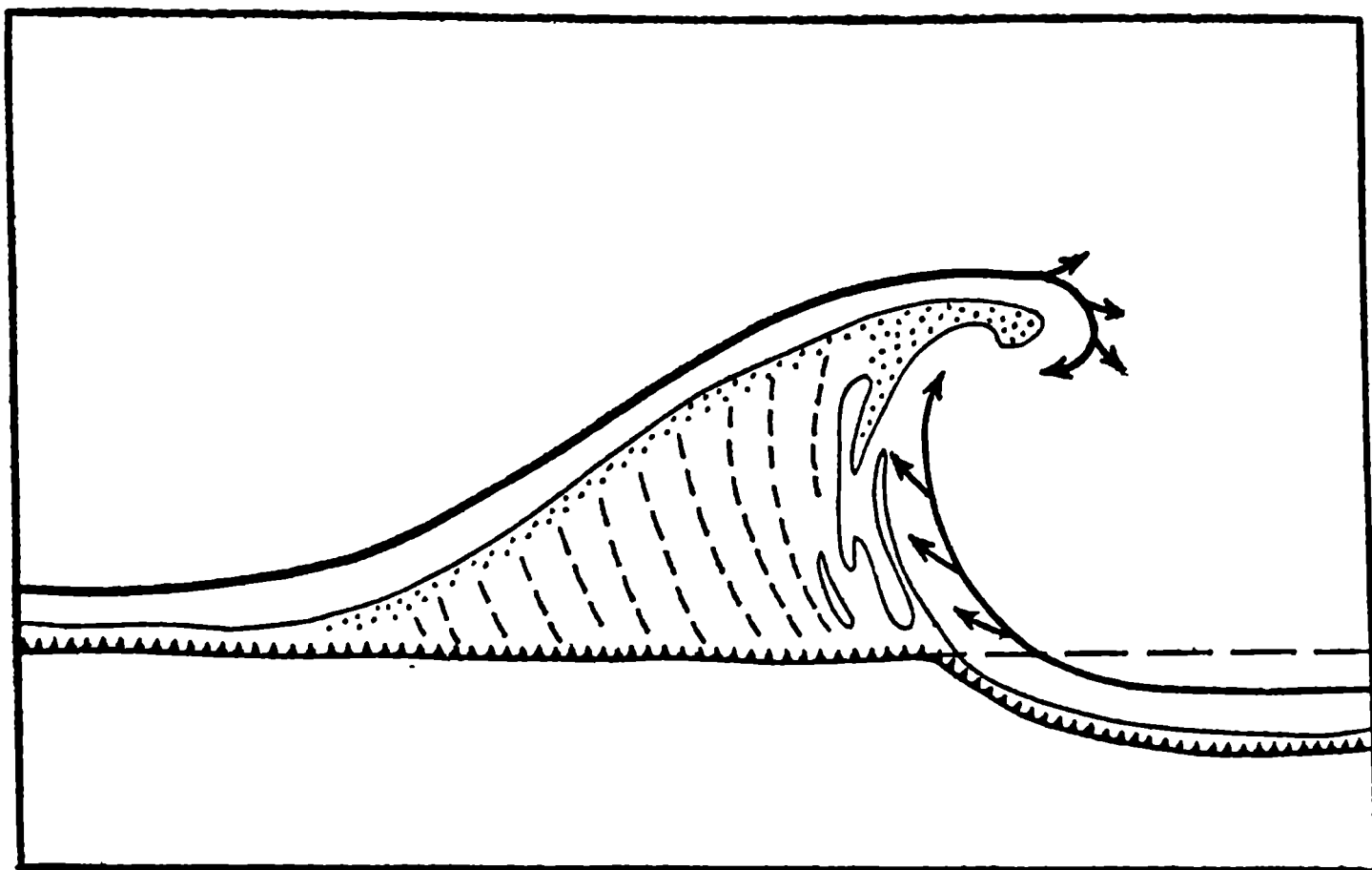
А почему волны не разнесли этот материал вдоль края бара? На это был ответ, что «еще не успели». Формы, дескать, временные и должны скоро исчезнуть, если сильный шторм с моря не подсыплет в то же самое место еще материала.

Нет, не убедил меня Фишер. Разве может это быть случайностью, когда в узких чукотских лагунах таких форм было до двадцати шести в одной, расположены они с правильными интервалами и имеют одинаковые размеры! Здесь налицо закономерность, но какая?

Нашел еще одну работу, и тоже американскую. У. Прайс и Б. Вилсон объясняли те же «фишеровские» формы сейшами в акватории лагуны. Сейши — это своеобразные стоячие волны. Если, скажем, падает атмосферное давление на одном конце Финского залива, то уровень моря там поднимается. Давление снова повысилось — эта масса воды занимает прежний уровень и вспучивает соседнюю. Можно это продемонстрировать в корыте. Один край приподнимешь — вода устремится к другому, быстро опустишь корыто — она прильет обратно, и так много раз, постепенно затихая. Такая сейша называется одноузловой. В середине корыта (или залива) уровень не меняется. При многоузловых сейшах таких точек неизменного уровня может быть две или три. Я помянул Финский залив потому, что сейши в нем бывают часто и высота их достигает двух метров.

Подобные же сейши могут возникнуть и в длинной лагуне, и они должны вызывать донные течения. По мнению Прайса и Вилсона, течения способны нагромождать наносы в узлах сейш. Возникнет подводный порог или несколько. Такой порог, если он есть, тормозит ход обычных волн, и на концах порога формируются треугольники из наносов⁴. Теоретически все вроде верно, и, может быть, такие пороги действительно существуют, но не в чукотских лагунах. Там промеры делались, чтобы знать, могут ли садиться большие гидропланы. На дне ни малейших неровностей! Оно плоско как стол и покрыто торфянистым илом. Следовательно, в данном случае и вторая теоретическая схема неприменима. Нужно думать!

И придумал я следующее. Какие бы ветры ни свирепствовали над узкой лагуной, но возбудить достаточно крупную волну могут лишь те, что дуют вдоль их длинной оси. Для того чтобы выросла большая волна, нужно соответствующее расстояние разгона. Волны эти перемещают вдоль пляжа наносы в узкой полосе вдоль уреза. Наибольшая скорость и объемы перемещения достигаются, когда фронт волны ориентирован под углом около 45 градусов к береговой линии. Причина тут в закономерностях потери энергии волной при под-

Треугольный выступ в лагуне

ходе к берегу, когда ее фронт растягивается вследствие изгиба (рефракции).

В лагуне, вдоль которой задул ветер и погнал волны, угол этот заведомо меньше 45 градусов. И в этом случае наблюдаются ужасно интересные вещи: вдоль берега один за другим вырастают короткие асимметричные выступчики с подводным продолжением в виде коротких кос. Эти формы располагаются кулисно, то есть оконечность подводной косы заходит за точку формирования следующего берегового выступа. А самое замечательное, что угол между краем такой косы и лучом волны также составляет около 45 градусов. Таким образом, аккумулятивные формы располагаются по линии наибольшей скорости перемещения наносов.

Если волнение тех же направлений и силы продолжается достаточно долго, то выступы эти медленно сдвигаются вдоль берега, и тем быстрее, чем данный выступ длиннее. Наезжая

на другие и включая их в свое тело, этот выступ-«гегемон» растет, а поскольку он в лагуне не один, то весь ее берег принимает пильчатые очертания. Когда волнение меняется, система оказывается нарушенной. Косы частично размываются, но зато пазухи между ними и береговой линией волны забивают наносами и придают всем формам характерные треугольные очертания. Этот новый материал образует серию береговых валов, которые всегда хорошо видны и на местности, и по аэрофотоснимкам. Наиболее крупные выступы могут пережить «непогоду», и тогда волнение прежнего направления снова начинает их перемещать и увеличивать.

Есть еще одна интересная закономерность. Сколь бы долго ни дул ветер, даже самой большой силы, для каждой из узких акваторий существует свой предел роста волн. Они достигают максимальных параметров после некоторого пути разгона, зависящего от ширины лагуны, ее глубины и силы ветра.

За каждым выступом образуется волновая тень, то есть защищенное от господствующих волн пространство, и по мере роста выступа тень увеличивается. В ее пределах перемещение наносов прекращается, а несколько дальше возобновляется в прежнем направлении. Таким образом, возникает ритмическая последовательность скошенных выступов берега, продолжающих медленное перемещение.

До сих пор речь шла о единичных формах и единственном направлении волн, при котором они возникли. Для того чтобы проследить дальнейшее развитие процесса, нужно представить себе лагуну в целом, а также попеременное действие волн противоположных направлений. Введем еще одно понятие равнодействующей волнового режима. Начнем со «свеженькой» лагуны, берега которой еще не расчленены. Она представляется в виде удлиненной сигаровидной акватории с двумя узкими концами и двумя боковыми сторонами — материковой и баровой. Если состав материала обеих сторон примерно одинаковый (а это возможно), то наносные треугольники должны возникать не только с тыльной стороны бара, но и вдоль материкового берега. Если некоторые из них станут особенно боль-

шими, то они начнут влиять на волновой режим прилегающей части акватории. Выступы частично ослабляют (задерживают) волны, идущие вдоль лагуны. А раз так, то, во-первых, треугольник, выросший на одной стороне, будет способствовать задержке движения и росту выступа такой же формы на стороне противоположащей. Во-вторых, ослабление продольных волн вызовет относительное увеличение роли волн других направлений. Рассмотрим «розы», слагающиеся из волн различных румбов. Если в начале процесса эти «розы» были вытянуты в эллипсы, то, чем более выступают треугольники от обоих берегов, тем ближе волновые «розы» между ними приблизятся к окружности.

Напрашиваются два следствия предполагаемых изменений. Раз не будет резкого преобладания одной системы волн, то смещение выступов вдоль берега замедлится, а потом и вовсе прекратится. Они станут симметричными. Движение наносов вдоль края выступов должно продолжаться, и, не будь сильных течений (дрейфовых или вызванных сейшами), они могут соединиться своими концами и образовать в лагуне перемычку или несколько. И такие перемычки я видел. Правда, они приурочены к концам лагуны. Еще я видел серии береговых валов и точно измерил их на аэрофотоснимках. Очертания и срезы одних валов другими свидетельствовали о расширении акватории между выступами.

Если мысленно проследить дальнейшее развитие и завершение процесса, приняв равномерное распределение ветров (и волн) по странам света, то приходим к выводу о том, что при благоприятных условиях лагуна разобьется на ряд округлых озер.

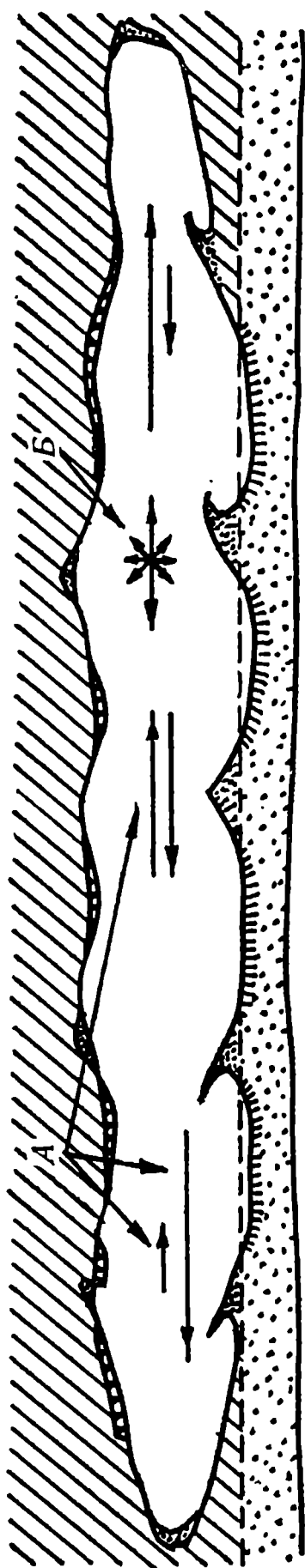
Эта на первый взгляд рискованная дедукция требовала для подтверждения многократной проверки и поисков аналогий в других условиях. Почему, действительно, описанные формы наблюдаются только в лагунах Чукотки и Аляски? На помощь пришли карты. В равнинных странах с большим количеством атмосферных осадков и породами малой проницаемости образуется множество озер. Если на берегах этих озер

грунты рыхлы и содержат много песка, то озера эти бывают либо идеально круглыми, либо эллипсовидными, а в последнем случае все эллипсы вытянуты в одном направлении. Такими озерами изобилуют юг Западно-Сибирской низменности, тундры в мерзлых грунтах нашего северо-востока и Аляска. Особенно четко выражены они на равнине штата Каролина в США. Последние настолько удивительны правильностью очертаний, что об их возможном происхождении написано уже несколько монографий.

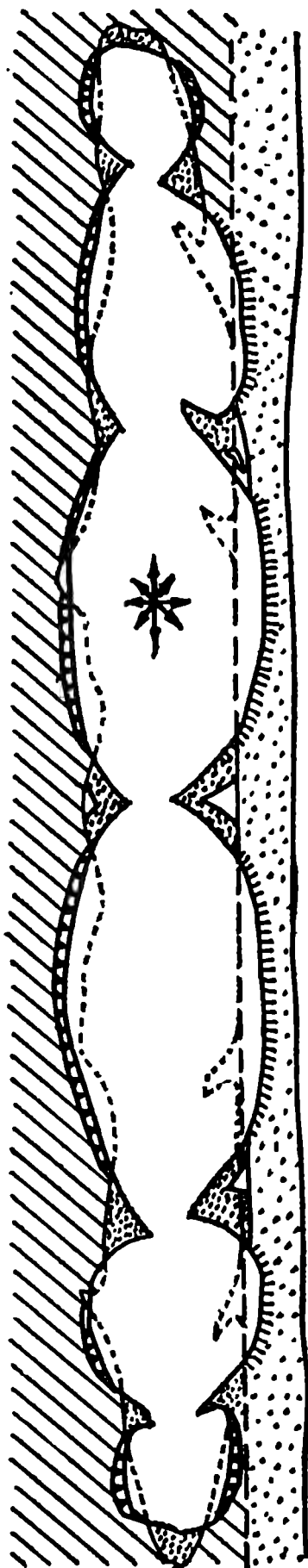
Среди теорий, не выдерживающих критики (например, один американский ученый полагал все эти озера метеоритными кратерами), одна непосредственно перекликается с рассуждениями автора. Почему не считать круглые очертания озер естественным следствием работы волн, которые перемещают наносы и отлагают их в пазухах береговой линии? Те же участки берега, которые выдвинуты в периметр круга, волны срезают. И что особенно интересно, среди этих озер попадаются некоторые даже с перемычкой.

Одиночные наносные треугольнички и перемычки нашел я на картах многих лагун, но что-то мешало им развиваться во множестве и образовать системы, подобные чукотским. Такие лагуны есть на Сахалине, на южной Балтике и даже на других материках (восточный берег Южной Америки). Детально проанализировать местные условия мешало отсутствие карт достаточно крупного масштаба. А на мелких ничего не разберешь. Хотя в одном я преуспел: констатировал серию симметричных выступов в лагуне за косой Тендра на западе Черного моря. Значит, есть какое-то «здоровое зерно» в моей схеме. Ну а раз не имеешь сам нужного материала для проверки, то лучший способ установить истину — это опубликовать схему и подождать, пока откликнутся другие ученые. Я так и сделал: написал статью «Эволюция берегов удлиненных акваторий» («Изв. Всес. Геогр. общества» № 4, 1952). А вторую статью

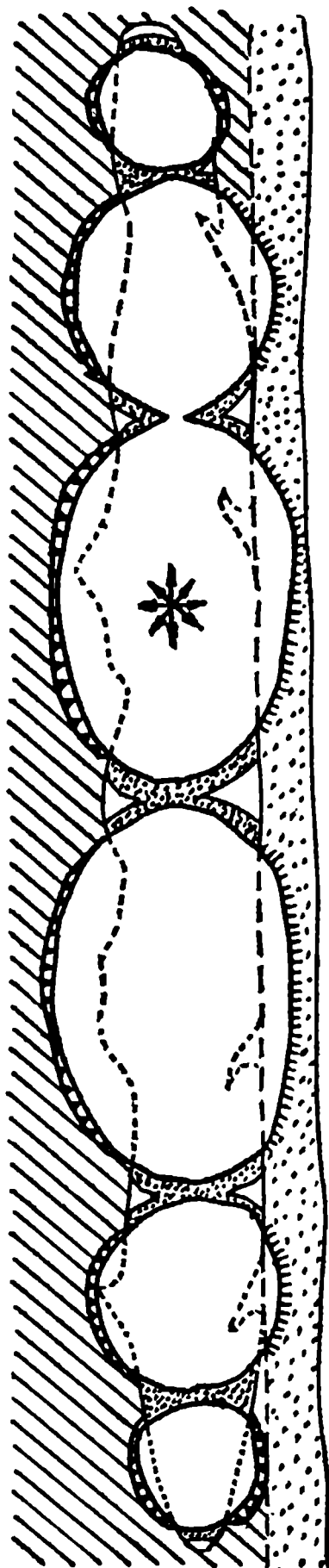
Картосхема трех фаз эволюции лагуны
А — наносодвижущая сила волн противоположных →
направлений; Б — роза волнений

1.

2

3

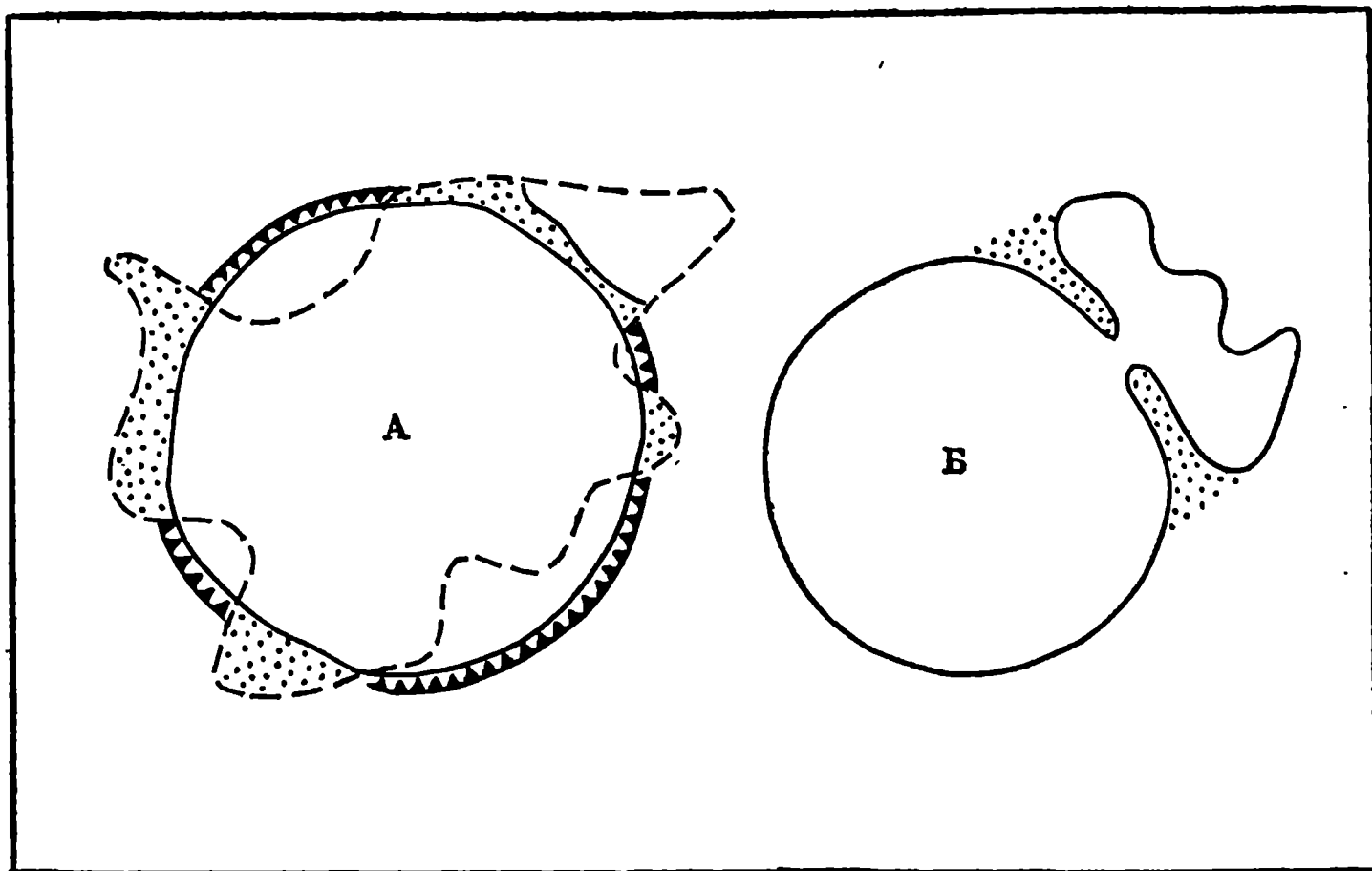
на ту же тему отослал в порядке дискуссии с Фишером в Чикаго в «Геологический журнал» (№ 3, 1959). Фишер откликнулся и опубликовал рецензию, в которой признал мое объяснение правильным. Видимо, с ним согласились и другие зарубежные ученые, так как приведенные выше схемы вошли теперь в сводки, учебники и даже в энциклопедии, изданные в разных странах.

Мои советские коллеги специально по этому вопросу ничего не писали, но стали работать. Среди них самое интересное было сделано одесситом В. М. Воскобойниковым. Он на эту тему защитил диссертацию. Путь к ней шел вот каким образом.

Еще в 50-х годах привлекли меня для консультации по следующей важной проблеме. В СССР почти ежегодно вступают в строй новые гидроэлектростанции на многих больших реках. Для этого создаются гигантские водохранилища долинного типа. Акватория их несравненно больше, чем у чукотских лагун, но по вытянутости они примерно подобны. В каждом новом водохранилище происходит интенсивный размыв берегов. Его стараются предусмотреть еще в проекте и определить опасную зону, из которой загодя нужно перенести все сооружения, дороги и населенные пункты. Это первая очередь. А вторая очередь — это зона, в которой, опасаясь агрессии вод, нельзя ничего строить.

Для указанной важной цели разработано несколько методик. Они весьма логичны, основаны на большом опытном материале, но... природа ведет себя порой совершенно неожиданно. Там, где, по всем данным, берега должны были разрушаться с большой скоростью, процесс начинает идти вяло. И наоборот, там, где этого трудно ожидать, волны вгрызались все дальше в сушу, опрокидывая предварительные расчеты. Гибли ценные земли, приходилось переносить дома и строения во второй и даже в третий раз. Это вызвало многомиллионные расходы. В чем дело?

И вот когда я увидел карту узкого Куйбышевского водохранилища, то понял, что многие его участки — это увеличен-

Эволюция берегов озер

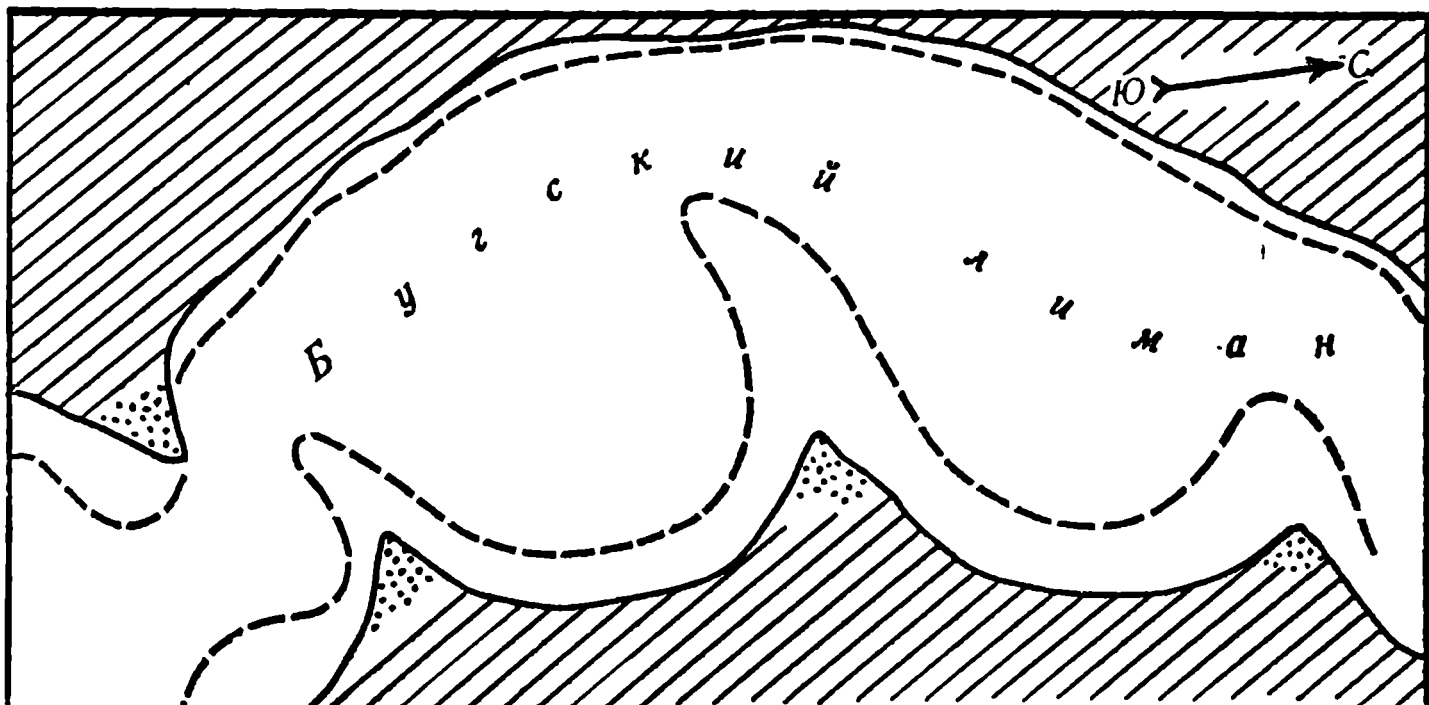
ное подобие чукотских лагун. Здесь имелись данные и по ветрам и по волнам, а построенные по ним схемы соответствовали моим чукотским «фантазиям». На совещании, а потом в письменном заключении я тогда изложил свои идеи, но практических рекомендаций дать не мог. Слишком мало «береговиков» об этом процессе знали и не могли свои знания выразить числом, формулой. Одно стало явным, что проблема практически очень важна, идея нова и нужно немедленно приступить к ее разработке на разных объектах и с разным подходом. Дело было трудное потому, что «треугольнички» еще не возникли, а материал разрушения берегов в основном уходил прямо по крутым подводным откосам на глубокое дно водохранилища. Процесс только начался и явных новых форм берега еще не дал.

Вот тут и сообразил Воскобойников, что нужно найти другие объекты — аналоги «постарше». Кстати, понятие возра-

ста рельефа (в том числе и берегов) широко используется в геоморфологии — науке о формах рельефа земной поверхности и процессах их развития. Не только человек, но и сама природа создает долинные водохранилища, и лучшим их примером являются лиманы западного Черноморья.

Уровень Черного моря поднялся больше чем на сорок метров геологически совсем недавно и стал примерно постоянным так тысяч пять лет тому назад. Море зашло в низовья рек на десятки километров, и получились водохранилища, только без плотин. Некоторые лиманы, куда впадают реки, имеют открытое соединение с морем и сейчас. Это Днепровский, Бугский и Днестровский лиманы. А вот малые реки не смогли помешать работе моря. Перемещая песок, море создало в устьях лиманов косы. Одновременно волны срезали широкую полосу суши, и тогда косы вытянулись в одну линию, создав естественные плотины — «пересыпи».

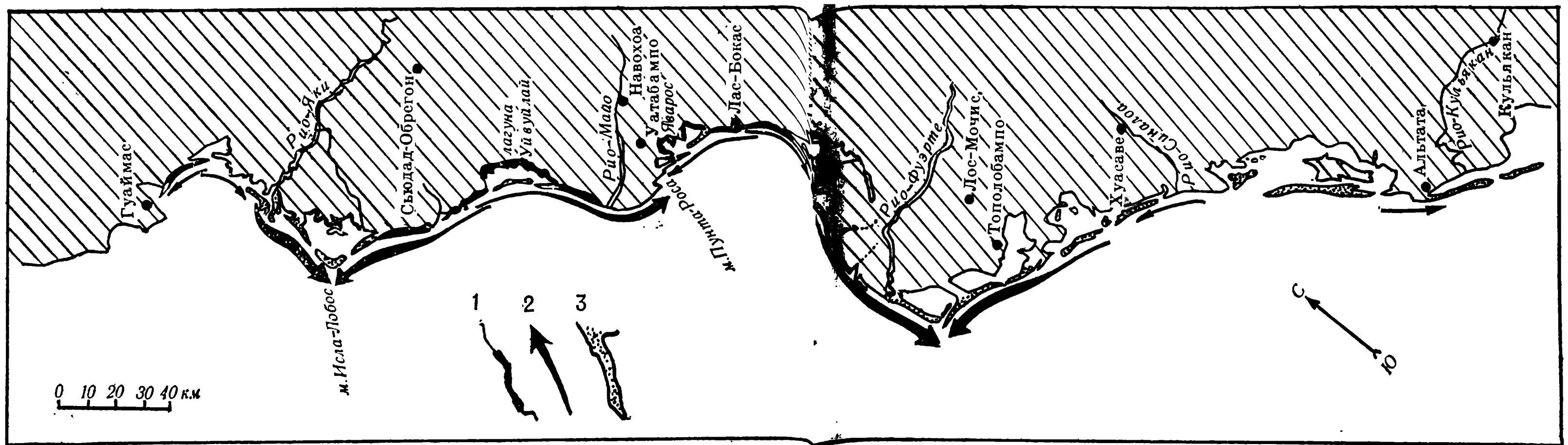
Берега лиманов продолжали развиваться в новых условиях, и во многих из них сформировались «треугольнички» самых различных очертаний: симметричные и скошенные, сплошные и со вторичной лагункой внутри. А между «треугольниками» разрушаемые берега образовали плавные дуги. Нет только того строгого порядка, который присущ формам чукотских лагун. Это и понятно, так как берега лиманов не прямолинейны и не параллельны, так же как и борта речных долин, лежащих на их продолжении. Но может, это и лучше! Перед нами не упрощенная модель, а реальное будущее берегов водохранилищ. Осталось изучать, сопоставлять и затем прогнозировать! Воскобойников добросовестно проанализировал материал, из которого созданы косы, установил статистически зависимость расстояния между косами от ширины лимана, отметил приуроченность кос к перегибам береговой линии. В новых условиях были подтверждены прежние теоретические схемы. Однако он не решился шагнуть дальше и сделать хоть одну попытку предсказать, а где же вырастут косы, скажем, на Днепровском или Каховском водохранилищах и где, следовательно, природа ведет к этому подготовку, варьируя скорости размыва

Участок Бугского лимана

берегов и устанавливая трассы будущих потоков наносов? А это можно было сделать.

Думал я и сам: что же еще следует из первой схемы? Есть ли в природе бассейны изометрических⁵ очертаний, но такие, где вдоль берега всегда дуют параллельные ему ветры? Если бы такой нашелся, то и на нем были бы формы, аналогичные чукотским. А такой бассейн оказался «под рукой» — Азовское море. От устья Дона до Арабатской стрелки берег вытянут на северо-восток, и таково же здесь направление господствующих ветров. Много раз я видел на карте этот берег, но не задумывался раньше о том, что за «игра природы» была причиной возникновения на этом берегу целой серии из семи кос, отходящих от берега примерно под углом 45 градусов. Из них две восточные (Беглицкая и Кривая) сравнительно невелики (3 и 10 километров в длину). Первая из них скошена к вершине Таганрогского залива, а вторая смотрит на запад. Западнее идут Белосарайская, Бердянская. Обиточная, Федотова косы, и, чем дальше, тем они длиннее (соответственно 14, 23, 30, 45 километров). Между ними врезаны плавные абразион-

Картосхема берега Калифорнийского залива в изученном районе:
1 — разрушаемые участки берега; 2 — потоки наносов;
3 — аккумулятивные формы

ные дуги. С западной стороны у корня каждой косы образовалась треугольная «пристройка». Береговые валы этого треугольника свидетельствуют о смещении тела косы на запад. Короче говоря, знакомая чукотская картина, но с усложнениями. Во-первых, эти длинные хвосты, насаженные на треугольник, а затем расстояния между косами. Они делаются тем больше, чем дальше к западу. А это и понятно. Разгон волн, которым не «мешает» противоположный берег моря, здесь не ограничен, и они к западу становятся все мощнее с соответствующим результатом. Хвосты же здесь выросли потому, что эволюция контура берега не нарушает порядка волн обширной акватории моря.

Размеры Калифорнийского залива и Азовского моря вполне сопоставимы, но первый является по удлинённости аналогом громадной лагуны. Восточный его берег податлив и принимает массу наносов из рек. Западные берега сложены изверженными породами, и море не в силах их переработать. Положе-

ние выступов здесь предопределено наличием речных устьев. Система нарастающих выступов и дуг размыва между ними в средней части залива выражена совершенно отчетливо. Следовательно, закономерности эволюции берегов удлинённых акваторий проявляются здесь в очень крупном, уже геологическом, масштабе. Будет о чем написать в отчете и задать работу ребятам на много лет!

Своеобразный путь развития прошла теория почти за двадцать лет. Началась она с исследования малых форм лагун Чукотки. В то время я взялся за решение этой загадки «системы треугольников» из чисто спортивного интереса. Однако оказалось, что поставленные вопросы и предложенные решения имеют важное практическое значение. А если посмотреть шире, глазами геолога? В планетарном масштабе? Нечто подобное наблюдается в узком и длинном Красном море и вдоль берегов Багамского канала к северу от Кубы. В обоих случаях кулисные косы под углом 45 градусов относительно берега

обросли кораллами, окаменели и будут стоять «навечно», продолжая удивлять геологов, несведущих в динамике берегов.

За последние две недели аналоги были открыты нами в Калифорнийском заливе. А может ли нечто подобное встретиться в масштабе океана? Такой вопрос должны решать палеогеографы, прослеживая распределение фаций⁶ древних морей. Но и сейчас можно отметить интересные вещи. Так, например, на востоке США имеется серия из четырех скошенных симметричных выступов громадного масштаба: мысов Гаттерас, Лукаут, Фир и Ромэн. Из них два последних представляют своеобразные остроконечные дельты, а два первых — выступы мощного берегового бара. Иначе как особенностями современного режима волн и течений их происхождение не объяснишь. В целом эта система дуг и выступов вытянута более чем на четыреста километров. Недавно американскими учеными было доказано, что вдоль этого берега сейчас нет потока наносов, ибо комплексы минералов в различных дугах специфичны. В то же время известно, что на пляжах Флориды изобилуют минералы, принесенные с Лабрадора. Следовательно, берег здесь был ровным еще в начале голоцена, а потом разбился на дуги. Стоит проанализировать метеорологические данные и режим волнения, чтобы попытаться решить и эту задачу с приведенных выше позиций.

Когда я поделился своими идеями с Днего, у того загорелись глаза:

— Вот, доктор, чем бы мне заняться в будущем!

— Подождите, Днего, доделайте сначала эту нашу работу.

VI. С ЭСТЕЛОЙ ПО СЛЕДАМ КЁРРЭЯ

По второму разу Масатлан показался совсем иным. Мы не задерживались в пределах его американизированной оболочки, а проникли сразу в старониспанское ядро в поисках базы экспедиции Института биологии. Для нее был снят второй этаж особняка на одной из узких улочек с односторонним движением. Если одна машина стоит на ней, прижавшись к тротуару, то другая едва может проскользнуть мимо.

Встретил нас начальник — молодой биолог Кабрера — специалист по ракообразным. Вся группа составляла человек пятнадцать, и из них запомнился лучше всего паренек по имени Сесар Флоренс, который в числе прочих дел ведал хозяйством. Нам с Диего отвели одну из лучших комнат.

Как и во всех испанских домах, здесь имелся внутренний дворик — патно. Правда, он напоминал колодец, так как по площади был мал, а потолки в обоих этажах имеют высоту не

менее пяти метров. К дворику обращен наш обширный холл, а по сторонам его обнимают два коридора. В холл и коридоры открывается анфилада комнат. Газовая кухня, обширный холодильник, ванна и все прочее были на высоком уровне. Пол двора выложен кафелем, и там хозяева, обитавшие в первом этаже, собирались ежедневно на трапезы и чтобы посмотреть телевизор. Все хорошо, если бы не удивительный резонанс! Каждый звук проникал в нашу комнату, снизу, даже сквозь закрытые двери. По голосам я скоро стал узнавать всех членов семьи хозяина, хотя никого не видел в лицо.

С милейшим сеньором Кабрера мы потом долго беседовали. Он оказался широко эрудированным биологом и интересовался постановкой исследований в Советском Союзе. Когда я сказал, что у нас тоже есть промысел креветок на Дальнем Востоке и соответствующие специалисты, он загорелся: спросил у меня адреса и заставил набросать для него проект письма моему другу О. Скарлато — заместителю директора Зоологического института Академии наук СССР.

Приняв душ, мы с Диего направились в поисках приемлемого ресторана. Ходили по старым улочкам. Окон в домах мало; как правило, они узкие, а днем еще закрыты ставнями. Прохожих почти нет. Изредка набредешь на лавчонку или кафе. С улицы их фасады занимают мало места, но внутри такие заведения тянутся глубоко, как туннели между домами, и в них всегда прохладно.

Минут через десять, сделав несколько поворотов, мы попали на более широкие и оживленные улицы, а потом сразу вышли на центральную площадь с высоким двухбашенным собором. Здесь и дальше сосредоточены большие магазины, учреждения и рестораны. Диего сориентировался и указал мне направление, где должен быть рынок, запомнившийся по прошлому разу. Мы посидели в тенистом сквере под баньянами и, прочтя все вывески, наметили себе забегаловку со скромным названием «Париж». Выбор оказался «снайперским»: милая девушка, скромные цены, веселый, разбитной хозяин. И даже мой необычный заказ: «карне осада, фрихолес, уна таса гранде

де лече кальенте, пан дульсе» * — не вызвал у него удивления.

У Диего неожиданно оказалось масса дел: что-то починить в машине, звонить по телефону в Мехико, навеститься в банк, на почту и т. д. Он явно устал от переезда и, заискивающе глядя мне в глаза, спросил:

— Может быть, нам не стоит, доктор, работать завтра? До Эскуинапы больше ста километров. Вы, наверно, устали и должны сделать много записей; к тому же это будет воскресенье...

Я согласился. Действительно, приятно провести здесь день в покое.

Ответное «О'кэй, доктор» прозвучало еще более радостно, чем всегда.

От Масатлана на юг протягивается своеобразный участок аккумулятивного берега, который лет десять назад был изучен Кёррэм с помощниками. Он лежит уже за пределами Калифорнийского залива и обращен к открытому океану. Целая группа рек влечет сюда свои наносы, и среди них крупнейшая Рио-Гранде-де-Сантьяго. Ее начало, называемое рекой Лерма, лежит почти у Мехико. Лерма течет к Гвадалахаре и оставляет свои наносы в большом горном озере Чапала. Дальше Рио-Гранде перерезает Западную Сьерра-Мадре, и сток ее в устье превышает десять миллиардов кубометров в год. Наносы нескольких рек создали аллювиально-морскую равнину, которая и была исследована на протяжении 225 километров. С юга район ограничен двумя далеко выдвинутыми абразионными мысами: Мита и Корриентес, между которыми лежит залив Бандерас.

Исследование, доложенное Кёррэм на симпозиуме 1967 года, было выполнено классически просто, хотя потребовало много труда и хорошей техники. Необходимость выполнить подобное исследование была ясна уже давно, и особо оригинальных идей Кёррэй в работу не вложил. Важно было

* Жареное мясо, бобы, большая чашка горячего молока, сдоба (исп.).

начать ее и довести до конца. Сделанное им впервые дало точные количественные данные о ходе процесса аккумуляции у морских берегов при медленном повышении уровня моря. Результаты трудно переоценить, и они, несомненно, будут фигурировать во всех сводках и учебниках.

Итак, что же и как было сделано? Кёррэм была использована аэрофотосъемка. На ней прослеживаются береговые валы числом до 280 на одном поперечнике. Общая ширина полосы береговых валов достигает пятнадцати километров. Валы сгруппированы в несколько разновозрастных генераций, частично срезающих одна другую. Наиболее сложная картина наблюдается у устья Рио-Гранде-де-Сантьяго, которое неоднократно мигрировало за последние 4500 лет.

Кёррэй выбрал серию профилей, вдоль которых от моря и до предгорий были проведены нивелировки, бурения и электросейсмическое зондирование. Пробы из полученных колонок грунта двадцать метров длиной были подвергнуты литологическому и палеонтологическому исследованию, и, что самое главное, был определен абсолютный возраст множества образцов радиоуглеродным методом. Интерпретация собранных данных привела к следующим результатам.

Примерно семь тысяч лет назад в этой области закончилось голоценовое интенсивное поднятие уровня моря. На месте современного берега глубина тогда достигала десяти метров. Процессы развития берега долгое время шли весьма вяло. Возможная причина этого — сравнительно холодный и сухой климат, при котором реки выносили мало песка. Самые древние береговые валы возникли 4500 лет назад, что совпало с заметным потеплением климата. Сформировались эти валы в средней части исследованного пространства в виде полосы берегового бара, отгородившего от моря лагуну Браво. Бар непрерывно нарастал в ширину и удлинялся в обе стороны: на север и на юг. Первый описанный период завершился 3600 лет назад, то есть задолго до нашей эры. За короткий срок берег был несколько размыт, а затем началось образование второй генерации валов, которое длилось 2100 лет (3600—1500 годы).

Это был штормовой и снова достаточно холодный период, но реки выбрасывали массу материала. К концу периода появились индейцы, которые оставили после себя на берегу множество «кухонных куч».

Снова размыв берега — и наступает третий период потепления климата длительностью тысячу лет (1500—500 годы). За это время устье Рио-Гранде-де-Сантьяго сместилось далеко на юг. Последний, четвертый период охватил всего пятьсот лет. Выдвижение берега резко замедлилось, и типичные береговые валы перестали возникать. За пляжем выросли дюны и частично надвинулись на старые валы.

На геологических разрезах видно, что внешняя часть песчаной толщи береговой зоны налегает на морские шельфовые отложения. Слои последних становятся все тоньше в сторону суши, и под ними скоро появляется толща речного аллювия, сформировавшегося за время низкого уровня моря. В широкой внутренней зоне береговые пески лежат прямо на аллювии и в свою очередь перекрыты местами новым аллювием, лагунными отложениями и торфами приморских мангровых болот. Последнее свидетельствует о том, что уровень моря медленно повышался и за последние тысячи лет. Именно поэтому самые древние валы оказались сейчас ниже уровня моря.

Детальность и комплексность исследования позволили Кёррэю и соавторам впервые получить количественные показатели большинства происходящих процессов и их результатов, что и показано в форме таблицы (см. стр. 153), рассчитанной для участка между устьями рек Сан-Педро и Теакапан (125 километров).

Таким образом, удалось проследить в деталях, как море залило окраину аллювиальной равнины. Оно частично разрушило аллювий и создало отмытый слой гравия и щебня (базальтовый конгломерат). По мере хода трансгрессии на конгломерате отложился небольшой слой морских заиленных песков. Когда трансгрессия остановилась, суша начала отвоевывать назад захваченное у нее пространство, причем сами волны вместе с течениями способствовали этому процессу. Они

разносили вдоль всего подводного склона пески, выбрасываемые в нескольких точках (устья рек Сан-Педро, Акапонета, Рио-Гранде-де Сантьяго, Амека, Теакапап. Балuarte, Пресидьо), и сгружали их обратно на берег в виде многочисленных валов. Одного авторы не смогли понять: почему процесс нарастания берегов фактически прекратился около пятисот лет назад? Откровенно говоря, я надеялся найти решение и этого вопроса.

Понятно поэтому, что ни мне, ни Диего не хотелось лезть сразу в топке лагуны, где живут креветки. Куда интереснее увидеть сначала своими глазами формы, исследованные Кёрреэем! Туда, к устью реки Теакапан, и был намечен первый маршрут.

Утром в воскресенье Диего осведомился, не нужно ли мне чего, и отпросился по своим делам. Хотелось посмотреть знаменитый базар, и я долго думал, как мне одеться, чтобы не походить на американца. С них дерут втрое. Идти в шортах и майке? Но таких «гринго» кругом полно. Одеться в экспедиционную, потертую и местами прорванную робу? Но тогда я буду выглядеть, как состарившийся «хиппи»¹, да и жарко вроде. Так и не решив эту проблему, я завернул в «Париж», а оттуда прямо в квадрат крытого рынка, в его шум, обширность и таинственную полутьму.

На рынке продается все, что можно взять в руки и унести. Наиболее яркие ряды цветов и фруктов. Ассортимент первых не зависит здесь от времени года. Из фруктов же сейчас преобладали разные сорта апельсинов и бананов, яблоки и «коко». Апельсины сложены высокими пирамидами прямо на каменном полу, а многоярусные гроздья бананов, килограммов по десять каждая, свешиваются с потолка на веревках.

По экзотичности первое место занимает морской ряд. Там нагромождены горы копошащихся креветок, лежат крупные авалоны² в раковинах и без них; дальше плюхается в чанах рыба. На мокрых лотках вытянулись «лиси», а рядом распластано несколько акул: их молотообразные головы продаются отдельно. Картину дополняли студенистые лиловые кальмары

	I период 4500—3600 гг.	II период 3600—1500 гг.	III период 1500—500 гг.	IV период 500—0 гг.	Итоговые или крайние вели- чины
Длительность (в годах)	900	2 100	1000	500	4 500
Максимальная ширина полосы валов (в км)	4,25	6,3	3,25	0,5	14,3
Их число на соответствующих профилях.	74	127	80	нет	281
Средняя ширина вала (в м) . . .	57	50	41	—	15—200
Через сколько лет в среднем образовался новый вал. . . .	12,2	16,5	12,5	—	—
Средняя скорость нарастания берега (в м/год)	4,7	3,0	3,2	1,0	—
Накопленный объем песков (в млн. куб. м)	1 600	1 820	730	—	4 150
Накопление песка за год (в тыс. куб. м)	1 770	870	730	—	—
Объем песка на 1 вал (в млн. куб. м)	21,6	14,3	9,1	—	—

и какие-то змеевидные рыбы вроде угрей. Здесь я не являлся потенциальным покупателем, и никто меня не тянул за полу пиджака. Продавцы уделяли все внимание сеньоритам, которые пришли на базар с корзинками и укладывали крабов и креветок сверху на уже закупленные овощи.

Труднее пришлось в рядах готового платья. На меня накидывали пестрые рубашки, прикладывали к бедрам джинсы последнего фасона. Но я был невозмутим и пробирался дальше, в текстильный ряд. Здесь пестрота окрасок соперничала с живыми цветами. Устоять было трудно, и я вышел со свертком под мышкой, представляя, как нарядно будет выглядеть платье из ткани с геометрическим мексиканским орнаментом и с гармоничным чередованием то темных, то убийственно ярких красок.

По рядам сновали мальчишки-разносчики. Они были нагружены какими-то игрушками, вешалками для одежды, папиросами, галантереей и теми же фруктами, которые можно ку-

пить рядом в полтора раза дешевле. Ребята насадно кричали, расхваливая свой товар, да еще радио откуда-то несло, так что гвалт стоял едва переносимый.

Особый интерес представляют сувенирные ряды. Я знал, что все редкости лучше покупать в Мехико, но невольно приглядывался к пестрым серапе, чудесным деревянным статуэткам, посуде и к кожаным изделиям с серебряной инкрустацией. Честное слово, я купил бы вон то седло в комплекте с уздечкой и шпорами, до того они красиво и тщательно отделаны, или это мачете в ножнах. Приходилось себя сдерживать.

Случайно я забрел в музыкальный «отсек» рынка. На стенах висели отделанные перламутром гитары; на стенде разложены барабаны и небольшие духовые инструменты от вполне современных до старых индейских дудочек. Шум здесь стоял особый, как в театре при настройке оркестра. Доминировало трио гитаристов. Кажется, это не были ни покупатели, ни продавцы, а просто любители. Они пели под собственный аккомпанемент очень слаженно и живо и собрали толпу. После каждого номера слушатели бросали по несколько сентаво в положенное на землю сомбреро. Гитарные аккорды неслись с разных сторон. Там уже покупатели пробовали инструменты один за другим.

Любопытно рассматривать «предметы культа»: раскрашенных гипсовых мадонн, картинки религиозного содержания, кресты и крестики и даже облачение патеров.

Вернулся обратно — попал в ряд обуви. Там к первому свертку прибавились мокасины. Дальше — посуда. Если б не тяжело, то купил бы чудесную индейскую керамику. На беду подвернулись маленькие, почти игрушечные вещицы, и теперь два масатланских кувшинчика украшают дома книжную полку.

Для всего этого пришлось купить «авоську». Их в Мексике делают очень прочными из толстых нейлоновых нитей, в цветную клетку, как у шотландских тканей. А на ярлычке надписи: «Емкость — десять литров, выдерживает сорок кило-

граммов». «Авоська» служит нашей семье уже два года и выглядит как новая.

В назначенное время явился домой Диего, обеспокоенный и радостный одновременно:

— Прилетела Эстела на несколько дней, и мы сняли комнату у «Фримена». Доктор, мы вас приглашаем пообедать с нами в 6 часов, если не возражаете.

Так вот в чем дело! То-то мой спутник уже несколько дней пропадал на междугородних телефонах. Но почему это делалось под покровом тайны? Я отнесся к событию настороженно:

— Спасибо, Диего, мне это доставит большое удовольствие. Но боюсь, что Эстеле здесь будет скучно, ведь мы будем уезжать до позднего вечера несколько дней подряд.

— Об этом мы и поговорим за обедом. Ждем вас в «Шанхае». О'кэй?

— О'кэй!

Еще не хватало! Не люблю в экспедициях осложнений, даже приятных. Предпочел бы иметь общество Эстелы в Мехико. Но кажется, Диего что-то придумал.

Китайские рестораны — неременный атрибут всех городов Тихоокеанского побережья что в Мексике, что в США, и они пользуются успехом. Думаю, что тут даже дело не в экзотике и не в наборе специфических блюд. В этих ресторанчиках чисто, уютно, тесновато и тихо. Они всегда маленькие. Цены в них выше, чем в смежных шикарнейших заведениях. Поэтому собираются там лишь те, кто научился ценить ненавязчивое обслуживание, внимание и отличное качество готовки даже самых простых и «дешевых» кушаний.

Суп мы выбрали из китайской кухни, а на второе Диего заказал «авалонес» — тушеные калифорнийские устрицы с соусом и вином.

Эстела показалась мне бледнее, чем обычно, и рядом с ней загорелый Диего выглядел почти негром. Девушка мило чиркала, завидовала нашему интересному путешествию и вдруг

выпала, что хотела бы ехать завтра в маршрут, помогать нам вместо уехавшего Хоакина. Тут я понял причину беспокойства Диего: как я к этому отнесусь?

— Эстела, а вы не боитесь, что будет трудно? Мы проедем завтра около двухсот пятидесяти километров по шоссе и невесть сколько по очень плохим дорогам. Кроме того, жара, москиты, джунгли. Я хожу очень быстро...

— Я знаю, Диего рассказывал. Но я могу посидеть в кабине, пока вы продираетесь там через чапарраль. Возьму с собой книжку.

Тут вмешался Диего:

— Доктор, отговорите ее. Меня она не слушает. Вообще-то ничего особенно трудного в наших поездках нет, но Эстела в положении!

Вот так раз! Приходится вникать даже в интимные дела молодой четы. Хорошо, что именно в этот момент нам подали устрицы. Я промолчал. Если это блажь, то нужно отговорить. А может быть, у нее подлинный интерес к работе мужа, и тогда Эстеле нужно осваиваться в любой обстановке. Пожалуй, пусть попробует. Придется пойти на осложнения.

— Диего, вы должны решить это вдвоем сами. Я ведь не знаю, как она себя чувствует. Раз Эстела нас не задержит в маршрутах, то ее присутствие не будет помехой. Она нам даже приготовит хороший обед, а то у вас всегда такой хаос в продуктовом ящике.

Эстела использовала этот намек:

— Конечно, Диего, у вас наконец будет в экспедиции настоящий сервис.

— А авалоны будут такие, как сейчас? Я утром видел: их продают на базаре...

Диего не сдавался. Решили, что чета все продумает, а завтра меня поставят перед фактом: или будет Эстела в машине, или нет.

«Шевроле» вместителен, Эстела миниатюрна, но втроем в кабине все же тесновато. Шоссе идет между холмами вдалеке от моря и лагун, через поля и заросли чапарраля. Прошло

всего две недели, как я видел эти места, а за это время ландшафт чудесно изменился. Общий тон из серого переходил в нежно-зеленый, и среди зарослей желтыми, розовыми и сиреневыми пастельными мазками выделялись цветущие кусты. Еще больше было белых цветов, как у нас черемуха или вишня. В разгаре была тропическая весна.

Мост через реку Пресидьо. За ее устьем лежит северный конец лагуны Кайманеро. Сразу за рекой городок Росарио с грандиозным собором, никак не соответствующим по своему величию тем немногим десяткам лачуг, что расположились вокруг. Здесь выпили кока-колы, и мне удалось снять крупным планом цветущий кактус-канделябр. Спустя сорок минут — поселок Эскуинапа и мост через Балуарте. Скоро наш поворот! Кайманеро кончилась, и дальше вдоль моря идут «владения» Кёррэя. Диего сбросил скорость, чтобы не прозевать путевой указатель. Вот он: «Теакапан — 20 км».

Эстела не доставляла пока никаких беспокойств, а когда она восхищалась окружающими видами, мне даже нравилось. Есть у этой девушки понимание природы и определенный вкус.

При рекогносцировочной работе существует правило: если знаешь, что вернешься той же дорогой, то не надо бросаться сразу на интересные объекты. Лучше изучить их на обратном пути, уже с запасом новых наблюдений.

После поворота вскоре начались невысокие ровные гряды красноватого цвета, похожие на самые древние дюны в дельте Майо. Диего вопросительно посмотрел на меня, взявшись рукой за рычаг скоростей.

— Нет, не сейчас. Посажайте дальше!

Соображаю, что это были измененные до неузнаваемости береговые формы сангамонского межледникового времени, изученные Кёррэем. Бурения показали, что пески с морскими раковинами находятся здесь на глубине более десяти метров, а сверху на них налегают аллювиальные отложения, захваченные латеритообразованием³.

Дальше начались разливы лагуны Браво. Шоссе шло по дамбе, и мы поехали через три недавно построенных моста. С обеих сторон виднелись извилистые серые острова с буграми. Теперь должна начаться терраса с валами. Так и есть! Замечаю чередование оттенков в виде полос на распаханном поле и показываю Диего. Он кивает головой, но хода не сбавляет. Записываю, что на обратном пути нужно будет осмотреть серые бугры: о них у Кёррэя ничего не сказано.

Шоссе повернуло на юго-запад и вытянулось, точно по линейке. Местность стала ровной как стол. Никаких валов при такой ориентации не увидишь. Видимо, мы мчимся как раз по межвальному понижению. Терпение! До Теакапана уже полдороги. Асфальт все так же хорош. Вокруг сменяются поля: то голые, то с зелеными; между ними обширные пастбища с медлительными буйволами. Разнообразят картину редкие хутора и отдельные очень большие деревья: то вроде баобабов с очень характерным силуэтом геометрически правильного полушария на короткой тонкой ножке, то прямоствольные, какие могли вырасти только в густом лесу. Местность напоминает саванну. Справа на горизонте темной полосой тянется граница кокосовых пальм. Потом их сменили явные джунгли — неровный древостой, более светлый тон. Впереди показались дома и сады. По счетчику, уже проехали восемнадцать километров. Там устье Теакапан, а за ним недалеко граница штата Наярит — места, о которых я мечтал, прослушав доклад Кёррэя.

Поселок оказался на редкость благоустроенным. Потом мы узнали, что это кооперативное хозяйство. Каменные дома, фруктовые сады, автомашины и великолепные посадки казуарин, манго и других деревьев. Диего застопорил, чтобы узнать, как пробраться к устью, но это было излишне. До ушей доносился ритмичный шум: море где-то рядом. Один поворот, второй — вылетаем на пески среди кустарников, но дорога видна и хорошо накатана. Бугры дюн — и наконец в ослепительном сверкании Тихий океан. Сколько раз к нему ни подъезжаешь, всегда по-особому хватает за сердце.

С удовольствием вылезли размять ноги. Ну что делать дальше? Мы с Диего собрались к устью осмотреть его структуру (куда идут наносы?) и собрать пробы.

— Эстела, вы посидите, это не больше получаса. В кузове, если захотите бананы, кока-кола и печенье!

— Доктор, вы еще не знаете, что сегодня в кузове. Вас ждет сюрприз. Но все равно я посижу. Какие вы с Диего счастливые!

Диего широко улыбнулся и зашагал размашисто. Не найдя для себя ничего нового или примечательного в устье Теакапан, мы решили вернуться и пересечь террасу минимум в трех местах до моря и еще посмотреть древние грядовые формы за лагуной Браво.

Удалось найти тропинки не тропинки, межи не межи. На них, однако, различались следы автомашины, и мы добрались по ним один раз до края джунглей, другой — до пальмовых плантаций.

Диего недоумевал:

— В Яваросе все заплетено кактусами и чапарралем. Там валы могут и не быть различимы на местности. Но здесь? Здесь все голо. Повсюду или выгон, или пашня со всходами. Почему же мы не можем найти валов, которые так ясно видны на аэрофотоснимке?

Несколько раз, держа в руках аэроснимок, мы определяли абсолютно точно свое местонахождение. Даже отдельные большие деревья могли различить. На фото тянутся параллельные полосы, а на местности ничего нет. Наконец нашли дерево, которое ветвилось почти от основания ствола, и на него было не трудно взобраться. Диего полез.

— О'кэй, доктор, — слышалось сверху, — я их вижу!

Пришлось и мне кряхтя взгромоздиться на десятиметровую высоту, и действительно, едва заметная полосчатость отсюда намечалась. Я заметил два столба в ограде колючей проволоки, из которых один пришелся на светлую, а другой — на чуть более темную полосу. Спустившись, мы взяли лопату и выкопали два шурфа. На светлой полосе с самой поверхности залегал

песок, и трава была здесь низкая, относительно редкая и сухая. На полосе чуть темнее трава была погуще, а под ней слой в десять — пятнадцать сантиметров серой супеси. Ниже начался тот же песок, что и рядом.

Я лег на землю, опустил голову до уровня поверхности луга и убедился, что горизонт от меня закрыт на обе стороны. Подобная же операция на светлой траве убедила, что возвышение все существует, хотя с машины его не видно. В этом месте видимость «с лягушечьей точки зрения» достигала 100—200 метров, то есть до следующего гребня и даже дальше...

— Диего, в каком году производилась наша аэросъемка?

— В прошлом году, доктор (то есть в 1968 году).

Кёррэй начал свою работу в 1959 году, а снимал, следовательно, не позже 1958-го. И тут мне пришло в голову:

— Диего, доставьте нас с Эстелой в тень, туда, где вдали пальмы, а сами быстро поезжайте обратно в поселок и узнайте, когда здесь пахали, когда устроили пастбище и что здесь вообще было десять лет назад. Даю слово, что мы без вас ничего не съедим и не выпьем.

Оставив Эстелу в хорошо проветриваемом кокосовом «саду», я направился по просеке к морю. Чем ближе, тем яснее выявлялась легкая волнистость поверхности почвы, и я обратил внимание, что пальмы высажены рядами параллельно морю, как раз по самым высоким точкам, хотя разница в отметках не превышала полуметра. Расстояния между валами составляли тридцать — сорок метров.

У моря располагается низина шириной метров триста, и на ней я насчитал одиннадцать четких валов, уже до метра высотой. Правда, они были слегка нарушены ветром и не столь ровны. Впереди горизонт загораживала небольшая дюна, вся густо заросшая кустарником. Заросла она и с внешней стороны строго до линии максимальных заплесков. Пляж здесь был классического типа, соответствуя описаниям Ф. Шепарда⁴, с двумя «бермами», созданными высоким приливом. А дальше... дальше с океана катилась невысокая, очень редкая зыбь. Я сосчитал ее

период: около шестнадцати секунд (!). Никогда такой не видел. Пришла не ближе чем от Гавайских островов!

Валы вырастали до двух метров и аппетитно опрокидывались еще далеко от берега. С пенным гребнем можно было бы «ехать» на доске минимум сто метров!

Разувшись, я вошел в воду по колено, но купаться без Диего не стал (скажем, из чувства товарищества). Каждая волна наката стремилась к берегу громадное количество воды, и это продолжалось около семи секунд. Потом еще дольше она стекала обратно, но с такой большой скоростью, что вокруг ног мгновенно вымывались глубокие борозды и песок из-под тебя куда-то ускользал. Приходилось непрерывно переступать, чтобы не завалиться.

Не сразу я ушел с пляжа. Сел и стал вспоминать наши первые работы по динамике прибойной зоны и заплеска на таком далеком отсюда маленьком Черном море. В нем приливов нет, а самые длинные черноморские волны все же вдвое короче, чем здесь. Имеют ли полученные там выводы и установленные В. В. Лонгиновым⁵ закономерности универсальное значение? Вправе ли мы считать, что везде размывы и нарастание пляжей происходит так же, как у нас? Впервые здесь я в этом усомнился.

Диего ездил долго. Расстелив брезент под кокосовой пальмой, мы с Эстелой хорошо отдохнули и вели неторопливую беседу.

— Вы сказали, Эстела, что завидуете своему супругу. А почему бы вам не поступить учиться в университет или не заняться самообразованием, чтобы потом работать вместе с ним?

Эстела посмотрела на меня сожаляющим взглядом, как на несмышлениша, и грустно покачала головой:

— У нас это невозможно, доктор. Из тех девочек, что учатся в университете, лишь самая ничтожная часть будет потом работать по специальности.

Наступила пауза. Я закурил, лег на спину и стал смотреть сквозь филигранную решетку кокосовых листьев, как мед-

ленно плывут по небу полоски облаков. Они имели разный рисунок и напоминали то «кёррээвские», вытянутые по линейке береговые валы, то настоящие волны. Последние выравниваются только на мелководье. В открытом же море они ведут себя довольно независимо: в одном месте «вспухают», а рядом сглаживаются и строгой дистанции не выдерживают, точь-в-точь как эти легкие белые силуэты в небе.

Но мы вернулись к первой теме:

— А как же, Эстела, в нашем институте и у биологов? Там я видел много уже взрослых женщин и с учеными степенями. Мисс Шлепфер, например, заведует лабораторией седиментологии...

— Вот именно мисс! Она не замужем, и, кроме того, она швейцарка, а у мексиканок все обстоит сложнее. Часть дам, о которых вы говорите, принадлежат к богатым семьям. Конечно, почетно и увлекательно работать в науке, но не всем это доступно. А остальные? Остальных я отношу к категории несчастных женщин. По тем или иным причинам у них нет семьи, и они вольны делать, что хотят. Что же касается лаборанток и секретарш, то эти работают, пока не выйдут замуж или не нарожают детей.

К концу разговора Эстела явно загрустила и встрепелась, только когда показался «шевроле» и Диего помахал рукой из кабины. Вернулся он возбужденный, пыльный, потный и сразу потребовал купания. Машина не дошла до моря метров двести. Дальше было опасно: рыхлый песок. Переодевшись, мы пошли к пляжу, и тут, вспомнив Акапулько, я вопросительно шепнул Диего:

— А акулы могут здесь быть?

— Не бойтесь, доктор: я иду первый, и потом с нами Эстела.

Мне стало стыдно. Действительно, четыре года назад на Кубе я много ходил в акваланге и видел акул несколько раз совсем близко. Однако в то время, после книжек Ж. Кусто и рассказов бывалых людей, создавалась уверенность, что акулы никогда не нападают на аквалангистов... а если и проявят

агрессивность, то достаточно постучать ручкой ножа по стальному баллону с воздухом, как все разбегутся. Я следил, чтобы нож был всегда при мне, закрепленный в специальных ножнах на икре правой ноги, и ничего не боялся.

Но потом в Москве я прочел переводную книжку об акулах Г. Мак-Кормика, Т. Аллена и В. Янга⁶. Авторы собрали, наверное, все известные несчастные случаи и на многих десятках страниц описали их с отвратительными натуралистическими подробностями. Вывод был: всегда и везде у вас есть шанс погибнуть в страшных мучениях.

А потом этот памятный полет вдоль берега у Акапулько! Нужно было преодолевать появившееся предубеждение. Я и вопрос-то задал Диего, имея в виду только безопасность Эстелы, однако так нескладно это получилось... Поэтому пустился я в прибой без всякой робости, но... сзади Диего. А Эстела вообще «полоскалась» в заплеске, и ей ничто не угрожало.

Уже в воде, когда мы оба поджидали очередные гребни, чтобы под них поднырнуть, Диего принялся выкрикивать полученную в поселке информацию:

— Пахать начали в шестидесятом году и четыре года там возделывали маис....

Голубая стена накатилась, напоминая своей вогнутостью нож гигантского бульдозера. Иногда я под нее подныривал, а другой раз отдавался пеннистому гребню, который несколько раз переворачивал тело и проносился надо мной дальше.

Снова мы оказались рядом, и Диего продолжал:

— А потом те участки, где урожай был плохой, оставили под выпас. Это выгоднее...

И снова подходит волна...

А детали он досказал уже за обедом. Из них нам стало ясно, что за десять лет местность существенно изменена. Под кокосами валы сохранились четкими не по своей особой природе, а лишь потому, что здесь никто не пахал, не сеял и буйволы не вытаптывали траву, так что песок на гребнях мог развеивать ветер.

Эстела превзошла даже Хильму, жену Фрапца. Она привезла в широкогорлом термосе вареные креветки. Диего посыпал свою порцию перцем и полил «чиле», а я съел в натуральном виде.

В целом сегодня оказался самый простой и удачный маршрут. Мы выезжали к морю еще раз, где песчаные валы были чуть выше (до 40 сантиметров), и окончательно убедились в том, что некогда активный процесс их формирования давно прекратился. Вдоль всего берега тянется заросшая дюна, или цепочка законсервированных золотых бугров. Раньше дюна двигалась в сторону суши. Ветер нарушил и ближайшие к берегу валы Кёррэя. Как жаль!

На обратном пути мы еще немного поколесили по перемычкам расчлененной лагуны Браво и исследовали там редкий феномен — глиняные (вернее, пылевые) дюны. Нечто подобное я очень давно видел в юго-восточных Каракумах. Там эти формы были меньше, и их облюбовали для зимовки скорпионы. Бывало, нельзя копнуть лопатой, чтобы не выворотить десяток этих пугающих янтарно-желтых ракообразных. Здесь я тоже рыл осторожно, но кроме больших сороконожек, в ямах ничего не было. Осмотрели мы и межледниковые береговые формы. Гипсометрически они расположены несколько выше современной террасы и сильно разрушены.

Всего мы сделали три однодневные поездки и одну с ночевкой, чтобы осмотреть все берега лагуны Кайманеро, длина которой по оси — около восьмидесяти километров. В северо-западной части она пережата (видимо, здесь было древнее русло реки), и узкий пролив отделяет от нее часть, называемую Эскуинапа. Эстела нам не мешала. Даже наоборот, она взяла на себя заботу о пробах и образцово вела экспедиционное хозяйство. Диего успокоился.

Вечерами мы с четой совершали прогулки по городу. Както вернувшись пораньше из близкого маршрута, мы смогли посмотреть прыжки в воду у местного «Кебрадо». Это отвесная скала Эль-Мирадор со смотровой площадкой прямо напротив

парка на горе. На скалу ведёт лестница, а на верхней площадке установлена широкая доска для прыжков. Прыгают тоже во «фьорд», но не в такой узкий, как в Акапулько; высота же здесь всего шестнадцать — восемнадцать метров.

Прыгали поочередно два молодых мексиканских парня, а третий ходил между зрителями с сомбреро в руке. Прикинув, что высота не столь велика, я сунул ему мятую бумажку пять песо, а спутники мои вообще не обратили внимания на сборщика гонорара. Оба прыгуна смелы и хорошо тренированы, но оба смотрели в воду с самого момента отделения от доски. Это портит силуэт. Если голова не запрокинута, то теряется впечатление свободного, бесстрашного полета ласточки. Красоты и мастерства они не достигли. Эх, будь я лет на сорок моложе...

Еще нельзя не рассказать про герб Масатлана, выложенный мозаикой на одной из центральных площадей. Основу герба составляет гигантский, поставленный вертикально якорь, от которого видны только лапы внизу и кольцо для цепи наверху. На щите изображена голова оленя, скалы в море и еще один якорь — маленький. На щит с обеих сторон облокотились соблазнительные русалки, увенчанные золотыми коронами. Одна держит в руке карнавальные маски, а другая — раскрытую книгу и колосья. Но это еще не все! Поле над щитом разрезано надвое округлой дугой. На правой половинке — солнце с золотыми лучами. Левая — синяя толща морской воды, и на ней красуется усыпанный «бриллиантами» краб. Здорово?

По-моему, такой герб в какой-то мере выражает характер масатланцев — охватить все, что есть вокруг, и не задумываться о художественном вкусе. Впрочем, туристы от этого герба в восхищении.

Поджимало время. Сесар уже заказал мне билет на самолет, а мы еще не плавали по самой лагуне и не обследовали материковый берег, куда дорог вообще нет.

Тогда я и предложил сделать двухдневный маршрут с ночевкой где-нибудь на берегу. В поселке Кайманеро удалось

сговориться с местным рыбаком Игнасио насчет моторной лодки на целый день. Об этом узнал Кабрера, и биологи обязательно захотели ехать вместе с нами на своей машине. Эстела утром тоже оказалась с нами. Группа Кабрера мешкала, так же как и мои ребята в первое время в Яваросе. Я первичал и, видя, что у биологов еще не все готово, назначил им встречу в Росарио у гасолинерии.

Там прождали час. Выведенный из терпения, я распорядился ехать в Кайманеро, ибо все сроки прошли и Игнасио мог уйти со своей лодкой на промысел. На место мы попали только в 11 часов, в разгар жары. Отыскали Игнасио; он выразил полную готовность, но предупредил, что начинается отлив и нам придется трудно. Появилась грязная пластиковая плоскодонка, и еще полчаса добывали канистру бензина.

Круглое лицо Игнасио сняло самодовольством, и усики торпорщились. Налаживая мотор, он почему-то ухмылялся. К моменту отплытия появились еще два угрюмых парня. Они тоже прыгнули в лодку.

— Диего, зачем эти люди здесь?

Тот спросил Игнасио, и разговор у них получился довольно долгий.

— Доктор, Игнасио говорит, что будет мелко и они должны помогать шестами...

Я возразил решительным тоном:

— Это чепуха, чем больше людей, тем глубже сидит лодка. А отталкиваться шестами мы можем не хуже их. Попросите этих двоих выйти.

Снова переговоры, но Игнасио не сдавался. Его друзьям якобы нужно попасть в поселок Рио-Верде, а это нам по пути. Они там выйдут.

— Мне это не нравится, Диего. Лишние люди всегда мешают.

Тем не менее мотор затарахтел. Мы скользили по зеркальной глади мимо стоящих на якоре лодок, буквально усеянных пеликанами, и мимо отмелей, с которых поднялась стая каких-то розовых гусей. Рыбаки приветственно махали Игнасио и его

товарищам. Начало столь интересного маршрута примиряло с опозданием и мрачной компанией. Эстела сидела не шелохнувшись.

Впереди на воде показался длинный ряд каких-то белых пирамид. Оказывается, там прорыт искусственный канал больше километра длиной, а кругом так мелко, что крупным лодкам нельзя подойти к поселку. «Пирамиды» представляют собой поднятые миражем кучи вынутого грунта. Белыми они стали оттого, что на них целыми днями сидят птицы со всеми вытекающими последствиями. Выйдя из канала, мы повернули к далекому северо-восточному берегу, где синют горы. За кормой след лодки представлял темно-бурую от ила струю посреди прозрачной лагуны, и я понял, что глубина здесь ничтожна. Однако еще с полчаса мы плыли благополучно.

Когда до гор оставалось около пяти километров, лодка начала «обмеляться». Ее то и дело дергало, когда днище задевало грунт, а винт в такие моменты переставал работать. Игнасио и парни остались в трусиках и сырыгнули в воду. Они не проваливались в ил, а брели по колено. Подвесной мотор опрокинули в лодку, и двигать ее пришлось вручную. Игнасио пихал руками в корму, а парни уперли свои шесты под банки, положили их концы на плечи и шлепали по обеим сторонам лодки.

— Диего, вылезем тоже — лодка пойдет быстрее!

За нами сошла в воду и Эстела и брела в сторонке, явно стесняясь своего вида в купальном костюме.

Но тут наши рыбаки стали что-то сильно забирать вправо. Насилуя испанский язык, я спросил у Игнасио, в чем дело.

— Там, около Рио-Верде, глубже, — ответил тот и изобразил руками кривую: дескать, придется делать крюк. Оставалось лишь примириться, но вскоре я заметил, что в направлении нашего хода маячит такой же ряд белых куч, что мы видели при выходе из Кайманеро. К этому времени глубина стала почти по щиколотку. Лодка глиссировала по поверхности ила. Нога ощущала верхние десять сантиметров весьма мягкого субстрата вроде вазелина, а под ним был более плотный грунт. Впереди

и с боков на большое расстояние стали обнажаться отмели, покрытые светлым водорослевым пухом. Но зачем же нам этот новый канал? Он приведет совсем не туда, куда нужно!

— Стоп! — скомандовал я. — Диего, заставьте этих людей вести нас туда, куда мы договаривались. Нам нечего делать в этом канале, и работа будет сорвана. Кому нужно в Рио-Верде, пусть идут пешком!

Разговор Диего с рыбаками уже походил на перебранку, но они продолжали вести лодку к белым кучам. Я вцепился тогда в корму, развернул лодку, отпихнул растерявшегося Игнасио и направил ее к холмам. Один из парней пробежал вперед и уперся в нос лодки. Мы встали. Диего чувствовал себя крайне неловко. Я ужасно обозлился, понимая нашу полную беспомощность. Не драться же с ними, тем более здесь Эстела, которую нужно щадить!

— Диего, потребуйте, чтобы нас везли обратно!

Игнасио, видимо, понимал немного по-английски. Он просто расхохотался и показал мне на бесконечные обнаженные отмели в том месте, где мы недавно прошли.

— Доктор, Игнасио говорит, что большая вода наступит только вечером и раньше нам в Кайманеро не попасть. Наш единственный путь — по каналу...

В какое нелепое и смешное положение мы попали! Раздраженные и злые, перепачканные в иле, мы стоим посреди необъятного земноводного пространства. Немилосердно жжет солнце. Нас явно обманули, и сила на стороне этих «бандитов».

— Скорее, скорее, — торопил Игнасио, — а то мы не дойдем до канала!

Пришлось впрячься всем и с трудом толкать лодку, которая шла, как большая лыжа, если весной попадешь в месиво из снега и воды где-нибудь на проталине.

В канале снова застучал наш мотор, и лодка помчалась меж сохших илистых берегов. Вдали виднелось странное сооружение вроде большого парохода, почему-то с пятью трубами. Что еще такое?

Оказалось, ковшовая землечерпалка с четырьмя опорными

колоннами. Она углубляет канал и ведет его прямо в устье небольшой протоки. Команду нашу здесь встретили как своих, приветами и даже объятиями.

С хитрой улыбающейся рожей Игнасио объявил, что минимум три часа лодка никуда отсюда не выйдет. Поэтому мы можем добрести пешком до берега чуть налево от канала (это километр) и работать, сколько нам пужно. При этом он обезоруживающе развел руками: дескать, мы не виноваты в позднем выезде и даже выбрали наилучший маршрут.

Пришлось идти с тяжелыми рюкзаками, и пл здесь был куда жиже, чем в открытой части лагуны. Увязая по колено, мы доплелись до пляжа, нашли густую группу деревьев на склоне и съели скудный завтрак.

Путь оказался интересным и даже приятным. Эстела сторожила вещи, и мы шли налегке. Как и в Яваросе, с внутренней стороны лагуны подвергались размыву грубозернистые пролювиальные отложения, встречались красноватые обрывы, сухие лога. Мы шли пляжем по краю цветущего чапарраля, пересекли марисмы и в общем собрали хороший материал.

Но беспокоило, как окончится сегодняшний день. К землечерпалке мы брели уже под вечер, когда жара спала. Уровень воды в лагуне оставался почти таким же низким. В нашей лодке половину места заняла двухсотлитровая бочка соляра. Вот, оказывается, зачем здесь были те двое парней! Рабочий день на канале кончился, и команда земснаряда в полном составе брела к южному мысу большой протоки. Игнасио с двумя парнями стали продвигать лодку по плу и, махая руками, приглашали нас на помощь.

— Диего, ни в коем случае! Мы их панимали за 50 песо, а не они нас. Пойдем сзади. Иначе это уже издевательство.

Диего послушался, но был явно встревожен.

— Там в лодке наши вещи...

— Не бойтесь, не пропадут. Наверно, в поселке есть полиция, и мы обратимся туда.

На глубоком месте нас все же подождали, и мы торопливо забрались на свои места. Игнасио направился с внутренней сто-

роны к мысу, на который ушла команда земснаряда, и все восемнадцать человек, измазанные по колено илом, стали прыгать в лодку, устраиваясь прямо на бочке, на наших рюкзаках и не обращая ни на нас, ни даже на побледневшую Эстелу ни малейшего внимания. Донесся дух спиртного. Резким голосом и с соответствующей жестикуляцией я прокричал:

— Диего, прикажите Игнасио, чтобы он высадил обратно эту компанию. Мы наняли лодку и имеем право распоряжаться!

Но тот окончательно сник и ответил вполголоса:

— Доктор, это нехорошие люди, но мы от них зависим. Пусть отвезут к Рио-Верде.

Народ был беспокойный. Мотор тарахтел по неширокой протоке, и из кустарников на берегу то и дело взлетали черные утки. Раздался один выстрел, другой, лодка кренилась и черпала воду: ведь в ней находилось «матросиков» больше двадцати человек, да еще бочка, к счастью, не рому. Эстела даже взвизгнула один раз, когда вода полилась через осевший борт. Уток подобрали и с жеребьячьим гоготом поплыли дальше.

Во мне все, как говорится, кипело, и, не будь Эстелы, я начал бы скандал. Мы сидели с Диего на борту, и он держал меня под руку, видимо, чувствуя мое настроение.

Члены команды продолжали «трепаться» хриплыми голосами, и один из них, ослабившись, стал кивать и показывать пальцем в сторону нашей спутницы. Эстела отвернулась, а на лице Диего появились наконец злые черточки. Он резко поднялся, качнув лодку, и в этот же момент Эстела внезапно развернулась и залепила сидевшему против нее парню хорошую затрепину.

Обстановка быстро осложнилась. Я сидел близко от Игнасио и резким движением повернул рычаг руль-мотора так, чтобы лодка шла прямо к берегу. К моему удивлению, Игнасио не сопротивлялся, а убавил ход, и через несколько секунд мы ткнулись в илистую отмель.

Поднялся шум и гвалт с активным участием Диего. Игнасио, по-видимому, понял, что его «команда» зашла слишком далеко. Тоном, не допускающим возражений, он что-то прокричал,

и четыре особенно активных парня нехотя сошли на берег и стали продираться сквозь кусты. Дальше мы поплыли в полной тишине.

Но все кончается, кончился и рейс. Мы сошли на берег последними (если не считать бочку), и Диего полез за бумажником...

— Диего, за что вы собираетесь платить? Они своего обязательства не выполнили. Скажите, что мы обратимся в полицию, если они не достанут нам машину!

Диего робко сунул бумажник обратно и, видимо, передал Игнасио мой протест. Еще я разобрал в его речи слова «ЮНЕСКО», «Россия», «Москва». Вряд ли рыбаки четко представляли себе статус ЮНЕСКО и мои права экстерриториальности, но Игнасио вдруг расплылся в улыбке, а один из парней захохотал. Это был первый звук, который я от него услышал с самого утра.

— Доктор, они сказали, что сделать ничего не могут. Нам придется идти два километра до поселка по той тропинке, а они будут долго ждать здесь большой воды. В Кайманеро они попадут к утру.

В домах Рио-Верде уже зажигались огоньки. Мы съели по тортилье в придорожной таверне и уселись на обочине в заведомо тщетной надежде, что нас кто-то может захватить в Кайманеро. Оглянувшись, я не увидел Эстелы. Ее не было минут десять.

— Диего, куда она ушла?

— Не знаю, она ничего не сказала, наверно, сейчас придет.

Мы еще ждали и курили. Поселок затихал. Закрылся ларек, а на парикмахерской напротив потухла неоновая реклама. Стали видны звезды. Из зарослей шел незнакомый аромат, в котором обычный запах свежей зелени смешивался с каким-то пряным, коричневым.

— Вы чувствуете, Диего? Что это?

— Чапарраль цветет. Он всегда сильно пахнет ночью.

Хотелось есть, и очень я негодовал на создавшуюся ситуа-

цию. Нас хитро обманули, почти сорван один день, и, может, завтрашний тоже пропадет. Где-то блуждает Кабрера со своей компанией... Где-то стоит наш бесприютный «шевроле». Нужно думать о ночевке, а тут еще Эстела пропала.

А кругом в тишине так чисто раздаются короткие птичьи трели из кустарника, и что-то там щелкает и даже хлопает. Совсем рядом поют сверчки, а с болота сплошным гулом доносится кваканье. Ночь полна звуков. Стали кусаться москиты.

И вдруг — ослепительный свет фар. Приближается машина, но, увы, оттуда, со стороны Кайманеро. Мы даже не встаем. Водитель тормозит около нас, и из кабины слышится голос Эстелы. За рулем человек в форме. Эстела выскакивает, что-то быстро говорит Диего, а потом обращается по-английски ко мне:

— Доктор, берите вещи и садитесь. Это полиция, они нас отвезут в Кайманеро!

Расспрашивать некогда. Кидаем с Диего рюкзаки и прыгаем через задний борт в полугрузовик с тентом. Дорога ужасна, но мы едем и, когда шофер замедляет ход, глотаем густую пыль. В огне фар та самая дорога, по которой пробирались утром, но узнать ее сейчас невозможно. Мангры кажутся дремучим лесом, ухабы вырастают в глубокие канавы, и мы впиваемся руками в борта, чтобы не выбросило на быстром ходу. В свете фар мчатся на нас крупные бабочки или мелкие летучие мыши и звучно шлепаются о ветровое стекло.

Водитель знал на пути каждую извилину и поэтому домчал до Кайманеро за полчаса, быстрее, чем это сделали днем мы.

Долго мы его благодарили со всей страстью голодных и усталых людей, и мне пришлось доставать из «закромов» последний значок с кремлевской башней и звездой (других не осталось). С опаской я предложил его полицейскому чину. Но он был принят благосклонно, и сархенто* тут же нацепил его на отворот распахнутого кителя.

Эстела шла по улице Рио-Верде одна, как вдруг ее освети-

* Саржант (исп.).

ли электрическим фонариком и спросили, кто она и что здесь делает. Ответ ее показался мало вразумительным, и кабальеро пригласил ее в отделение полиции. Там посмотрели паспорт, позвонили для проверки в Масатлан и предложили помощь. Вот и вся история, которая обернулась для нас буквально чудом. Мы снова у своего «шевроле», и единственно, что нам осталось,— это хорошо поужинать и потом отдыхать после всех волнений, ссор и «брожений» по лагунному илу.

Весь день разворачивался сейчас в памяти, как многоактная пьеса. Трудно было представить, что утром (пролог) мы находились в таком центре цивилизации, как Масатлан, а сейчас (действие третье) совершенно реально сидим в большом сарае при свете очага и коптилки за длинным деревянным столом с несколькими рыбаками в истрепанных робах и тельняшках. При каждом движении по стенам ходят наши большие тени. На столе ром и текила, а старуха только что кончила чистить рыбу, и сейчас на сковороде шипит хлопковое масло. Ветерок шелестит сухими пальмовыми листьями, из которых сделана крыша. За стеной плещется вода лагуны, и оттуда доносится изредка гортанный крик пеликана (они гогочут, как гуси, но короче и иным тоном).

Под ногами в поисках объедков ворочаются худые собаки. Одна из них доверчиво положила голову мне на колени.

Диего рассказывает о нашем путешествии и злоключениях в лагуне. Рыбаки хохочут: «Ах этот ладронеско * Игнасио!» Через несколько минут согбенная старуха ставит перед нами блюдо жареных рыбок, источающих божественный аромат. Причудливая тень от ее головы с концами платка взлетает к потолку и спускается обратно. А одним глазом я подметил, что над очагом кипит котел, рядом с которым лежит куча еще трепещущих «королевских» креветок. А потом еще почувствовал запах кофе...

Усталость, досада, тревога — все это исчезло. Я вопросительно взглядываю на Эстелу, но и она расплылась в улыбке,

* Жуликоватый (исп.)

слушая разговоры и веселые шутки рыбаков. Диего после стакана рому, развалившись, блаженно курит.

— О'кэй, доктор, как хорошо все кончилось. В такой необычной обстановке я еще не бывал. Даже не могу представить, что мы в Мексике. Здесь прямо как на Гаити!

Еще раз поднялся занавес, и начался последний акт.

От Кайманеро до океана не больше километра через полосу джунглей. Грунтовая дорога упирается в большое хворостяное сооружение с клетушками, такое же, что мы видели еще в Лас-Бокасе.— приют для летних туристов из Штатов. «Шевроле» смело въехал под навес, и тут мы остановились пораженные.

Океан шумел, а гребни волн интенсивно флуоресцировали. По черному полю на берег наступали несколько живых, светящихся полос и умирали недалеко от пляжа. От этого зрелища дух захватывало, и мы все устремились к берегу.

Эстеда и Диего походили минут пять, высказали свое восхищение и вернулись к машине. Но мне этого было мало. Забрав спальный мешок, я сказал, что улягусь до утра на пляже. Партнеры отнеслись к этой идее без энтузиазма, и мы расстались.

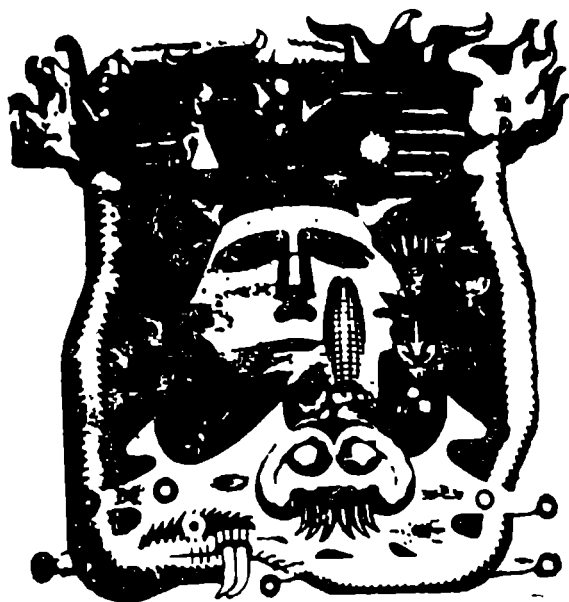
Трудно под мерцающими звездами ощупью найти линию плавника, но пришлось это сделать, чтобы потом не оказаться мокрым, если поднимется прилив. Осталось нагрести кучу песка под голову, и ложе было готово. Я лег лицом к океану и подпер голову руками.

Сила свечения соответствует высоте волны. Когда метрах в двухстах от уреза гребень заваливается, то пенная полоса вспыхивает особенно ярко; настолько, что ее отражение зажигается на переднем склоне волны. Гребень сглаживается — полоса гаснет. Перед ней и сзади идут другие волны, и они продолжают гореть. Потом замеченный гребень падает второй раз и второй раз светится несколько секунд.

У берега, где взмучена масса песка, волна разбивается на несколько коротких изогнутых полос и свечение тускнеет. Здесь происходит какая-то пляска или борьба тьмы и полусве-

та. И все это движение происходит под ритмический шум прибоя. Свет «неоновых» полос от больших волн настолько ярок, что хотелось посмотреть на часы. Нет, не вышло; пришлось зажечь спичку и удостовериться, что уже одиннадцать.

Но я еще долго любовался свето-звуковым представлением, которое так щедро поставил океан, переживал события дня и мысленно сопоставлял наблюдения, а перед самым сном начал сочинять очерк (тоже в уме), но запомнил из него только название «Салют Нептуна».

VII. ЭЛЕГАНТНЫЙ УНИВЕРСИТЕТ

Из Масатлана я улетаю в спешке и не успел даже обобщить наблюдения. Здесь обстановка совсем другая. У меня отдельный кабинет, куда я прихожу ровно в девять часов утра, поднимаю жалюзи и несколько минут любуюсь величественным зданием факультета наук. Перед окнами расположен газон с группами деревьев, но они не мешают общему виду.

Работаю на нескольких столах сразу. На одном — машинка, на столе побольше раскладываю карты и аэромозаики, а около водопроводной раковины длинный стеллаж занят пробами песков и камней. Здесь же куча ракушек. Последними занимаюсь в короткие перерывы для отдыха.

Ровно в двенадцать часов стучит в дверь секретарша Ромелия и приносит чашечку кофе. В четырнадцать запираю дверь и прохожу во двор соседнего корпуса инженерного фа-

культета. Там студенческая столовая «селфсервис»*, где меня уже знают и пропускают без очереди к кассе и к столу раздачи. Кстати, очередь редко превышает десяток человек. Обеденные блюда ничем не примечательны, вполне приемлемы по качеству и очень дешевы. Чаще всего беру курицу и бобы, но наиболее привлекателен десерт. На стойке под стеклом манит восхитительное разнообразие пирожных, кремов, фруктов. Долгое время я предпочитал папайю. Нарезанная, она похожа на ломти крупной тыквы, но с совершенно черными мелкими семечками. Оранжевая мякоть вкусом напоминает смесь дыни и ананаса, хотя почти не сладкая. Говорят, что папайя полезна для желудка, и я в это верил, пока однажды не объелся.

Затем я медленно иду домой на двухчасовой перерыв. Не ленюсь подняться на небольшой косогор к подножию факультета наук. Там стена украшена сочной мозаикой Чавеса Мораво «Возвращение Кетцалькоатля», и перед ней нельзя не остановиться.

Сюжет — воплощение единства культур. Добрый бог ветра и мудрости Кетцалькоатль, окруженный жителями древней Мексики, указывает путь большой группе людей разных народов, коленапоклоненных на спине громадной плоской змеи.

За факультетом наук расположен большой квадрат парка. С крупных, уже покрытых листвой деревьев свисают кисти фиолетовых цветов. А другие деревья, поменьше, цвели еще с января и продолжают цвести до сих пор. На кончиках всех ветвей торчат кверху ярко-красные пирамидки. Наверно, из-за цвета их и называют «колорина». Нижние цветки этих пирамидок раскрылись первыми; постепенно они опадали, а сейчас распускаются те, что почти на вершине. Листьев на колоринах нет до сих пор. Шипы торчат прямо из ствола.

В 16.00 снова в институте. Сотрудников обычно бывает меньше, чем в первую половину дня, и никто не отвлекает от дела. Но писать на английской машинке больше часа подряд я почему-то не могу. Голова начинает плохо работать. Тогда остается подойти к столу с ракушками и в который раз пере-

* Самообслуживание (англ.).

бирать их и раскладывать на две части. Та, которая поменьше, поедет в Москву, а другую раздарю девчонкам, что играют возле дома. Я уже дал им некоторые и привел в полный восторг. Черно-красные колючие мурексы изумительны своей прихотливой формой. Створки мактра размером с блюдце очень просты и удивляют только необычной толщиной. Это удобные пепельницы, но в моем доме окурок никогда не коснется их благородной белизны. Изящны конусы. На них природа нанесла тонкий графический рисунок, слегка окрашенный, и у всех ракушек он немножечко разный.

А для многих форм я вообще не знаю названий, да и что прибавит латинское слово из определителя к их красоте? Среди них есть как бы увеличенные втрое и соответственно утолщенные виноградные улитки. Но это тоже морские раковины, и на их гляцевитой поверхности правильно расположены ромбики шоколадного оттенка.

В Москве у меня каждый набор раковин, привезенный из определенного места, хранится как реликвия.

Много раз вспоминал я свой визит в магазин ракушек, что рядом с рынком в Масатлане. Виды, которые помельче, навалены там в больших коробках, а крупные экземпляры висят на стенах или покоятся под стеклом. На полу мешают проходу массивные створки тридакны, килограммов до сорока каждая.

Большинство раковин были не здешние. Розовые стромбусы и вычурные кассисы явно привезены с Карибского моря. А откуда этот большой тритон? Оказалось, с Филиппин. Глянцевитые ципреа жили у Гавайских островов и даже в лагунах атоллов Полинезии. Точно, откуда какая, хозяйка и сама не знала. Я постоял там, наверно, час, но, к разочарованию хозяйки, ничего из выставленных сокровищ не купил. Те, что хотелось купить, были или слишком тяжелы для самолетного багажа, или стоили непомерно дорого.

В большинстве стран коллекционирование морских раковин широко распространено, и эта пагубная страсть породила целую отрасль морского промысла и организацию соответ-

вующих торговых фирм. Мой друг О. Скарлато из Зоологического института Академии наук СССР — крупный специалист по брюхоногим. От него я и узнал о существующих коллекциях. Собирать их можно всю жизнь, так как количество видов брюхоногих (завитые раковины) во всем мире составляет 85 тысяч, а двухстворок — около 15 тысяч. Издаются каталоги фирм и прейскуранты, цена на некоторые редкие виды баснословна высока.

В Советском Союзе собирают раковины лишь немногие океанографы и моряки, но боюсь, что ни один из них не числится в списках постоянных участников аукционов. Однако во многих домах можно видеть крупные раковины рапан с Черного моря или ребристые дальневосточные пектены с тарелку величиной. Рапана родом тоже с Дальнего Востока. Она пробралась в Черное море нелегально, по мере роста нашего флота и перевозок; ее личинки прикрепляются к днищам кораблей. На новом месте рапаны нашли обильную пищу в виде устриц и мидий и быстро размножились. Их продают на базарах всех наших курортов. Устье раковин буквально сияет и отсвечивает чистым розовым светом зари.

Некоторые красивые ракушки очень редки. Например, конус глорнамарис известно в коллекциях всего семьдесят экземпляров, и цена за каждый составляет три тысячи долларов. А ципреа леукодон поймано всего три, причем последняя была найдена в желудке рыбы где-то около Филиппин.

Украшения из раковин так же стары, как человечество. Их находят в могильниках каменного века даже за тысячи километров от моря. Ракушки были и до сих пор служат разменной монетой на некоторых оксанических островах. В Европе коллекционирование ракушек получило большой размах в XVI—XVIII столетиях. Страстными коллекционерами были Екатерина II и коронованные особы других государств. Ни одна из аллегорических картин тех времен не обходилась без слуги бога Нептуна, дующего, напыжив щеки, в завитой тритон, или без наяд, свешивающих голые ляжки через фестончатый край гигантских тридакн.

Ракушка под названием «Спиральная лестница» («Эпитомум скаларе») некогда стоила астрономические суммы. Один экземпляр принадлежал Екатерине II, а Мария-Терезия Австрийская за такой же заплатила сумму, эквивалентную теперешним двадцати тысячам долларов.

Все время я не переставал думать об итогах обследования берегов и лагуны Кайманеро (вместе с Эскуинапа), да и впечатлений во время объезда накопилось множество. Бар, отделяющий эти лагуны от океана, имеет ширину до трех километров. Весь он зарос лесом. Лишь у немногих поселков на расчистках имеются посевы и пастбища. Собственно, это и не поселки, а группы ранчо, отстоящие друг от друга на несколько сот метров. Мы убедились в том, что береговые валы занимают все пространство пересыпи и ничем не отличаются от исследованных в Наярит Кёррэм. Местами, правда, они срезаны по внутренней стороне волнами лагуны, и этот процесс продолжается. У берегов лагуны Браво мы также подметили следы разрушения еще в первый день.

Чем пересыпь Кайманеро особенно запомнилась, так это гостеприимством тех самых ранчерос, о которых у меня составилось тревожное представление в кабачках Уатабампо. И здесь они ходят в «коже» (несмотря на жару) и носят длиннейшие навахи. Но, узнав, что нам хотелось бы расположиться в тени у грубого стола для завтрака и получить молока и яиц, они приветливо улыбались, приглашали хозяйку, и мгновенно все было готово. Со стола смахивалась пыль, и постилалась скатерть. Разводился очаг, а из холодильника извлекалось свежайшее молоко.

Потом за кофе начинались расспросы, так как новые люди появляются в таких местах не часто. Я не всегда понимал, о чем разглагольствовал Диего, и больше интересовался окружающим. Как-то к дому примчался на мусганге парнишка лет четырнадцати. Он так лихо соскочил на ходу и остановил коня за уздечку прямо у нашего стола, что я не смог скрыть восхищение.

— Многие у вас так ловко скачут? — попросил я перевести свой вопрос хозяевам.

— Уже в первый класс школы, за восемь километров, мальчики ездят на лошадях, а девочек сажают за спиной. А года через четыре все, наверно, ездят, как наш Хуанито. Ну-ка, покажи свое искусство!

Хуанито был долговяз и легко дотягивался до седельной луки. Показал он нам нечто виденное мною до этого только в цирке. По широкому двору он разгонял коня, прыгивал на ходу и тут же вскакивал в седло обратно. Собственно, Хуанито касался земли одним коротким прыжком. И не успевал глаз уследить за этой виртуозной техникой, как он соскакивал на противоположную сторону. Потом, скрещивая ноги, он переворачивался в седле, как на гимнастическом снаряде, то вперед, то назад, а в заключение встал прямо на круп лошади в своих мокасынах и несколько секунд гарцевал стоя под аплодисменты зрителей.

А после, пробираясь на «шевроле» песчаной дорогой сквозь джунгли, мы встречали много пастухов-ребят, столь же лихо сидевших в седле. Они сворачивали в кустарники, и приветствовали нас, размахивая громадными сомбреро.

Между Эскуинапой и Масатланом лежит еще одна, довольно узкая лагуна. Мы пробрались с юга и на ее пересыпи и оказались вознагражденными за труды. Сначала все шло, как и на Кайманеро, но только вместо леса тянулись плантации «коко».

Чем ближе к Масатланской бухте, тем шире у моря становилась почти оголенная полоса песков и появились наконец «свеженькие», только что сформированные валы, каким полагалось бы быть во владениях Кёррэя.

В море перед северным концом пересыпи лежит остров, который «блокирует» (защищает) этот участок от прямого доступа волн северных и фронтальных. Южные волны доходят сюда совершенно свободно и приносят песок, видимо, в больших количествах. На протяжении около двух километров берег явно нарастает, и вот тут и начались настоящие валы,

как на Балтике, только широкие и распластанные приливом, но еще не переработанные ветром. Сначала их появилось два, потом больше, и, наконец, у конца пересыпи целых восемь. Дальномером мы смогли определить их ширину общую и каждого в отдельности, а потом рыли шурфы и убедились, что в них имеется характерная «облекающая» слоистость.

Все нам с Диего стало понятно, и я уже не жалел, что на завтра назначен отлет. Береговая аккумулятивная форма является единой не на 225 километров, как считал Кёррэй, а вплоть до Масатлана, что составляет уже 325 километров. Терраса широка там, где полноводные реки сгружали в море основное количество наносов. Балуарте и Пресидио уже относительно маломощны, и их выносов хватало только на создание относительно узкой пересыпи. Зато своим аллювием они построили «мосты» через некогда общую акваторию длиннейшей лагуны. Точь-в-точь картина, виденная в 1967 году во время полета южнее Акапулько.

О том, что современности предшествовал здесь дождливый период, известно. Тогда берег интенсивно жил, а сейчас, когда наносов не хватает, он замер в своем развитии. Почти по всей его длине господствует разрушение края террасы и формирование одной или нескольких дюн. Везде, кроме этого небольшого участка, где, «по независящим от рек причинам», аккумуляция продолжается в достаточно высоком темпе.

Последние наблюдения, а также написанное в предыдущих главах я и вкладывал в свой отчет. Про себя же радовался, что и в Мексике, если хорошенько разобраться, процессы лагунообразования идут почти так же, как у родных камчатских, чукотских и черноморско-азовских берегов.

Через день я хожу на почту и в книжный магазин. Это на западной стороне университетской территории — там, где высится шестнадцатиэтажное здание ректората, а вправо от него — одно из лучших творений мексиканских художников и архитекторов — библиотека. Колоссальная слепая стена книгохранилища площадью 1200 квадратных метров вся занята ги-

гантской, выполненной из натуральных цветных камней мозаикой Хуана О'Горман.

Каждый раз, проходя по высокой галерейке вдоль инженерного института, с которой открыт широкий обзор, я задерживаюсь минут на пять. Мозаика принимает разные оттенки в зависимости от времени дня и погоды. К вечеру она сверкает розовыми бликами под косыми лучами солнца. Утром она в тени, но именно в это время, загородив ладонью глаза от прямого света, можно разглядеть все детали сложной картины.

Ее южный фасад посвящен колониальному периоду Мексики. Центральная композиция начинается вверху гербом Габсбургов, а внизу завершается двухбашенным католическим собором на фоне пирамиды ацтеков. В больших кругах по обеим сторонам даны изображения: направо — солнца, а налево — луны среди планет и звезд. Под солнцем творятся добрые дела, а под луной — злые.

На северной стене дана аллегория доиспанского периода. Голубыми полосами морских течений плоскость разделена на несколько отсеков. На них изображены боги в разных обликах, мифологические фигуры животных: крылатая змея, орел, ягуары.

Стен у библиотеки четыре, и общая площадь мозаик (самая большая в мире) составляет 3317 квадратных метров. Мозаики на боковых узких фасадах олицетворяют: одна — современную Мексику, а вторая — университет.

Привлекательнее всего университет выглядит с крыши ректората. Только отсюда можно по достоинству оценить элегантность зданий, совершенно не похожих одно на другое.

Под нами зеленое каре метров двести в поперечнике; его окаймляют длинные здания факультета философии с одной стороны и инженерного — с другой. По лугу всегда гуляют студенты, а в тени от нескольких куп деревьев устраиваются парочки. Напротив высится факультет наук, а правее — институты геологии и биологии. Вдали раскинулось базальтовое плато, которое днем принимает лиловатую окраску; в хорошую погоду за плато проглядывают любимые вулканы.

На юг, за зданиями факультета архитектуры, открывается громадная территория спортивного комплекса. Там три футбольных поля, площадки для бейсбола, тенниса и прочих, мне уже не понятных игр. И тут же с краю голубеет зеркало олимпийского плавательного бассейна. А еще дальше за ними лес — часть обширного ботанического сада. Оранжерея для растительности влажных субтропиков расположена по другую сторону авенюды Инсурхентес.

А один раз, возвращаясь самолетом, я видел весь комплекс сверху. И что он напомнил? Макеты древних городищ в археологическом музее, только, конечно, без пирамид. Их место занимают гигантские призмы зданий ректората и факультета наук. После, когда я побывал в Ушмале и Чичен-Ице, то убедился в большом их сходстве с университетом в расположении построек. Широкие открытые проходы. Коленчато изломанные в плане сооружения с крыльями и выступами или поднимающиеся большими ступеньками напоминают пероглифы. Пространство организовано произвольно, но четко. Разнообразием цветов оно напоминает гигантские мозаики, описанные выше.

Забыл упомянуть о мозаике, которую вижу дважды в день, возвращаясь к дому. Если идти не парком, а прямо от здания факультета наук, то она вырастает прямо перед вами, и, чем ближе подходишь, тем выше приходится задирать голову.

Франсиско Эппенс на фасаде факультета медицины создал крупную композицию (324 квадратных метра). В ней объединены четыре элемента мексиканской мифологии: огонь, воздух, вода и земля. Но главное, что бросается в глаза, — это гигантская голова в центре композиции. В ней как бы слиты три лица. Слева — профиль женщины-индианки, справа — мужчины-испанца, а середину занимает лицо метиса, олицетворяющего современную мексиканскую нацию. Над головой простерты две ладони. В одной из них — прорастающее семя, а в другой — оплодотворившая его пыльца. Вся фреска, как рамой, окаймлена длинным волнистым телом змеи, которая

зажала в зубах свой хвост. Это традиционный мексиканский символ вечности.

Во время полета вдоль побережья еще в 1967 году я обмолвился Бютце, что ЮНЕСКО заказало мне «экономический» билет. Это значит, что лететь обратно можно не раньше чем через двенадцать и не позже чем через тридцать дней. Таким образом, у меня целых восемь дней свободного времени. Франц сразу предложил взять надо мной шефство и показать наиболее интересные места в городе и окрестностях. Глупо было бы не согласиться. Не знаю, что руководило Бютце: чувство ли гостеприимства или желание потолковать по научным проблемам взаимного интереса? Так или иначе, но я получил приглашение на уик-энд, и утром следующего дня Франц захватил за мной в отель в своем «фольксвагене» — микроавтобусе с убирающимися сиденьями, весьма вместительном и удобном. Жил он около самого университета, в одном из переулков, выходящих на Калье-Медисина. «Фольксваген» прогудел перед дверью, и через две минуты вышла его жена Хильма с дочуркой Магдой. Для девочки за сиденьем на эластичной подвеске было приспособлено креслице с поясным ремнем. В свои три года Магда держалась весьма солидно и с готовностью дала себя закрепить ремнями со всех сторон.

В городок Куэрнавака ведут два живописнейших шоссе, пересекающих ближайший вулканический хребет на высоте около трех с половиной тысяч метров. По одному из них с утра происходили автомобильные гонки. Шоссе являются южным продолжением авениды Инсурхентес. По пути Франц показал мне строящуюся олимпийскую деревню. Когда сооружали фундаменты, то под свежим покровом базальтовой лавы обнаружили остатки ацтекских храмов XV века. Следовательно, излияние произошло из какой-то трещины не позже чем полтысячи лет назад!

Вскоре начался подъем, и над дымкой, заполняющей котловину Мехико во всей красе, стали видны снежные вершины вулканов Попокатепетль и Истаксуатль (Спящая красавица).

Отсюда они больше впечатляют, чем с самолета. Попо — правильный конус вроде нашей Ключевой сопки, а Истаксиуатль — много старше своего соседа и почти развалился. Об их взаимоотношениях существует старинная легенда, но ее уже многократно пересказывали наши очеркисты во время Олимпиады.

Дальше шоссе вошло в густой сосновый лес. Было ветрено, и мы с наслаждением вдыхали смолистый запах вместо привычных паров бензина. В центре Мехико они настолько концентрированы, что у меня на улицах всегда щипало глаза. Лес здесь мощен и густ, но стволы сосен не золотистые, как у нас в Прибалтике, а лиловатые. Километров тридцать мы мчались по вулканическому плато, и я снова убедился, насколько окружающее выглядит красивее именно на местности, а не с самолета. Горизонт со всех сторон замыкают плавные холмы конической формы, поросшие еловыми лесами, а между ними чередуются ярко-желтые поля уборного ячменя и огромные сенокосы. А как изумительно дышится на высоте больше трех тысяч метров!

Куэрнавака — очень чистый зеленый курортный городок. В нем имеют виллы многие богатые мексиканцы. Живут там и художники, и среди них знаменитый Давид Сикейрос. Главная достопримечательность здесь — дворец Кортеса, завоевателя Мексики. Он построен еще в 30-х годах XVI века. Мы и начали с осмотра этого мрачного серого здания. Запомнились лучше всего не темные внутренние помещения дворца и не сохранившаяся утварь и мебель, а солнечные фрески Диего Риверы на галерее с южной стороны. Наряду со сценами мирного труда и строительства художник для контраста изобразил жестокие картины зверств конкистадоров. Индейцев заковывают в кандалы и раскаленным железом ставят клеймо, чтобы рабы не сбежали. Нет, скорее обратно отсюда, на оживленные радостные улицы!

Самым интересным в этот день был «пикник» в лесу над Куэрнавака, среди сосен и крупных буков. Свернув с дороги, мы поставили машину на полянке. Хильма начала доставать

снесь и раскладывать ее на большом пледе. Чувствуя, что моя помощь была бы бесполезна, я внимательно оглядывался вокруг, пощупал листья на кустах, сорвал для Магды несколько цветков, так похожих на наши лесные, но все-таки иных по оттенку, крупнее, жестче. Вместо травы полянку устилал густой покров нежных незнакомых растений. Зеленая мозаика напоминала множество маленьких, разрезанных листиков клевера, посаженных на один стебель. В Москве такую декоративную «травку» разводят в комнатах.

— Это особый вид папоротника,— пояснил Франц.— Он здесь везде растет в лиственных лесах.

Заметив мой интерес к окружающему, сухопарый, длинный Франц, поблескивая стеклами очков, шарил по кустам, где отыскивал для меня жуков и пытался ловить бабочек. В этой роли он ужасно напоминал Жака Паганеля.

Хозяйственность Хильмы заслуживала похвалы. Чай и кофе были в двухлитровых термосах. В маленьком термосе холодное молоко для Магды. Мужчинам, кроме того,— пиво. На пледе в картонных тарелочках лежали домашние пирожки и закуски по выбору.

А после обеда мне стали показывать лес. Длинная хвоя на «соснах» и крупные шишки объяснялись просто: это оказался один из видов кедра. Магда первая заметила и закричала: «Дас роте фогель» *. С ветки на ветку перепархивала птица кардинал, о которой раньше я читал только у Майна Рида. Это черная птичка величиной со скворца, но с хохолком; когда она взлетает, то снизу крылья и бошки у нее ярко-красные, как кардинальская мантия.

— Тише, тише,— зашипел на нас в этот момент Франц.— Там, за кустами, кажется, «хамминг-бёрдс»!

Никогда не видал колибри! Чертовски интересно. «Хамминг-бёрд» значит «жужжащая птица». Крадучись, мы подошли с Францем поближе, и я уловил очень тихую басовую ноту где-то около предела восприятия, чуть больше шестна-

* Красная птица (нем.).

дцати колебаний в секунду. То, что я увидел, напоминало крошечное серое облачко без каких-либо ярких красок. Облачко мгновенно, как мысль, пролетало от соцветия к соцветию и повисало вплотную над ним в воздухе на несколько секунд. За это время колибри просовывал туда длинный изогнутый клювик и выпивал нектар, точь-в-точь как у нас на юге бабочка бражник.

С Бютце мы провели и еще один уик-энд, когда ездили далеко за Толуку мимо громадного горного озера и присутствовали на церковном празднестве Марии-Гваделупе. Впрочем, в костел мы только заглянули, а основное время бродили вдоль рядов огромной ярмарки. Потом Диего возил меня еще в Теотинуакан.

Хуже было с самим городом Мехико. Его мне показать не успели. До сих пор я хорошо представляю лишь некоторые районы, где пришлось жить или часто ездить по делам. Больше всего я люблю юго-западную часть, тяготеющую к магистрали Кальсада-Такубайя, на которой расположено советское посольство. Неподалеку на тихой улочке есть недорогой отель «Агнесс», с крыши которого можно обозревать окрестности. Центральные районы Пасео-де-ла-Реформа и авенюды Хуарес отсюда далеко (пять-шесть километров), и небоскребы до сорока этажей едва проглядываются в дымке. Зато левее отчетливо выделяется лесистый холм Чапультепек с дворцом Максимилиана на вершине. Туда я и направлял свои стопы в свободное время.

Путь идет по чудесной авениде Нуэво-Леон. Посредине ее растут могучие пальмы, а по бокам шуршат автомашины. Это район небольших особнячков и в общем спокойный.

Чуть поодаль, с аллеи направо, виден небольшой открытый сад с прудами и аттракционами для детворы. Там я часто сидел на бетонных скамьях в тени и любовался необычной растительностью. Таких высоких юкк и пальм больше нигде, навсрно, нет.

А в другую сторону через сад два шага до авениды Инсурхентес с ее обширными универмагами и невообразимым авто-

движением. В этой части города обстановку на авениде усложняет еще трамвай.

До парка Чапультенек тридцать пять минут неторопливого хода. Но когда я туда попадал, то не думал о потраченном времени. Это не лондонский Гайд-Парк с его обширными газонами, а сплошная гуща мощных широколиственных деревьев, между которыми извиваются асфальтированные тропы. Травы здесь вообще нет. Ребята с гиканьем носятся сквозь кусты или карабкаются по склонам холма. Можно покататься на лодке по одному из небольших голубых озер. Здесь не чувствуется сухости воздуха, который в городе буквально дерет глотку.

Наверх идет автодорога, и после посещения археологического музея Хильма Бютце возила меня во дворец. Это добротное здание превращено тоже в музей. Прогулявшись сквозь анфиладу дворцовых залов с пышной мебелью и обилием картин, мы поднялись на крышу. Вот оттуда действительно вид! Блоки небоскребов проектируются на фоне снежных вулканов (был ветреный день). В обе стороны от центра широко распласталась мозаика крыш, выложенная сложным узором, повторяющим шахматные клетки бесчисленных авенид и калле (улиц). А с другой стороны, на запад, среди холмов просматриваются жилые кварталы с вилами состоятельных людей. Там яркие пятна черепичных крыш вкраплены в густую зелень парков.

К дворцу примыкает небольшое кафе с колоннадой. Там мы сидели с Хильмой у самой балюстрады за бутылкой оранжада и обменивались мнениями о мексиканских древностях. Экспозиции в музее расположены по территориальному и временному принципам. Свой зал имеет каждая народность и каждая эпоха. Наряду с подлинными скульптурами, мозаиками, украшениями, предметами быта в музее привлекают внимание и объемные муляжи со сценами жизни древних обитателей Мексики.

Музей богат, красив, и каждый зал оформлен по-особому и с большим вкусом. Первое яркое впечатление получаешь

при входе. В обширном патио сооружена громадная колонна-зонт (я бы назвал ее «гриб»). Ствол, больше метра в диаметре, украшен рельефными орнаментами исчезнувших племен. Однако к нему не подойдешь, так как из-под шляпки гриба льются струи воды в округлый бассейн. Алюминиевый диск шляпки затеняет почти весь патио, и солнечные лучи раскаляют лишь узкие полосы вдоль стен корпусов. Диск подвешен на серии металлических стержней, которые, как спицы колеса, расходятся от верхушки колонны. В одной из зал выставлено огромное каменное свиноподобное чудовище с мордой ягуара. В его широкой спине вырезано углубление в форме чаши вместимостью литров сорок — пятьдесят. Туда, в эту чашу, жрецы бросали трепещущие сердца жертв и наполняли ее доверху за одну «церемонию».

В некоторых залах выставлены крупные модели реконструкции древних городищ, в том числе Теночтитлана (современный Мехико). Они производят глубокое впечатление, и я снова и снова вспоминал их, когда лично увидел знаменитые Чичен-Ицу и Ушмаль.

Что касается центра города, то туда я попал вечером в свой первый приезд. Мне заказали номер в «Хилто́не», на Пасео-де-ла-Реформа, на двенадцатом этаже. Приехал я в отель усталый прямо с заседания, а предшествовавшую ночь не спал в самолете. Вышел на балкон и долго не мог опомниться. Магистраль залита мертвенным «ртутным» светом лампионов, затененных сверху. По ее центральной части мчатся в десять рядов автомашины. С обеих сторон тянутся бульвары; ближе к домам еще автопроезды, а у подножия небоскребов (много выше моего отеля) широкие тротуары кишат людьми. Днем под зеленый светофор я смерил ширину Пасео. Оказалось, 155 шагов, то есть около 110 метров. Через каждые полкилометра Пасео расширяется вдвое, образуя правильную круглую площадь. В их центре сооружены величественные статуи Колумба, царя Куаутемока, а дальше памятник Независимости и красивая золоченая статуя богини Днаны среди фонтанных струй.

Но сейчас вечер, и поэтому стены и фасады зданий сверкают неоновыми рекламными всеми цветами радуги. «Сверкают» не только из-за яркости, а потому, что все или вертится, или вспыхивает поочередно то желтым, то голубым, то ярко-красным. В промежутке между домами (вперед и налево) проглядывает освещенный купол Монументо-де-ла-Революсьон. Что-то светящееся смонтировано и прямо под моим балконом. Поэтому вся картина смотрится отсюда сквозь меняющуюся цветную дымку, то оранжевую, то изумрудную. На крышах тоже рекламы во много десятков метров длины и высоты. Черт знает что творится! И шум, как океанский прибой издали, когда падения одной волны ухом не уловишь, а все слито в равномерный рокот и шелест.

Пять минут, что я простоял на балконе, оказались единственными, но это первое впечатление запомнилось навсегда. А единственными они стали потому, что утром, осведомившись о стоимости номера, я сразу попросил сотрудника оргкомитета перевести меня якобы от шума в другой отель, куда-нибудь на боковую улицу.

Много позже приходилось мне гулять с друзьями по авениде Хуарес и по той же Пасео, сидеть за столиком под деревьями, тянуть через соломинку коктейль и наблюдать за толпой. Здесь она специфична. Никто не носит сомбреро и холщевых штанов. Сеньоры одеты по-европейски, и только у некоторых дам сохраняется мексиканский колорит то в прическе, то в накидке. Выделяются туристы. Они и здесь щеголяют в только что купленных серапе, к которым так не идут их растрепанные шевелюры и короткие рукава цветных ковбоек.

Вечером сюда приезжают только провести свободное время, ибо жилые кварталы расположены далеко, на боковых улицах. Сложная проблема — это стоянка автомашины. Во всем районе стоянки только платные и все забиты. Въезд из переулков, где вытягиваются очереди. Места приходится ждать не меньше четверти часа. Но когда кончаются концерты или сеансы в ближайшем кино, то имеет смысл задержаться в

кафе. Иначе попадешь в неповторимую давку п еусту. Специально нанятые парни криками и флажками регулируют выезд со стоянок. Не все одинаково ловко управляют с рулем. Поэтому наезды, вмятины, царапины здесь обычное явление. На это, впрочем, не обращают особого внимания и во всяком случае не зовут полицию. Легкая починка и подкраска совершаются за полчаса или тут же, или в любой «автозабегаловке» на следующий день.

Говорят, что мексиканская толпа темпераментна. Но мне не приходилось тут бывать ни во время Олимпиады, ни когда происходит первенство по футболу. В обычное же время все мило, неторопливо и изысканно вежливо. Вас никто не толкнет, и любой прохожий отступит, чтобы дать пройти, если вы с дамой.

В восточной части города специально для туристов построен крытый рынок «Сан-Хуан Курносидадес» («Редкости Святого Иоанна»). Как найти его, я до сих пор не знаю. Помню, что угла сорокэтажного небоскреба «Латиноамерика» находится от этого места в двух-трех километрах на северо-запад. На рынок дважды возил меня коллега Эрик Газнев — советский гидротехник, направленный ООН для работы в Мексику. Мы с ним подружились. Он шутя объяснил, что перед любой далекой поездкой нужно сюда захватить посмотреть местные изделия и узнать цены, ибо в Сан-Хуане они много дешевле, чем где-нибудь в Оахаке или Мериде. В этом он оказался прав. Здесь продаются кустарные изделия, производимые в любом штате Мексики. Особенно богаты ряды ювелирные и тканей.

Район этот, находящийся близко от центра, резко отличается от описанного выше. Широкие серые улицы с большими домами заводского типа, среди которых вкраплены мелкие жилые «касы». Здесь много небольших производств. Грузовики с товарами неистово режут на поворотах и выстраиваются шеренгами вдоль тротуаров. Продуктовые лавочки и таверны в смысле гигиены оставляют желать лучшего. Рынок, как оазис на фоне этого серого ландшафта, окружен яр-

ким бордюром туристских лимузинов. Эрик очень удивился, когда я попросил прогуляться со мной и посмотреть, как тут живут люди.

А что здесь интересного? Точно так же выглядят три четверти Мехико. Работают много, живут бедновато...

А вот по авениде Инсурхентес гулять не приходилось. Да на ней это и не принято. Очень много раз проезжал я ее на машине и запомнил все светофоры и перекрестки. Запомнил выделяющиеся здания банков, универмагов, правительственных учреждений. Механически читаешь вывески. И вот попалась одна, которую я даже в книжку записал. Зеркальные витрины, и по ним золотом крупно: «Бельеса Канина» *, поменьше: «Все для собак. Стрижка, завивка, модные украшения...»

Впрочем, не все жители Мехико знают эту магистраль. У меня сломался рычаг одной литеры на пишущей машинке «Колибри». Нужно найти мастера, чтобы отлить новый. Роберто Посада повез меня куда-то по авениде Революцион, потом свернул и крутился три-четыре квартала, пока мы не нашли указанный адрес. В маленькой мастерской мы застали только молодого подмастерья. Он сказал, что хозяин придет через полчаса, а без него нельзя сказать ни цену, ни сколько нужно на это времени, и могут ли они сделать такой рычаг вообще. Решили ждать.

И тут Роберто пришла идея показать мне лучший, по его мнению, цветочный рынок Мехико, до которого якобы не больше пяти минут ходу в сторону авениды Инсурхентес. Оставив машину, мы пошли очень бедными кривыми переулками, выдерживая направление лишь по солнцу. Уткнулись в небольшую площадь с костёлом, и дальше пути не было. Роберто подошел к старухе, сидевшей на пороге одноэтажного домика или, скорее, хижины, только не из адобы, а из больших камней. Прищурившись, она подняла трясущуюся седую голову, пошевелила губами, обдумывая ответ, и сказала:

* Собачья красота (исп.).

— Вам, сеньоры, нужно идти туда, а потом повернуть направо. Это еще довольно далеко, но сама я там не бывала.

— А давно вы здесь живете?

— Я родилась здесь, но гулять мне некогда было. Внуков много.

Мы сочли за лучшее вернуться и с трудом нашли свою мастерскую.

За рычаг взяли двенадцать долларов. Это десятая часть стоимости новой машинки. Но сделали его хорошо. Работает до сих пор.

VIII. ВДОЛЬ БЕРЕГОВ МЕКСИКАНСКОГО ЗАЛИВА

Год 1965-й я работал на Кубе, очень ее полюбил и даже написал о ней книгу¹. У меня возник там целый ряд соображений о закономерностях развития берегов тропической зоны с ее коралловыми сооружениями, мангровыми болотами и интенсивным осаждением извести из морской воды. Для того чтобы их проверить, одной Кубы мало. Уже тогда мечталось побывать во Флориде, на Багамских островах и особенно на Юкатане.

Поэтому сразу по приезде в Мексикку я намекнул Айала-Кастаньярессу, как интересно было бы туда попасть, сколь это важно для науки и какие интересные работы могли бы там выполнить его питомцы. Айала ответил уклончиво, но не отказал. Дескать, видно будет. Первым делом калифорнийские лагуны. Перед отъездом в Яварос я узнал, что непосредственно на границе Юкатана институт уже ведет работы и в марте

там должен производить бурение Роберто Посада — мой знакомый еще по поездке 1967 года. Роберто очень хотел, чтобы я его сопровождал на остров Кармен и помог наилучшим способом наметить точки бурения. Интересовался он и берегами Юкатана, на котором, оказывается, прожил некоторое время еще до окончания университета.

Но вот я снова в Мехико, после Явароса, и уже кончаю писать отчет. У меня в запасе две недели. Лететь в Масатлан вторично нет смысла. Сидеть так? Неужели, раз Роберто туда едет, институт не может истратить семьсот песо на мое возвращение самолетом? Айале возражать было трудно, и я «получил добро» собираться.

Роберто провел минувший год в Техасе, где стажировался и делал свою магистерскую работу в одном из университетов. Работа получилась хорошая. Я ее читал. Из Штатов он вернулся неузнаваемым. Во всех манерах теперь сквозила сдержанность англосакса. Аккуратность в костюме, лаконичность в разговоре, и даже двигаться он стал как-то по-военному: четкие повороты, быстрый шаг. И еще мозолил глаза перстень с бриллиантом, на внутренней стороне которого было выгравировано название футбольной команды американского университета. Одно осталось: широкая мальчишеская улыбка на правильном лице с мелкими чертами. Но появлялась она много реже, чем тогда в Акапулько.

Несмотря на новый облик Роберто и его новые манеры, с выездом мы опаздывали так же, как это было и с нерасторопным Диего. Когда я стал выговаривать за появление в двенадцать вместо девяти, Роберто обезоруживающе улыбнулся и развел руками:

— Я мексиканец, сэр, а мексиканец, если встретит друга, ни в каких обстоятельствах не может отказать ему в беседе или не выпить кружку пива. Сегодня я встретил трех друзей, с которыми давно не виделся.

— Роберто, но ведь я тоже ваш друг, как вы сами говорили. И этого друга вы заставили нервничать и ждать целых три часа без дела.

— Сэр, извините меня, но с вами мы будем много дней, а тех друзей я не скоро увижу.

Ну что с таким поделаешь? Погрузились в знакомый (почти родной) «шевроле» и тронулись. И вдруг он заворачивает с авениды Инсурхентес налево.

— Куда, Роберто?

— На минуточку заедем домой, сэр! Я попрощаюсь с Мануэлой и с детьми, и там ждут еще два друга; они поедут с нами. Нет, не на Юкатан, а только до Веракруса.

Я уже бывал у Роберто. Он арендует половину старого испанского дома в переулке. Одноэтажное строение обнимает квадратный дворик — патио и наружу окон не имеет. Из четырех комнат три проходные. В одной из них он усадил меня за цветной телевизор, вывезенный из Техаса. Не знал я, что программу передают даже днем. Цветная новинка настолько любопытна, что я перестал ворчать и терпеливо ждал, пока Мануэла готовила ленч.

После завтрака, когда мы уже вышли в патио к машине, запыхавшаяся Мануэла выскочила из дома с большим, завернутым в газету свертком.

— Приготовила вам в дорогу торт и чуть не забыла.

В кабине стало тесно, когда между нами с Роберто уселся шумный и веселый Джексон — его коллега по Техасскому университету. Всю дорогу он рассказывал пошлые анекдоты. Половину из них я слышал в Москве и был удивлен их глобальному распространению. А сзади, в кузове, устроился один из техников института, который почти непрерывно пел заунывные песни.

Обогнув ближние горы, машина поднялась на плато, где дорога распрямилась и убегала к самому горизонту. Из-за позднего выезда мы могли не успеть увидеть Орисабу — самый высокий вулкан Мексики (5700 метров).

За городком Пуэбла движение было очень слабым, и я принялся «погонять» Роберто.

— Йес, сэр, я понимаю ваш интерес, и мы успеем, надеюсь.

Нет-нет да поглядывал я на спидометр, перегибаясь через колени Джексона. Стрелочка не поднималась выше ста километров.

— Роберто, а с Диего мы ехали сто пятьдесят, и он не боялся. И еще он говорил, что вы тоже хороший водитель...

Намек был понят, но реакция не соответствовала ожидаемой. Роберто расфыркался, произнес сердитую тираду по-испански и стал указывать пальцем вниз, на педаль акселератора. Потом он правой рукой потянул меня за ногу и поставил ее на свою, дескать, жмите! Я нажал и убедился в том, что «шевроле» просто не тянет, хотя педаль ушла до отказа.

— Неисправность?

— Нет, сэр, все в порядке, мы слишком высоко едем.

И тут я сообразил, что мотору просто не хватает кислорода на этом плато до трех тысяч метров высоты. Отсюда, с плато, и Орисаба в лучах закатного солнца не выглядел особенно грандиозным, хотя зрелище было эффектное. Мы остановились на несколько минут. Кругом расстилалась безжизненная бурая равнина с отдельными куртинами могучей юкки (более десяти метров высотой). Пастухи гнали зебувидный скот. Дул сильный холодный ветер, и летела пыль. А над всем этим серо-синий четкий конус вонзился прямо в небо. На вершине сверкали розовые снега, и их отблеск подкрашивал нижний край тучки, какие любят висеть над вулканами. Из-под снегов вниз сбегали тонкие синие штрихи оврагов и барранкосов². Их сложный рисунок был чем-то сродни очертаниям игольчатых юкк, агав и кактусов. Последние давали яркие мазки переднего плана, а все вместе проектировалось на фоне низких свинцовых туч, там, на востоке, не доходивших по пояс вулкану Орисаба. Гравюра да и только.

А потом начался спуск, и сразу «шевроле» скрылся в тумане, вернее, в тех самых свинцовых облаках, и пошел моросящий дождь. Пришлось включить фары, двигаться почти шагом да еще гудеть перед каждым поворотом. Еще медленнее выплывали из тумана и мороси встречные машины, и длилось это час, второй, пока не стало совсем темно.

Только со слов Роберто я мог представить, сколь красив окружающий рельеф глубоких каньонов и почти шестикилометровый пик (если смотреть оттуда, от моря, со стороны Вера-крус) и сколь сложен спуск с плато. Произошло все так же, как и на западе, когда мы с Диего спускались со Сьерра-Мад-ре, тоже в тумане и тоже почти не видели изумительных ландшафтов расчлененных гор.

Не проследил я и переходов от сухолюбивой и устойчивой против холодов растительности нагорья к влажным субтропическим джунглям. Просто мы остановились заправиться и перекусить в городке Орисаба, где шелестели рваные листья бананов и все так же моросило. Не только набор деревьев и цветов (некоторых я раньше вообще не видел), но даже форма и вид каждого листа говорили о том, что мы во влажных тропиках. Листья толстые, глянцевитые и мягкие. А цветы или ничем не пахнут, или издают какой-то съестной, пряный аромат. За время поездки сложилось впечатление, что на равнинах Веракрус, Табаско и Западного Юкатана дождь идет и до сих пор. Выдалось лишь несколько дней, когда на час-два прорывалось сквозь серую завесу солнце. И в эти моменты все вокруг сверкало и радовалось...

Хотя в Веракрус мы прибыли в сущности ночью, город еще жил, а в припортовой части даже бушевал. Вертелись цветные рекламы, были распахнуты двери кафе и ресторанов, и из них неслась музыка. Масса гуляющих, пьющих и поющих людей увлекла и нашу компанию. После ужина мы попытались тут же устроиться на ночлег. В отеле на главной площади спросили по семьдесят песо с каждого. Роберто остался невозмутим, но лица остальных приняли такое выражение, что он сразу предложил поехать за город, всего за семь километров, где имеется недорогой пансионат прямо среди пальм на берегу.

Пансионат оказался действительно хорош. Не помню, какому ведомству он принадлежал. В него пускали по путевкам из Мехико, но Роберто знали, кажется, везде. Стоило ему познакомиться с администратором (старый друг) и сказать не-

сколько слов, как уже через пять минут мы получили комнаты вдвое дешевле, чем в городе, и слуги подхватили наши чемоданы.

Не могу я в новом, таинственном и безумно интересном месте так вот сразу завалиться и храпеть. Тем более и луна появилась сквозь разрывы облаков, и звуковое оформление не оставляло желать лучшего. Под ветром листья кокосов издают жесткий ритмичный шелест, а аккомпанементом к нему является рокот прибоя. Так и получилось, что сначала по бетонным дорожкам, а дальше по сырому песку вышел я сквозь ограду на пляж. Далеко в море светились мигалки на коралловых островках. Налево темной громадой проглядывал лесистый мыс. Справа неподалеку прибой вскипал на каких-то плоских выступах, но до них было метров триста. Под ногами на заплеске попадались галька, ракушки и совершенно плоские известковые морские ежи³.

Тщетно я искал обломки кораллов, которых полно на Кубе. Горстку песка захватил в комнату, чтобы рассмотреть при свете. Хотелось, чтобы он оказался по-кубински чисто карбонатным, но нет, слишком много рек приносят здесь к морю продукты разрушения вулканических массивов с плато. Песок был темно-серым, минеральным, лишь с небольшой примесью обломков ракуши.

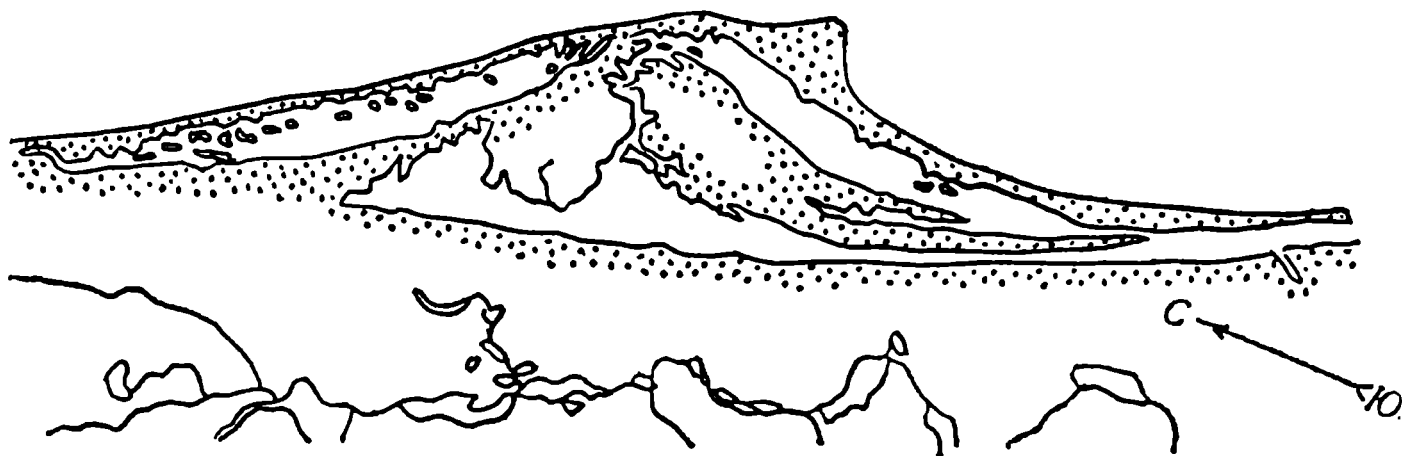
Жаль, что не придется здесь попутешествовать. Район Веракрус ключевой для понимания динамики обширной тысячекилометровой дуги западного берега Мексиканского залива. Еще в Соединенных Штатах, в Луизиане и в Техасе, начинается один из самых длинных в мире береговых баров (более 1500 километров). За ним лежит несколько громадных лагун, и последняя в их ряду — это лагуна Тамьяуа (280 километров севернее Веракруса), которую детально исследовал питомец Айала — Родольфо Крус.

Тамьяуа замкнута асимметричным выступом бара, круто срезанным с южной стороны. На продолжении дуги берега в

Лагуны Тамьяуа (вверху) и Кеннеди (картосхемы) —→

5 10 15 km

море лежит несколько коралловых банок. А исследованиями У. Мак-Интайра установлено, что подобная же банка погребена в толще песков оконечности выступа. Ширина бара вблизи апекса превышает шесть километров. По обоим его краям тянутся дюны, а в середине хорошо сохранились древние береговые валы. Серия валов короткой южной ветви срезает северные, продольные. Внутри лагуны, заполненной известковыми илами (карбонатность — до 36 процентов), вытянуты еще два острова параллельно северной ветви бара. В этом же направлении на дне тянется серия устричных банок, очевидно, насаженных на песчаный цоколь. Очертания бара вместе с островами, так же как и минеральный состав песков, говорят о том, что подача материала происходила с севера, от устья реки Пануко и дальше. Все это красноречиво, понятно, но при чем здесь кораллы?

Напрашиваются два различных варианта взаимосвязи песчаных и коралловых форм. Наиболее простой: коралловые банки древнее косы; волны о них разбивались и уже не могли транспортировать к югу вдоль берега то количество песка, которое сюда приходило с севера. Поэтому бар изогнулся, выдвигаясь в море и как бы стремясь прижаться к этим банкам. Таким образом, поток наносов на этом участке не терял емкости; однако силы остаточных северных волн хватило лишь на то, чтобы замкнуть лагуну Тамьяуа с юга.

Вариант второй, навеянный результатами кубинских работ: аккумуляция песка перед Тамьяуа происходила потому, что по конфигурации Мексиканского залива именно здесь, на плавном изгибе береговой линии, уменьшалась наносодвижущая сила волн северных румбов (то есть падала емкость потока наносов). Поток имел большую мощность в голоцене, когда повышался уровень моря. После стабилизации уровня поток ослабел и волны размывли оконечность косы. Вот на этом-то песчаном цоколе и поселились затем кораллы. На Кубе такие явления наблюдались.

При обоих вариантах где-то южнее Тамьяуа поток должен возобновиться в прежнем направлении, хотя и в ослабленном

виде. Удастся ли это проверить, хотя бы путем беглой рекогносцировки? Надеюсь, что да. Существование потока можно установить, обследовав берега по обе стороны от порта Вера-крус. Обо всем этом я размышлял уже в постели, после прогулки по пляжу.

Пришла в голову также мысль о полной аналогии Тамьяуа с мысом Кеннеди (бывший Канаверал) во Флориде. Он имеет почти такую же форму, но никаких коралловых рифов там не было и нет. Берег северной Флориды образует подобную же громадную пологую вогнутость. Каждый его участок имеет иную экспозицию относительно равнодействующей волнового режима, и где-то находится точка падения смкости потока наносов, идущего с севера. Около нее начинается аккумуляция, и достаточно возникновения небольшого песчаного выступа, чтобы наносы начали задерживаться здесь большими массами, вызывая рост косы, направленной в море.

Да, второй вариант решительно во всех отношениях более вероятен. Обследовать мыс Кеннеди лично мне вряд ли удастся. Но уж собрать и изучить все материалы ученых США ничто не помешает!

Встал я пораньше и до завтрака, пока коллеги еще спали, решил сбегать осмотреть каменные выступы южнее пансионата. Так и есть — древний коралловый риф. Его фактура и формы выветривания напоминали формацию себоруко⁴ на Кубе. Там эти чуть поднятые над современным уровнем моря коралловые рифы распространены на громадных протяжениях. В основном они были образованы еще в межледниковое (сангамонское) время, но подобные же структуры формируются и посейчас. На этом Мексиканском берегу современных береговых рифов нет вовсе, но надеюсь встретить их у Юкатана.

Вернувшись в комнату, я увидел, что техник и его вещи исчезли. Пошел к Роберто с Джексоном, однако их комната вообще оказалась запертой. Решил посмотреть машину, но и ее не было на стоянке, а служитель объяснил, что молодые люди куда-то уехали со всеми вещами. Подождав минут десять, я оставил консьержу записку о том, что жду их на бе-

регу, и ушел. Даже если произошло что-либо неожиданное, они должны были меня предупредить...

Еще минут через сорок Роберто, даже не спустившись к пляжу, окликнул меня с балкона:

— Хэллоу, сэр, пора двигаться!

Оказалось, что, не увидев меня на месте утром, они уехали в Веракрус пить кофе. Я остолбенел от удивления и решил несколько минут просто помолчать. Уже сидя в кузове, в самой вежливой, но не допускающей возражения форме разъяснил, что дорожу каждым часом нашей поездки и Роберто обязан никуда не отлучаться без моего согласия. Тот надулся и, выдержав длинную паузу, проворчал:

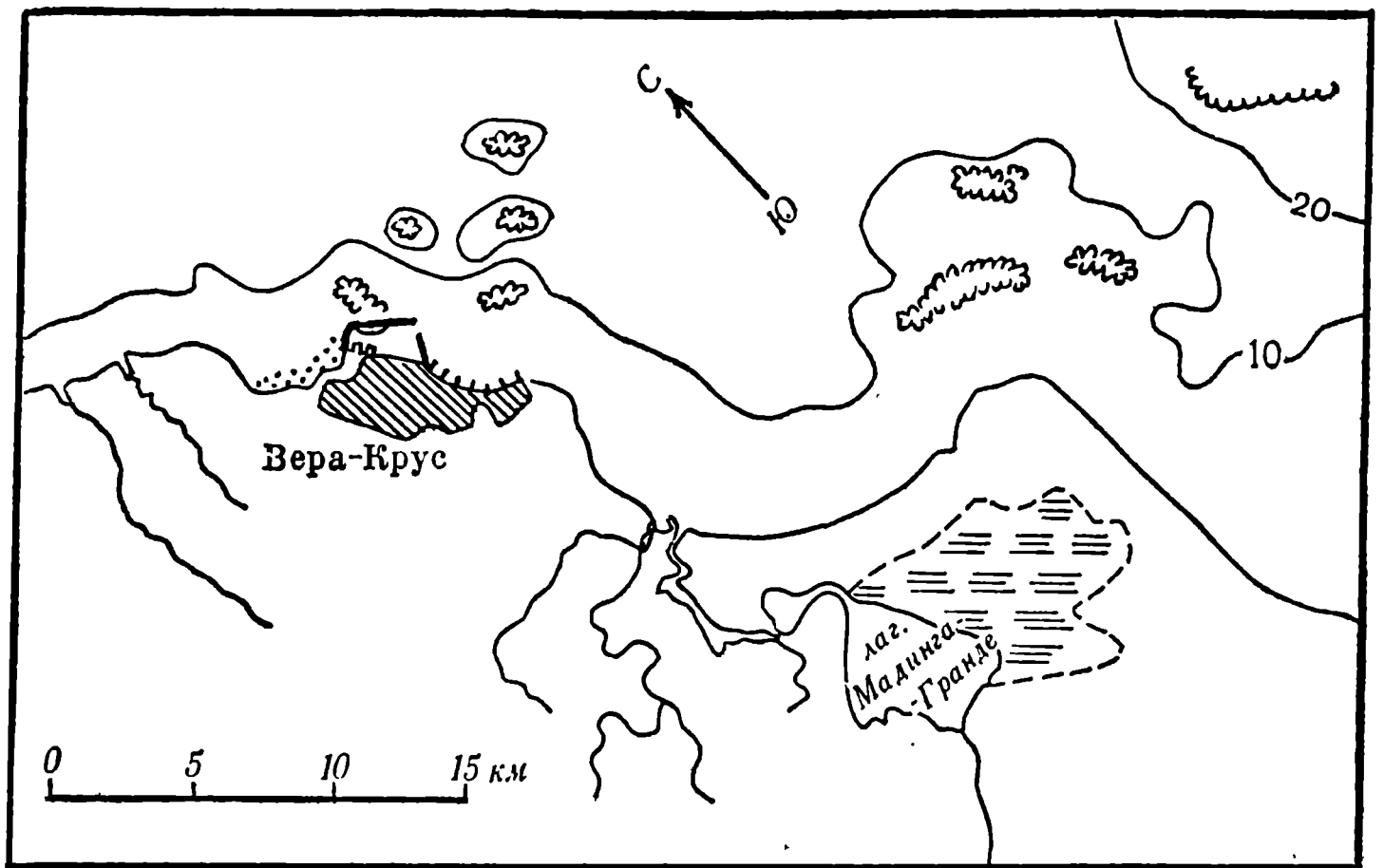
— Хорошо, сэр, я буду ставить вас в известность, когда мне понадобится отлучиться по каким-нибудь своим делам.

— Согласен, но не забудьте, что кофе утром мне нужен так же, как и вам. Вы должны были посмотреть на берегу или подождать десять минут. Я не гуляю, а провожу наблюдения, которыми готов с вами поделиться...

У Веракрус я попросил ехать медленнее и несколько раз останавливал машину, чтобы взглянуть на берег. Результат оказался очень интересным. Уже на подступах к городу на берегу появились ряжевые буны с камнем, различной длины и направления. Очевидно, мексиканские инженеры долго здесь экспериментировали в попытках остановить «подветренный»⁵ размыв к югу от порта.

А размыв здесь явно очень сильный. В нескольких местах повреждена стена набережной, и в углах прикорневых частей бун пришлось делать большие отсыпки рваного камня. Дефицит наносов налицо, а явления эти, как подтвердил Роберто, совершенно свежие — последних десятилетий.

Теперь скорее вырвать хоть десяток минут, чтобы попасть на северную сторону порта. Однако машина встала сначала у красного здания школы морского рыболовства. Я не пожалел, что зашел. На стенах висели отличные панно, изображающие морское дно с его экзотичными обитателями, моменты лова рыбы и креветок. На стендах экспонировались модели

Картосхема берега у Веракрус.
Показаны изобаты (в м) и коралловые рифы

различных судов, а под стеклом — великолепные коллекции наиболее эффектных морских животных и рыб. Шум студенческой толпы мешал прислушиваться к разговору, но я все же понял, что Джексон с техником вызваны ремонтировать электронные приборы на поисковых судах и на радиомаяках. Здесь мы с ними и распрощались.

А потом Роберто повел машину к северу от порта, и там я убедился в том, что догадка была верна. Большое накопление песков перед молом и выдвигающийся берег свидетельствовали о потоке наносов, идущем от лагуны Тамьяуа. Моли порта Веракрус перегородили этот поток. Часть песка отложилась перед ними, а южнее порта волны с прежней интенсивностью продолжали уносить к югу песок широких пляжей и обнажать берег. Эта картина знакома по множеству примеров; в том числе и по нашим портам на Балтике (Лиепая, Вентспилс), Черном море (Сочи, Очамчире) и другим.

За Веракрусом берег выступает далеко в море, обрисовывая плавный треугольник с вогнутыми сторонами. Шессе шло по его основанию больше пятнадцати километров. С одной высокой точки было видно, что внутри треугольника заключено большое лагунное озеро и весь он, таким образом, является «двойной переймой»⁶. Что может находиться на оконечности треугольника? Скалы? Нет, Роберто якобы там был и сказал, что ничего подобного нет. Тогда, наверное, где-то под водой лежит самый южный из этого семейства коралловых рифов? Блокируя берег, он также может тормозить миграции наносов, которые к нему как бы подтягиваются.

Много позже на гидрографической карте я увидел против этого полуострова целую группу коралловых банок и понял, что второе предположение было правильным.

На восточной стороне треугольника состав пляжевого материала резко изменился. Вместо аркозовых песков⁷ с коралловой крошкой начались пески почти черные, богатые тяжелыми минералами и с большой примесью отшлифованных обломков ракуши. Каково бы ни было происхождение полуострова, ясно, что он является точкой раздела двух различных седиментологических провинций и северный поток наносов кончается именно здесь. Мы сделали остановку, прошли колючим лугом к воде, но ничего существенного не смогли подметить, а дождь заставил поскорее удрать.

По-видимому, мы оба с Роберто старались смягчить впечатление от утреннего инцидента и поэтому начали миролюбиво беседовать. Я рассказывал о своих гипотезах относительно берегов Тамьяуа, Веракруса и треугольника, который только что остался позади, но для него мое повествование было книгой «за семью печатями». Ни в Мехико, ни в Техасе об эволюции берегов он ничего не читал и никто ему не рассказывал. Роберто вежливо поддакивал, не проявляя особого интереса.

— Хорошо, вы просили на месте рекомендовать вам точки для бурения. Для чего оно? Насколько я понял, установить литологию и генезис голоценовых отложений. Но ведь весь ваш

остров Кармен — современная береговая аккумулятивная форма. Можно ли дать правильную интерпретацию бурового материала, не зная основных процессов развития береговой зоны? Вы об этом думаете?

В ответ те же жалобы и рассуждения, как у Диего:

— Сэр, здесь некому руководить подобными исследованиями, а что я могу сделать один?

— Очень много, Роберто! В университете чудесная библиотека. Вы должны изучать литературу, а по частным вопросам можете консультироваться письменно с Прайсом, Флеггером, Кёррзеем и со мной теперь, наконец. Интерес-то есть у вас к своей работе? Как вы на нее получили деньги? Какие у вас дальнейшие планы?

Планы, увы, не шли дальше сбора стандартного материала для диссертации на доктора философии. Больше того, Роберто поведал, что работу в институте он рассматривает лишь как короткий этап для своей дальнейшей карьеры. На три тысячи песо в месяц идалго⁸ жить больше не желает.

Роберто не согласен даже работать в промышленности на шесть тысяч песо, а институт вообще не разрешает прирабатывать на стороне.

— Разве это жизнь, сэр?

— А чего вы хотите?

Оказалось, Роберто с Джексоном мечтают организовать фирму по производству океанографических приборов и обеспечить ими все латиноамериканские страны. Начало уже положено. У них есть несколько заказов, которые выполняются субподрядчиками частично здесь, а частично в Штатах. Для становления фирмы не хватает всего что-то около десяти тысяч долларов.

— Вот тогда, сэр, у нас будет собственная контора!

Я был ошеломлен, поняв свою более чем скромную роль в этой поездке. От меня требуется квалифицированная помощь на острове Кармен, а остальное для Роберто гяжкий долг, который он обязан выполнять. Ну, подумалось, погоди же, я тебя еще заставляю уважать науку!

— Роберто, а кто ваши родители и родители Мануэлы?

Сынок снисходительно характеризовал деятельность своего папы. Тот владеет цветочным хозяйством недалеко от Мехико и продает цветы нескольким фирмам. Рабочих у него не более двадцати человек, и платит он каждому около ста пятидесяти песо в месяц.

Я прикинул, что это составляет меньше однодневного заработка Роберто, даже в его современном «нищенском» положении.

— Да, но они все кампесинос *. У каждого есть участок, где они выращивают маис и овощи. Другие хозяева платят гораздо меньше — сто, а то и восемьдесят песо в месяц, и папины рабочие все очень довольны.

Что касается Мануэлы, то у ее родителей небольшой мыловаренный завод. Они помогают молодой чете, но приобрести, скажем, «кадиллак» Роберто с Мануэлой еще не по силам.

Несколько минут мы ехали молча. Я вспоминал поездку в Акапулько. Тогда Роберто производил прекрасное впечатление своим интересом к делу и оперативным выполнением всех обязанностей технического руководителя экскурсии. Не скрою, он много выигрывал по сравнению с вялым Диего, и я еще удивлялся, почему Айала поручил ответственную работу в Калифорнийском заливе не ему, а Диего. Неужели за один год Техас превратил славного малого в эгоиста и стяжателя? Фу, какие неприятные мысли! Лучше сосредоточиться на окружающих ландшафтах!

Чем дальше на восток, тем выше становились дюны и круче их тыльный, заросший травой откос, вдоль которого шло шоссе. Дюны здесь были «мертвые». Аккумуляция песков почему-то прекратилась.

Справа началась обширная лагуна Альварадо весьма сложного строения. Она принимает в себя воды крупной реки Папалоакан, истоки которой лежат на водоразделе близко к Тихому океану. Замечательная особенность Альварадо — в ней

* Крестьяне (исп.).

прямо из кабины легко заметить серию гряд, параллельных краю морских дюн. Местами гряды размыты, местами прорваны протоками реки, но параллельность их выдерживается и есть даже загнутые концы, как у настоящих кос. Неужели это древние морские бары или пересыпи еще того периода, когда не существовало этой мощной полосы современных дюн? Кстати, дюны здесь стали параболическими. С высокой точки видно, что каждая начинается двумя поперечными грядами у моря и они соединяются дугообразной перемычкой на тыльном конце. Слившиеся перемычки и образуют крутой откос до тридцати пяти метров высотой.

Известно, что когда берега быстро нарастают, да еще во влажном климате, то дюны возникнуть не успевают. Пески закрепляются растительностью. Зато если уменьшается подача наносов к берегу, то замедляется формирование новых пляжей и ветер может сдувать с оголенной зоны пляжа часть песка, давая начало параллельным дюнным грядам. Они движутся, соединяются по нескольку и формируют огромные песчаные массивы. Совсем прекращается выдвижение берега — дюны лишаются питания. Некоторое время они еще движутся, но постепенно зарастают травой и отмирают. Параболы, а потом параллельные ветру гряды — это конечный этап развития дюнного комплекса. Берег перестал давать питание эоловым формам. Не было ли здесь, у Альварадо, такой же последовательности событий? Отвечать на этот вопрос еще рано. Нужно посмотреть, что делается дальше!

Вскоре мы пересекли по мосту крупную протоку из лагуны в море. На небольшом низменном участке здесь раскинулся целый рыбацкий город и в лагуне стояло множество мелких судов. Еще тридцать километров машина шла вдоль тыльного склона дюн, а потом, за городком Лердо, шоссе отошло от моря и потянулось среди болот и возделанных полей. Дождь скрывал дальний горизонт, и мы незаметно подъехали к подножию гор Тустла — восточной оконечности вулканического разлома Мексики. И уже третий раз в Мексике, когда на шоссе начинаются серпантины и с обеих сторон открыва-

ются неповторимые виды, то оседают туманы или льет дождь, как сейчас. Ничего я поэтому не видел, кроме обнажений базальта и вулканических туфов в выемках дороги да ярко-красных латеритовых почв. Промелькнули два старинных городка с испанскими соборами и домами колониальной постройки (Сантьяго-Тустла и Сан-Андрес-Тустла), а потом мы встали на заправку у красивейшего горного озера Катемако. Здесь небо немного расчистилось, и стали видны лес, скалы, живописные островки и целая серия современных зданий курорта. У причала стояли яхта и моторные катера. И опять, как у Акапулько, ландшафт напоминал внутреннее море Японии с его островками, соснами и причудливыми постройками. Моросящий дождь еще подчеркивал это сходство.

Холмистая равнина Акаюкан, дальше по пути, вообще не запомнилась, только строчки в записной книжке о нефтяных вышках, газовых факелах⁹, больших нефтеперерабатывающих заводах и установках по выплавке самородной серы. А потом мы въехали на дамбу через огромное болото, и оно тянулось целых двадцать пять километров. Здесь чередовались пространства открытой воды с голубыми цветущими покровами болотного гиацинта, а также травянистые пространства, где поражали густые заросли дикого банана. И тут и там табунами бродили белоснежные цапли. Когда дождь стихал, то слева горизонт снова замыкала высокая дюнная гряда и там за ней угадывалось море. Болото оказалось частью широкой низменности реки Коацакоалькос, и после него мы въехали в большой город и порт того же названия. Это самая южная точка берегов Мексиканского залива, центр его южной дуги.

Главная достопримечательность Коацакоалькоса — развеваемые дюны. На дюнах выстроена почти вся западная жилая часть города, и там можно видеть различные стадии разрушения построек. Дома гибнут от двух болезней. У тех, что поставлены на вершине дюны или с наветренного склона, сначала обнажается фундамент. Если дом невысок, его подпирают бревнами и подводят под низ каменные глыбы, засыпая их песком. Некоторые новые коттеджи уже были выстроены на

бетонных сваях, и с ними дело пока обстоит благополучно, хотя не знаю, надолго ли.

Дома в низинах между дюнами постепенно засыпаются песком сверху. Здесь средство борьбы — надстройка. Роберто с гордостью показал мне дом, где надстройка была повторена. Он стал трехэтажным. Однако его основные помещения оказались глубоко под землей и начали принимать грунтовые воды. Дальновидные и состоятельные хозяева переносят свои постройки на новые места, но сейчас это стало трудно. Город неудержимо растет и богатеет, получая большие доходы от нефтепромыслов, но распространиться ему некуда. За дюнами вскоре начинается то самое болото, что мы сейчас проехали, а спереди — море. На другой стороне реки тоже болото.

Выход из трудного положения был найден. Дюны стали засаживать стойкими видами кустарников, которые закрепляют песок. Но важность этих мероприятий, кажется, еще не дошла до сознания каждого местного жителя. Посадки немилосердно вытаптываются, тут же бродят козы, а ребятишки ломают зеленые ветки. Местами громадные площади песка так же голы, как и три года назад, до начала посадок.

Ближе к устью реки дюны сходят на нет, и эта часть города вполне благоустроена. Она выглядит солидно, со множеством деловых контор, жилых многоэтажных домов и приятных магазинов. Здесь мы и сели за ленч в ресторане-поплавке на сваях. Я растолковал Роберто, чтобы он заказал мне вареные креветки, уговорив персонал не засыпать их перцем и обойтись без кислого соуса. Тот закивал головой и что-то долго объяснял миловидной кельнерше.

Река здесь шириной с Неву. К стенке противоположного берега шеренгой прилепились транспорты и танкеры, на глаз до десяти тысяч тонн грузоподъемностью. Такие же суда стояли на якоре, дожидаясь очереди. От устья реки в море вытянулись два длинных мола.

Дождь кончился, и, пока мы потягивали кока-колу, настроение было прекрасным, но вот принесли заказанный ленч,

и я понял, что останусь голодным. Великолепные «камаронес» были поданы в жареном виде и почти не видны под покровом острых приправ. Похлебав супу, я отодвинул от себя деликатесное блюдо и встал.

— Роберто, вы ешьте, а я схожу посмотрю молы и вернусь через пятнадцать минут.

Молы Коацакоалькос (более 500 метров длиной) образованы навалом каменных глыб величиной в рост человека. Для песчаного грунта это редкий тип сооружения, и мне очень хотелось узнать, заложена ли под ними так называемая «постель» из мелкого камня во избежание просадки. В нашей практике «постель» укладывается в специально подготовленные траншеи с помощью водолазов, и стоит это очень дорого. Спросить, к сожалению, было некого. Роберто сказал, что молы выстроили за один год; думается, здесь обошлись без водолазов.

Через реку мы проехали по большому разводному мосту. На шоссе была обычная застава, где взимают плату за проезд, а буквально через километр, пересекая железную дорогу, Роберто спохватился, что в баке осталось меньше двадцати литров горючего:

— Придется ехать обратно в город на заправку и платить здесь еще раз.

— Роберто, на всех шоссе заправочные бывают с обеих сторон вблизи застав. Наверно, и здесь так, стоит проехать еще два-три километра. Глупо возвращаться обратно и терять время!

— Нет, сэр, я поступаю так, как считаю лучше.

И мы вернулись в город, заправились, еще раз переехали за контрольный пункт, сделали один поворот, другой... и перед нами засверкала рекламными щитами новенькая заправочная станция.

Молчал Роберто, молчал поначалу и я, но черт все же дернул меня произнести сакраментальную фразу:

— Было бы проще узнать об этом на контрольном пункте.

После этого мы молчали целых 250 километров и ни разу не остановились до города Вилья-Эрмоса.

Леса и джунгли штата Табаско по-своему знамениты. Они легко доступны благодаря отличному новому шоссе. Поблизости от него расположено несколько памятников культуры майя. За последние десятилетия здесь были разведаны нефтяные месторождения, и многие из них эксплуатируются. Учитывая интересы новых поселенцев и туристов, даже в небольших деревушках построены отели, магазины и рестораны. Этот натиск «культуры» произошел настолько быстро, что джунгли не успели отступить.

Сразу за последними домами поселков или за фабричными оградами начинается девственный лес, где можно охотиться на фазанов, оленей, диких кабанов, а с некоторым риском и на ягуаров. Не зная дороги и местных условий, в этих же джунглях можно погибнуть от укуса змеи или увязнув в топях, или от других экзотов, которыми так богат влажный тропический лес. В этих лесах бродят и уголовники. Скрываясь от закона, они промышляют «чикле» (сок дерева саподилья, из которого изготавливают лучшую жевательную резинку), но при удобном случае могут и ограбить неопытного путешественника. Об этом я узнал после, а сейчас ощутимым признаком влажных джунглей стали москиты, неведь как на полном ходу проникавшие в кабину.

И все три часа, что мы мчались или по ровной местности, или пересекая небольшие холмы, невозможно было оторвать глаз от окружающего дикого ландшафта. То, что начиналось прямо от обочины, разглядеть трудно. Кусты, цветы, деревья сливаются в сплошную зеленую полосу. К счастью, мы пересекали несколько рек, где с мостов открывались широкие дали, замедляли ход у поселков, да еще были холмы и повороты, когда на джунгли смотришь немного сверху при скорости меньше ста километров в час. В такие моменты удается разглядеть некоторые детали.

Наиболее впечатляющи крупные высокие деревья с досковидными корнями. Такие «доски» звездой отходят вниз от ствола и имеют высоту иногда в человеческий рост. Для того чтобы обойти дерево кругом, нужно преодолеть до восьми змее-

видных изогнутых барьеров. У этих гигантов не удастся разглядеть листву, ибо ветвиться они начинают лишь на высоте 15—20 метров. Зато другое удивительное дерево сразу разбрасывает мощные ветви с листьями, как у баньяна или фикуса, и с этих ветвей свисают целыми пучками темно-коричневые корни. Корнями же опутан и главный ствол. Много в лесу деревьев, напоминающих нашу ольху, но с плотными, кожистыми листьями. Между крупными стволами пространство заполнено низкими колючими деревьями с сочной листвой, как у мангров, и всю эту гущу стягивают разнообразные лианы. Снизу они голые, точно толстые сизальские тросы, но выше от них отходят ветки с листьями, и разрастаются они так густо, что, подняв голову, видишь над собой плотный зеленый навес. На стволах и даже на лианах всюду торчат большие пучки длинного мха, с которого капает вода.

Когда на другой день я попытался прогуляться по сумеречному лесу, то оказалось, что под «газоном» из мелколиственного папоротника всюду чавкает. Пришлось остановиться через несколько шагов, ибо ноги сразу провалились в черный вонючий ил. Перед тем как выбраться из чащи, я поднял голову. Внимание привлекло необычное пощелкивание. Там, вверху, вспархивали и перепрыгивали с ветки на ветку два зеленых попугайчика величиной с галку. Крикнул я Роберто, но тот не высказал ни удивления, ни желания ко мне примкнуть.

— Обычная вещь,— ответил он из кабины.— Вот если вы увидите белого медвежонка или полярную сову, то я выйду тоже.

Долго любоваться попугаями было невозможно, ибо москиты в лесу свирепствуют даже в это время года. Не приходится завидовать мексиканским ботаникам. Изучение морских берегов происходит в куда более комфортабельной обстановке.

Вилья-Эрмоса оказался живым шумным городом без окраин и почти без старых строений испанского стиля. По количеству неоновых реклам его центр соперничал с Мехико. Мы приехали уже в сумерках, и Роберто, обретший наконец дар

речи, разрешил лишь утолить жажду и немножко перекусить в кафе на магистрали. Из кафе я вышел минут на пять раньше него и почти рядом на перекрестке улиц в сквере увидел гигантскую голову из базальта. Мастерство скульптора поражало. Это было совершенно живое лицо с пухлыми губами, с широкими крыльями носа, нависшими бровями. Лицо уверенного в себе и мужественного человека негроидного типа. На голове он носил нечто вроде шлема и напоминал военного. Камень был исцерблен временем, но хорошо, что его не отшлифовали.

Я бросился обратно в кафе, вытащил сюда Роберто и спросил, что он знает об этой голове. Подлинная она или копия? С видом знатока Роберто подошел и смерил ее высоту. Голова пришлась ему по шею, то есть больше полутора метров.

— Подобная вещь весит около четырех тонн. Думаю, что ее привезли из раскопок. Подобные есть в Мехико в музее. Таких больших голов нашли больше десяти, по-моему, в местечке Сан-Лоренсо, где-то возле Оахака.

Уже потом я узнал, что об этих поразительных произведениях искусства почти ничего не известно: ни кто их создавал, ни кого они изображают. Это одна из прекрасных тайн древних цивилизаций Центральной Америки.

Вилья-Эрмоса стоит на берегу реки Грихальва. Так звали испанца, который первым высадился на Юкатане еще в 1518 году. Для береговиков эти места исключительно интересны. Именно здесь расположена самая широкая (до тридцати километров) из известных в мире аккумулятивных террас с береговыми валами. Но не ночевать же нам в Вилья-Эрмосе, чтобы утром ее увидеть? Пришлось мчаться в темноте последние семьдесят пять километров до городка Фронтера, где мы встали у отеля совершенно изможденные.

Недалеко перед этим городком Грихальва слилась с еще более крупной рекой Усумасинта, которая берет начало на территории Гватемалы. На переправе следующим утром перед нами открылась широчайшая водная гладь, а когда паром до-

плыл до середины, то слева стала видна линия горизонта над Мексиканским заливом.

С утра бывает лучшее рабочее настроение. Роберто перестал играть в молчанку, и мы вместе уходили вправо и влево от шоссе, чтобы найти и рассмотреть береговые валы поближе.

По левую сторону от нас тянулись кокосовые плантации, направо — лес, такой же, как вчера. Но никаких валов различить не удалось. Повторялась та же история, что и в штате Наярит, где работал Кёррэй. Только у парома через следующую реку, Сан-Педро, в береговом обрыве удалось убедиться в том, что они реально существуют. Река размывает свой западный берег. В обрыве не более полутора метров высотой обнажались темные пески с обломками морских (!) ракушек, а поверхность слоя песков оказалась волнистой. Она понижалась через каждые двадцать — сорок метров примерно на полметра, а потом поднималась снова. Сверху слой торфянистой почвы совершенно скрывал эти понижения и повышения. Опять перед нами таинство аэрофотоснимков!

За Сан-Педро шоссе шло на протяжении многих километров почти вдоль берега моря. Он подвержен здесь размыву и в некоторых местах укреплен бунами. Мы выходили несколько раз и видели множество пней прямо на пляже и даже торчащими из воды. Местами нацело была срезана кайма мангров и в воду обваливались могучие деревья настоящей лесной опушки.

На одной из остановок мы разделились. В лес вела узенькая тропинка. Я сначала прошел по ней и наткнулся на пару примитивных хижин, крытых пальмовым листом. Распугав кур и свиней и никого не встретив, я побсжал обратно к берегу, где уже восседал на одном из пней невозмутимый Роберто, дымя сигаретой.

Был почти полный штиль, но катилась зыбь и буруны вырастали больше метра высотой. В долбленке около шести метров длиной двое рыбаков в лохмотьях что есть силы отталкивались шестами, чтобы лодку не развернуло лагом. Про-

стейший («шпринтовый») парус болтался на кривой мачте. Двое других парней, совершенно голых, толкали лодку руками. По пляжу с лаем носилась собака.

Видимо, на дне находился песчаный вал, и именно там запрокидывался бурун. У берега на спокойном месте парням оказывалось по грудь, и помощи от них было мало. Но как только лодка входила в буруны, ее шибало назад. Здесь парням вода доходила всего по ягодицы, но удержать долбленку они не могли. Одного опрокинуло, и, пока он вставал, мачта чуть не легла на воду. Новая попытка — и опять неудача.

— Поможем? — спросил я Роберто и начал разуваться.

— Вы с ума сошли, сэр? (По-английски этот вопрос передается в очень мягкой, дружеской форме: «Are you crazy?») Потеряем полчаса, а, кроме того, ведь они будут ходить в море каждый день и после нашего отъезда...

Неудача с поиском древних береговых валов-невидимок мучила нас обоих. По пути пришлось пересекать еще одну реку по довольно высокому арочному мосту. Спустившись на противоположную сторону, Роберто остановил машину и пригласил меня с собой обратно. С моста он стал мне показывать на верхушки невысокого здесь леса, и я сразу понял, в чем дело. Поверхность древостоя была волнистой примерно так же, как слой песков на Сан-Педро.

Уже не жалея времени, мы прошлись по обоим берегам. Оказалось, что в лесу чередуются полосы разных деревьев и почва была под ними то менее, то более сырой. Так вот в чем дело! Это своего рода галерейные леса, косвенно отражающие чередование незаметных валов и ложбин.

Аэросъемка происходит в ранние утренние часы, когда длинные тени и неодинаково освещенные плоскости разной экспозиции подчеркивают малейшие неровности. Действительно, при этих условиях лес на снимке может получить полосчатую фактуру, и это является объективным указанием на существование береговых валов. Их ориентировку и число можно легко измерить.

А немного дальше нам повезло. Когда осталось всего два десятка километров до переправы через протоку лагуны Терминос, я заметил вполне просекаемое ответвление грунтовой дороги влево, в рощу кокосовых пальм. Мы тихо пробирались по ней и сразу заметили, что пальмы растут рядами параллельно шоссе и удаленному морскому берегу. Здесь были различимы даже удлиненные повышения почвы не более двадцати — тридцати сантиметров высотой. На этих грядах трава была низкая и относительно сухая. В понижениях росли жирная осока и какие-то цветы вроде присов. Пальмы располагались только на возвышенностях. Некого было спросить, посадили их так или они сами выросли.

Дорога шла по супесям поперек валов. «Шевроле» легко преодолевал гряды, но «садился» и буксовал в понижениях, где было топко и стояли лужи. После того как мы чуть было окончательно не засели, Роберто стал искать, где развернуться. Наступил довольно драматический момент, а к тому же опять начался моросящий дождь. Пришлось нам обрывать полусгнившие листья «коко» и устилать ими дорогу. Едва не задела ствол пальмы, но все же выбрались и вздохнули с двойным облегчением: как-никак выяснили, что это за валы, да еще сами остались целы!

Как формирует море береговые валы? Дискуссия по этому поводу идет очень давно. Однако большинство авторов не располагало на этот счет длительными природными наблюдениями. Каждый давал общую схему, якобы применимую к любым условиям. На самом же деле валы имеют различную структуру. Зависит она от крупности материала, от объема его поступления на пляж в единицу времени и от климата.

Откуда песок взялся, установить легко по его составу. Иногда он образуется в самом море, но чаще приносится на данное место вдоль берега от устьев рек или от участков размыва коренных пород. Известно также, что стабильный вал возникает не за каждый шторм и не каждый год. В штате Нааярит было подсчитано, что эти промежутки варьируют от двенадцати до шестнадцати лет. А вот как самый процесс про-

исходит, никто не наблюдал. Правда, на отмелем взморье легко видеть, что штормовые волны сначала смывают песок с пляжа, а под конец выбрасывают его обратно, формируя временный вал там, где кончается накат. При этом не всегда соблюдается равенство объемов смытого и намытого материала. После одного шторма возникает дефицит наносов и пляж суживается, после другого — пляж или расширится, или волны оставят массы песка на его тыльной стороне.

Отчасти история вала записана в его внутренней структуре. Песок не бывает вполне однородным и отлагается на пляже слоями частиц разной крупности, цвета и удельного веса. Слои образуют серии, наклоненные то в одну сторону, то в другую. Многие пытались расшифровать эту структуру. Из работ последнего времени заслуживает внимания исследование В. Ульста¹⁰ в Рижском заливе. Климат в Латвии не особенно сухой. Однако в ясные дни ветер несет песок с пляжа к штормовым валам и стремится превратить их в дюны. Полоса древних валов в Рижском заливе имеет до трех километров ширины, и на них растет сосновый лес. Прокапывая канавы через валы, В. Ульсту удалось установить, что все они имеют покров песка, нанесенного ветром, и такой же песок с характерной «эоловой» слоистостью может залегать пластами внутри вала, обнаруживая его комплексную природу. То волна работала, то ветер. В чистом же виде участие обоих факторов оценить невозможно.

В этом смысле повезло Норберту Псути, который работал в Табаско, где всегда влажно (более 1500 миллиметров осадков в год) и ветер почти не участвует в создании валов. Они зарастают травой буквально за один-два месяца, а пляж здесь всегда мокрый. В этой части Мексиканского залива зимой бывают сильные северные ветры «нортес», которые вместе с приливом повышают уровень воды до полутора метров. Волны нагромождают высокий вал. Летом перед ним образуется широкий плоский пляж из вновь нанесенного материала. Следующую зиму к старому валу море прибавляет еще одну солидную порцию песка, и так несколько раз. В результате

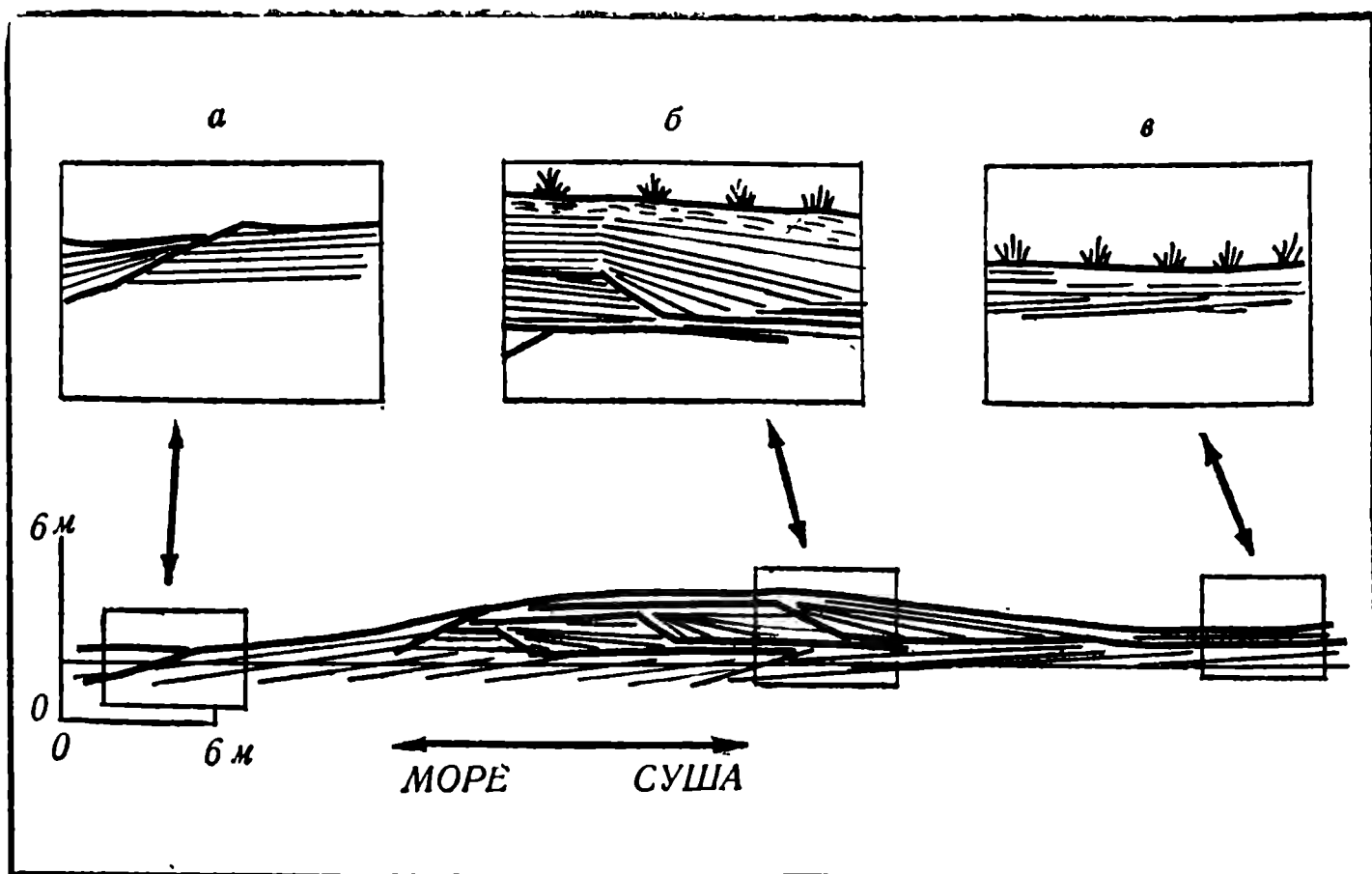
образуется достаточно широкое песчаное сооружение и наступает момент, когда «нортес» уже не могут пригнать к нему волны. Они теряют свою силу где-то на широком пляже и оставляют там свою ношу. Формируется эмбрион следующего вала, а старый консервируется уже навечно.

Вся эта история прочитана по характеру слоистости. Кроме того, Н. Псути провел на месте три зимних сезона (1962—1964 годы) и самолично проследил, как это происходит. Схема теперь ясна, но время образования вала и его форма, конечно, будут различными в зависимости от местных условий, перечисленных выше.

Лагуна Терминос отгорожена от моря барьерным островком Кармен длиной около тридцати километров. На острове расположен курортный городок среди сплошных пальмовых плантаций. Оба пролива имеют по несколько километров ширины, и паром ходит редко. Мы попали к переправе в неудачный момент и увидели только его удаляющуюся корму. Роберто чертыхнулся, а я в душе был доволен: открывалась еще одна возможность походить по берегу больше часа. Хорошо, что я взял с собой плащ, хотя Роберто и посмеивался надо мной: в Мехико сейчас «сухой» сезон!

В лавчонке на переправе уже продавались манго нового урожая. Удивительно для марта месяца! Поев, я оставил Роберто пить пиво, а сам, не обращая внимания на дождь, пошел в сторону моря узким пляжем, изобиловавшим редкими видами ракушек. Однако через километр на закруглении мыса пляж кончился. Вместо него появились сплошные выходы плотно сцементированного песчаника. В нем были заключены те же ракушки, что и на пляже. Пласты имели наклон градусов десять в сторону суши, и на изломах было видно, что порода слоиста. Для таких образований существует специальный термин «бич-рокс» (beach-rocks) — пляжевый камень.

Немного дальше падение слоев изменилось. Некоторое время они шли горизонтально, а потом приобрели падение уже в сторону суши. Вглядываясь в детали их строения, я понял

Профиль пляжевых валов (по Псути):
а — зона заплеска; б — слои последовательных штормов;
в — тыловая часть

что передо мной ископаемый береговой вал из той же описанной Псути серии. Пески цементируются, если со стороны суши сквозь толщу пляжевых отложений просачиваются карбонатные воды¹¹. Понятно, почему именно здесь, вблизи лагуны Терминос, создались условия, благоприятствующие формированию бич-рокс. Но из этого следует, что когда-то теперешнего пролива не существовало и либо барьер был сплошным, либо протока располагалась где-то в другом месте и была много уже, чем сейчас. Иначе не могло бы происходить повышение уровня воды в лагуне, при котором начиналась фильтрация.

Второй вывод. Сейчас пляжа здесь нет. Поскольку цементация происходит далеко от уреза (в толще бывшей пересыпи), значит, берег здесь сильно отступил за последнее время. Песок оставался тем же мелким, темным, минеральным. Это был явный аллювий Усумасинты, Грихальвы и всей компании мелких речек, дренирующих огромные болота. Раньше пе-

сок здесь аккумуляровался, а сейчас этот процесс прекращен. Значит, произошло какое-то изменение физико-географических условий. По ходу маршрута предстояло выяснить природу изменений, а если сам не поймешь, то поставить эту задачу перед Роберто с товарищами.

Роберто пожалел, что не мог со мной пойти, тем более что и на восточном конце острова Кармен он, оказывается, видел бич-рокс, но уже карбонатного состава. Вообще он знаток геологии этих мест, так как делал по лагуне Терминнос свою дипломную работу (она опубликована). Сейчас, готовясь на степень доктора философии, он уже собрал хороший материал по глубинам и составу отложений взморья. Так в спокойной беседе мы и взошли на палубу парома, начав тем самым вторую часть своего путешествия.

Вот и пройдено почти пятьсот километров лагунного берега. Лишь в одном месте он разорван коренными выступами вулканического массива Тустла. Стоя на палубе, я старался представить себе все различия виденных участков, сравнить их меж собой и с берегами Калифорнийского залива. Там, в Соноре и Синалоа, — близость гор, чапарраль с кактусами, обилие крупного песка и множество участков свежих дюн. Здесь — сплошные болота или влажные леса. Песок на берегу, как правило, очень тонкий. Разливаясь по низменности, реки текут медленно и оставляют весь крупный аллювий еще в предгорьях. Дюн в восточном районе или нет, или они заросли и уже не движутся. Коацакоалькос — исключение, ибо там растительность вытоптана.

Реки ведут себя по-разному. Папалопан до моря не доходит, и весь ее твердый сток остается в лагуне Альварадо. Коацакоалькос, протекая через громадные болота, тоже вряд ли выносит к берегу песчаный аллювий. Зато мощные Мескалапа, Грихальва, Усумасинта дали и дают материал для создания самой широкой в мире аллювиально-морской террасы.

Псути не делал больших нивелировок, но все же на его коротких профилях видно, что, чем дальше от берега, тем абсо-

лютно меньшую высоту имеют береговые валы. Это явный признак погружения местности. А южнее террасы расстилаются необозримые пресные болота. Валы, наверное, опущены там ниже уровня моря. Вот бы где бурить Роберто вместо заурядного острова Кармен... Да и вообще, если собрать и сопоставить материал по площади бассейнов, атмосферным осадкам, уклонам речных долин, геологическому строению, можно было бы получить количественные зависимости типов и эволюции морского берега от всех этих факторов. А затем проделать подобное по штату Наярит, по Калифорнийскому заливу, по другим местам Мексики... ведь подобное обобщение может служить моделью для будущих исследований в любой точке земли. А как важно было бы геологам при тех же поисках нефти опираться на точный сравнительный материал...

Пока мы плыли, я стал нерешительно развивать свои идеи спутнику. Но куда там... слишком трудно, слишком много, слишком долго!

— Я геолог, сэр, и слабо разбираюсь в том, что вы мне рассказываете. Пусть этим займется кто-нибудь из географов под вашим руководством...

Кармен оказался оживленным городком. Набережная со стороны пролива представляет собой причальную стенку в несколько сот метров длиной, и рыбацьи катера пришвартовались к ней в два и три ряда. Это большой промысловый пункт. Вторым источником дохода здесь — кокосовые плантации. А еще об одном свидетельствует несколько пансионатов на морском побережье, полупустых в это время года.

Есть острова, историю происхождения которых можно читать по пероглифам, начертанным самой природой. Раньше для изготовления удобочитаемой картины такого островка, как Кармен, понадобился бы целый сезон полевых работ. Но в наши времена для этого достаточно нескольких минут полета с аэрофотокамерой, а потом два-три поперечных маршрута для дешифрирования снимков на местности.

Вот он, Кармен. Этот изменный остров состоит всего из трех элементов. Первый — построенные волнами моря береговые

или пляжевые валы. За длительный период они выросли десятками один перед другим.

На острове сохранилось четыре таких участка. На среднем из них старые валы срезаны со стороны моря — признак недавнего отступления берега. Второй элемент — это прирусловые валы и старицы бывших проливов. И наконец, последний — мангровые болота.

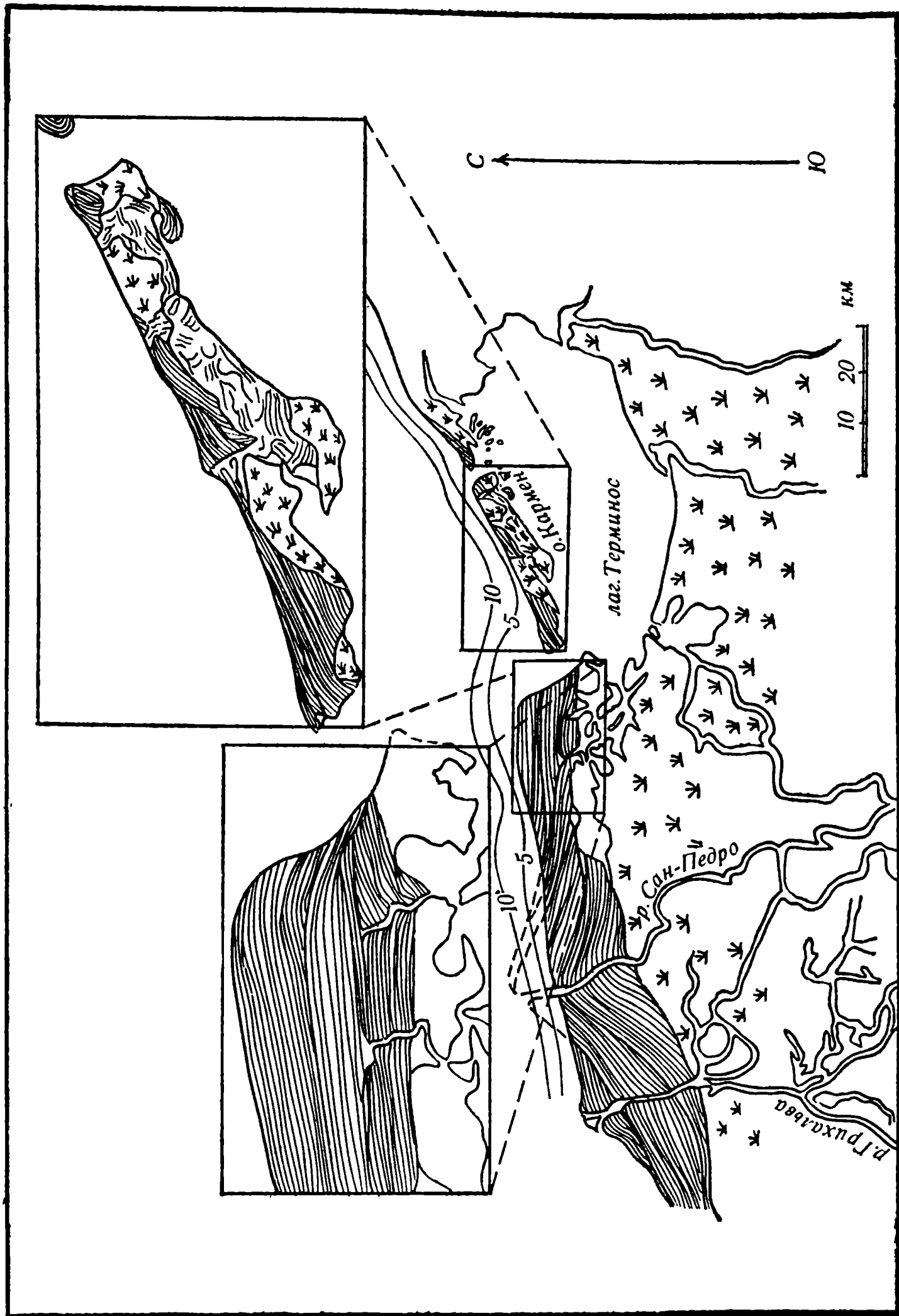
Со стороны Юкатана к острову подходит оконечность обыкновенной береговой косы. Она сейчас нарастает, о чем свидетельствуют правильные закругления береговых валов. Пролив между косой и островом имеет двенадцать километров ширины, и через него дважды в сутки идут сильнейшие приливные течения. Песок на острове и на косе имеет одинаковый состав. Это обломки ракушки, выброшенные волнами со дна Мексиканского залива. Из этих данных можно заключить, что остров некогда составлял часть Юкатана — бывшее прямое продолжение его юго-западной косы.

К западу от Кармен, за проливом примерно такой же ширины, зона береговых валов охватывает пятнадцатикилметровую полосу суши. Они сложены уже минеральным песком — выносами многочисленных рек штата Табаско.

Из трех участков береговых валов с морской стороны острова самым молодым и мощным является западный. На внешнем углу валы образуются и сейчас, и площадь острова здесь увеличивается. Роберто возил меня специально показать два свежих, еще не заросших пальмами вала, которые образовались за последние двадцать лет. Однако на стороне, обращенной к материковому проливу, оконечности старых валов срезаны, как ножом, в результате действия приливных течений.

Древние береговые валы образуют несколько серий (генераций), и, как обычно, более молодые «секут» древнюю серию. Это результат вечной «игры» моря, когда берег то начинает размываться, то снова нарастает. Такие процессы цикличны и зависят от изменений общей атмосферной циркуляции. Через ряд

Картосхема острова Кармен и береговой равнины реки Грихальва. —>
Показаны мангровые болота и береговые террасы с валами

десятилетий усиливаются, а потом снова падают мощности паводков на реках и бурность моря. В этом деле на примере одного острова не разберешься.

Можно установить и историю проливов. Обычно прорывы в косах мигрируют сами в том же направлении, что и наносы. Но тогда течение срезает все ранее существовавшие на его пути береговые валы. Здесь же участки последних сохранились. Значит, море неоднократно прорывалось во время сильных штормов, когда часть острова затопляется. Но потом возникшие проливы становятся надолго относительно стабильными. Кстати, Роберто рассказал, что при земляных работах на месте северного пролива обнаружили истлевшие остатки испанской каравеллы XVII столетия. Остров, как видим, эволюционирует сравнительно быстро.

Самое же простое — это образование мангровых болот. Море отлагает илы в любом затихшем участке — в бухте, за мысом, за любым поворотом берега лагуны. «Заростки» мангровых, то есть плод с уже выросшим корешком и росточком, плавают по морю, и если попадают на поверхность илистой осушки, то тут же закрепляются.

Когда я дидактически сухо излагал все это Роберто, он согласно кивал головой и под конец произнес:

— Да, сэр, я тоже так думал.

— Но почему же вы о таких интересных вещах не написали в своей диссертации?

— Тема у меня, как вы знаете, была другая.

Разговор я продолжил, побывав на точках намеченных буровых и просмотрев внимательно карту их распределения. Интересно, что на тыльной стороне морской террасы (зоны древних валов) подстилающие отложения литифицировались (окаменели). Они абсолютно схожи с известным одесским и керченским «пильняком», то есть ракушечником еще третичного периода. Такой камень, пока он свеж, легко обтесывается и даже режется пилой. Так же как у нас, его употребляют на постройки. В местах выработок правильные плиты, как куски сахара, сложены большими штабелями.

План Роберто был элементарно прост. Располагая скважины, он следовал принципу равномерного покрытия площади острова на удобных местах (избегая мангровых болот). А как же рабочая гипотеза, которую нужно проверить? Опять этот заимствованный у некоторых ученых США статистический подход! Получение массы аналитических данных и вывод средних. Авось, цифры подскажут сами, что и когда происходило в данном случае с островом.

— Извините, Роберто, но такую схему буровых, как ваша, мог бы составить любой школьник. Из нее не чувствуется, что вы заранее представляли себе ход развития острова и поставили перед природой определенные вопросы. Нужно начинать с рабочей гипотезы. Давайте проедемте вдоль всего берега, а тогда вместе решим, как схему улучшить!

К сожалению, маршрут дал немного. Шоссе идет вдоль пляжа. Углубиться в мангровые заросли или в лабиринты на месте староречий и участках прорывов с ходу невозможно, и мы поэтому осмотрели только пляж и серию молодых валов. В западной части берег подвергается размыву и местами укреплен ряжевymi бунами. Они недостаточно длинны (40—50 метров) и задерживают только груды крупной морской ракушки. Однако эта легкая проницаемая масса слоем более метра, видимо, гасит волну, как упругий матрас. Жаль, некогда было пособирать гляцевитые завитки стромбусов и белые «блюдца» мактра.

Как это часто бывает, замешкавшись с наблюдениями, мы на паром опоздали, и пришлось ждать еще полтора часа. Правда, они не пропали даром. Я прошел в сторону открытого моря и убедился, что окаменевшие ракушечники выходят на большом протяжении восточного угла острова, образуя широкий бенч, а из плиток известняка море набросало высокий береговой вал. Песчаный пляж здесь смыт нацело, и, следовательно, море пытается «сдвинуть» весь остров не только в сторону лагуны, но и на юго-запад.

Выводы из наблюдений мы обсудили с Роберто, пока плыли через пролив. Проект работы я смотрел еще в Мехико, но не решался его критиковать, не побывав на месте. Сейчас без

обиняков и достаточно пространно я изложил свою точку зрения, которая сводилась к следующему.

Структура острова элементарно проста. Нет смысла делать на нем три десятка буровых. Сейчас их достаточно всего девять, сгруппированных в три поперечных разреза. Поскольку самоходный станок в болото пройти не может, то позже придется построить плот и завести его на осушку во время прилива. Эти девять скважин по сорок метров глубиной пройдут всю береговую толщу и должны углубиться в древние лагунные илы. При этом удастся уловить различия в строении отложений, связанные с происходящим сдвигом острова. А радиоуглеродные датировки дадут возможность сопоставить время всех событий с данными Кёррэя и соавторов, полученными в Найрите. Гораздо интереснее сделать один или два буровых разреза на материке к западу от Кармен, на широчайшей береговой равнине, сложенной минеральными песками. Намеченная Роберто по морским пробам резкая граница карбонатных и терригенных отложений представляет феномен исключительного интереса. Он полностью связан с береговыми процессами. Материал будет уникальным потому, что он позволит проследить, как области карбонатной и терригенной седиментации сочетались во времени.

Проект был раскритикован полностью, но Роберто почти не пытался возражать. При свете ярких паромных ламп он делал записи в книжке, а потом сказал, что в ближайшие дни составит докладную записку директору института с просьбой внести изменения в проект работы. Кроме того, Роберто надеется, что, передавая директору его записку, я изложу все соображения лично.

На другой день, пока Роберто заправлялся в Исла-Акуадо, я успел немного пройтись вдоль берега, которым восхищался накануне при лунном свете. Впервые мне удалось заглянуть в жилища майя. Большинство хижин сплетено из хвороста на скелете из жердей и обмазано известью. Некоторые были сложены из пиленых плиток ракушечника. И в тех и в других вместо окон зияют завешенные тряпками отверстия. Вся ут-

варь состоит из топчанов, покрытых одеялами не первой свежести, и нескольких картонных ящиков из-под консервов.

Голые ребяташки ползали по земляному полу. Взрослое население было на работе. Угрюмые старухи копошились кое-где снаружи около каменных очагов. В мусоре рылись худые собаки. Меж стволами пальм были натянуты гамаки с неубраным тряпьем. Ветра не было, и под стройными радостными пальмами висел затхлый запах.

Однако издалека поселок выглядел живописным. Часть хижин имела правильную форму усеченного конуса вроде «иглу» эскимосов; другие плелись высокими крышами из желтых пальмовых листьев. Цвели обглоданные козами кусты бугенвиллея.

Южная коса Юкатана имеет не более километра в ширину, а за ней лежат мангровые болота и отдельные небольшие озера. В длину коса вытянута на девяносто километров, и вдоль первых пятидесяти ее протяжения прослеживаются низкие береговые валы (до двенадцати штук), подобные виденным на острове Кармен и в дельтовой равнине Грехальвы. Севернее песок становится мельче и валы там почти неразличимы. У подножия пляжа северной части косы во многих местах обнажены слои сцементированного ракушечника.

Исключительный интерес представляет цветной снимок этого района, сделанный из космоса, в масштабе около 1 : 1 000 000 (в 1 см — 10 км). На нем хорошо видны правильные поперечные (по нормали к берегу) подводные гряды вдоль всей южноюкатанской косы. Их ширина и взаимные расстояния примерно равны и составляют пять-шесть километров. Видимая длина гряд больше десяти километров. Глубина на указанном расстоянии от берега составляет около пятнадцати метров.

Вдоль берега южной части косы, сложенной грубым ракушечным песком с примесью обломков кораллов, фораминифер и известнякового детрита, чередуются устойчивые и размываемые участки. Поскольку с тыльной стороны пляжа проходит шоссе, то последние укреплены короткими ряжевными бунами,

загруженными обломками известняка. Буны хорошо «работают» далеко не везде. При той же длине (до сорока метров) и конструкции одни из них совершенно не накопили материала, другие же завалены песком почти до головы.

Когда я подметил указанную закономерность, то принялся отмечать расстояния между участками размыва по счетчику автомашины, и оно составило четыре — шесть километров, то есть примерно соответствовало промежуткам между подводными грядами.

Существование подобных гряд было ранее установлено на ряде участков песчаных и илистых берегов, вдоль которых развиваются сильные однонаправленные течения.

Известно, что гряды сдвигаются и их прохождение вызывает смены во времени режимов размыва и накопления для одних и тех же участков берега. Темп этого процесса был точно определен для илистых гряд побережья Гвианы и составил около 1200 метров в год. По-видимому, аналогичный, но более медленный процесс происходит и в данном случае. Поэтому короткие буны здесь в сущности бесполезны. Поскольку местность за узкой пляжевой террасой заболочена, то шоссе перенести сложно. Вдоль косы необходимо сооружать более солидные укрепления.

На одном из размываемых участков я предложил сходить в море, чтобы посмотреть, есть ли на дне подводные валы, как в Калифорнийском заливе, или вместо них мы встретим выходы лагунных глин. Пыряет Роберго отлично, но что касается плавания, то он от меня отставал из-за несовершенства техники кроля. Это бывает у молодежи: высоко несут голову и мало сгибают руки в локтях. Поэтому противоположное плечо почти не тонет и дышать становится трудно. Но главное не в этом! Мы действительно нашли пятна выходов глины под тонким слоем ракушечной крошки, которой покрыто дно.

— Видите, Роберто, берег здесь длительное время отступал, и режим его явно неустойчив, несмотря на формирование тех четырех-пяти валов, что мы проезжали раньше.

Далее на северо-восток к городку Чампотон взморье постепенно мелет. Уклоны в зоне 0—5 метров падают с 0,0027¹² до 0,0015. Пляж суживается с 30 до 7 метров, и у уреза начинаются выходы литифицированных ракушечников и коренных пород.

Очень мне хотелось остановиться в Чампотоне. Живописен и уютен этот крошечный городок. Последние километры Роберто делился со мной сведениями о его истории. Здесь, оказывается, в 1517 году майя под водительством Моч Куоха дали жестокий бой испанцам. Адмирал Франсиско Эрнандес де Кордоба не досчитался тогда половины своих конкистадоров, и майя сумели даже сжечь один из кораблей. Место это прозвали потом Бухтой Тяжелой Битвы.

Еще замечателен Чампотон тем, что здесь открывается в море последняя с юга речка. В ее устье образован хорошо защищенный залив. Поскольку наносов эта речка не выбрасывает, бухта глубока, и в ней полно красивых рыбачьих судов. По словам Роберто, здесь добываются самые крупные и вкусные креветки и прочие морские яства. Я сразу попросился позавтракать, хотя было еще рановато. Однако Роберто был неумолчим.

— Погуляйте, пока я заправлюсь, и поедем. Впереди будут более интересные вещи. Кроме того, у меня есть дело в Кампече.

Пошел я по набережной, никуда не сворачивая, так как условились, что он меня догонит. По левую руку у моря расположились судоремонтные мастерские, холодильники, склады, на жердях сушились сети, но туда я почти не смотрел. Зато справа выстроились солидные двухэтажные дома постройки не позже XVIII века, с узкими окнами, лоджиями и аркадами.

Дальше у берега я подивился: что за продукт собран в маленьких бочоночках и просто лежит беловатыми плоскими кусками? Я даже слез с парапета набережной и потрогал его пальцем — нечто вроде резины. Но ведь каучук, кажется, здесь не добывается.

— Чикле, чикле,— произнес рыбак, заметив мое любопытство.

С дороги мелькнул такой необычный берег, что я потребовал остановки. Пальмы и крупнолистные деревья, казалось, росли из самой воды. Продравшись через кусты, мы увидели, что действительно пляж практически исчез. Он превратился в узкую полоску песка (не более трех метров), полузаброшенную водорослями. Несмотря на высокое солнце, весь он сейчас оставался в тени от плотной стены леса. Скинув ботинки, мы бродили по теплой воде, и в ста метрах от берега нам еще не доставало до колена. Ровное песчаное дно без обычных рытин или подводных валов. Такое бывает на озере, но никак не на краю открытого огромного моря.

— А чего здесь, собственно, интересного? — спросил Роберто.

Пришлось рассказать ему о различиях берегов низкой и высокой энергии. Он, оказывается, и не слышал об исследованиях американца Ч. А. Прайса, который установил эти различия на примере Мексиканского залива.

На приглубых участках, к которым свободно подходят мощные волны, да еще если там бывают высокие приливы, механическая работа моря подавляет все другие процессы. Формируются широкие пляжи или береговые бары, вырастают отвесные клифы, и такие берега могут изменяться очень быстро. Море предоставляет для этого достаточно и энергии и материала.

Совсем иначе происходит дело в акваториях небольших размеров (бухты, лагуны, участки под защитой мысов или островов) или в условиях широких мелководий. Большие волны к берегу уже не проникают. Если приливы высоки, то создаваемые ими течения ведут другую работу. Они протачивают глубокие желоба, затаскивают к берегу массу илов, из которых формируются обширные осушки, строят сложные «приливные» дельты в устьях прорывов через бар. Такие берега Прайс относит к категории средней энергии.

Но есть еще берега низкой энергии, где почти нет воздей-

ствия морских волн и приливы не высоки. У таких берегов пляжи если и образуются, то они очень узки. Облик ландшафта побережий низкой энергии создается за счет действия не морских факторов. В первую очередь их изменяет растительность, характер которой зависит от широтных поясов. В тропиках это мангры, в аридном (сухом) климате — солянки, а на севере — травянистая маршевая (лайденная) растительность.

Против этой части Юкатана берега настолько отмелы (изобата пять метров отходит на пятнадцать километров), что волна целиком разрушается в открытом море. Высота прилива составляет всего около шестидесяти сантиметров, что также очень мало. В результате берег потерял все характерные морфологические черты своего морского происхождения.

Вскоре за Чампотоном неожиданно начались холмы, и, чем дальше, тем выше. Шоссе сузилось и ушло от моря. В выемках обнажались горизонтальные слои известняков эоцена. Ехать пришлось тише, погода была чудесная.

В один из просветов между холмами совсем близко мелькнуло море, и я скомандовал «стоп».

— Сейчас, сэр, я вас доставлю в это место.

Через две-три сотни метров влево отошла грунтовая дорога с довольно трудным спуском. Мы попали в замечательный поселок Сельва-Плая. По узкому косогору в один ряд вытянулись коттеджики, утопающие в зелени. Над домами нависают крутые, заросшие кустами склоны, а берега с присущими ему формами здесь вообще не образовалось. Наваленные в беспорядке каменные глыбы без малейших следов обработки морем спускаются прямо в воду. Никаких следов абразии или аккумуляции на этом берегу нет, и слово «пляя» (пляж) в данном случае вызывает недоумение. Я разъяснил Роберто, чем примечательно такое место, и спросил, что это вообще за поселок. Оказалось, что здесь всего лишь дачи состоятельных людей из города Кампече (столица штата), до которого уже не далеко.

IX. ЗДРАВСТВУЙ, СТАРЫЙ ЧЕРТ КАРИБСКОЕ МОРЕ!

Город Кампече (столица одноименного штата) нещадно ругали в своих замечательных книгах швейцарец Макс Фриш и француз М. Пессель¹. Дескать, грязь, запустение, влажная жара и воняет тухлым от моря. Но по-видимому, впечатление во многом зависит от времени года. Сейчас, в конце марта, температура не превышала 28 градусов, дождь временно перестал, а с моря дул свежий ветер.

Холмы Сельва-Плая немного отошли от берега и превратились в довольно ровную террасу высотой больше сорока метров. Шоссе тянется по узкой прибрежной полосе. Вдали показалось множество рыбачьих судов у длинного пирса и прямо в море на якорю. Сложный переплет мачт и длинных рей всегда волнуется моряка. Я осведомился, не Кампече ли перед нами, и после утвердительного ответа Роберто попросил остановиться, чтобы еще раз осмотреть берег.

Низменность, как и холмы, оказалась сложенной коренными известняками, с края угадывался отмерший клиф, а выше него древняя абразионная терраса, погребенная здесь под пролювиальными отложениями. Пляжа в прямом смысле слова нет. К кустарнику примыкает узенькая наброска плохо сортированного щебня с обломками ракушек и крабьих клешней. А от воды тянется «матрос» (войлок) из водорослей талассии², побелевших на солнце и действительно гнилых и издающих малопрятный запах.

Несмотря на сильный ветер, прибоя не было. Оттенок воды здесь почему-то лиловатый, и очень она светлая, светлее пасмурного неба на горизонте. Шквалы взрыбили водную поверхность, и море выглядело как большое озеро.

Когда начались первые дома, набережная и я увидел, как построены причалы (легкая конструкция, очень низко над водой), то стало ясно, что настоящих волн у Кампече не бывает вообще. Строители на них и не рассчитывали. Иначе давно был бы сбит парапет набережной, вышиблены стекла в первых этажах, сорваны настилы легкомысленных пирсов.

Мы встали на заправку, и я успел полюбоваться местными шхунами вблизи. Эти небольшие двухмачтовые парусники построены из настоящего красного дерева.

В южной части города дома вытянуты в один ряд вдоль набережной, а сзади них сразу поднимается крутой откос высокой террасы. Все дома старой испанской постройки не выше двух этажей, но содержатся без должного ухода. Пальмы и отдельные цветущие деревья не могут скрыть обсыпавшейся штукатурки, давно не крашенных рам и мусора во дворах.

Ближе к центру стоит большой памятник одному из губернаторов; улица раздвоилась, отступили горные склоны, начались переулки — словом, большой город. И здесь же, у моря, вырос солидный старониспанский форт — постройка начала XVII века с башнями и узкими бойницами. Подальше второй форт, крепостная стена... и моря стало не видно.

В центральной части города резко диссонировали с окружающими два десятиэтажных современных «эдифицио»³: в од-

ном — отель, в другом — административные учреждения. До этой наиболее оживленной части города склоны высокой террасы не доходят. Они резко отвернули в глубь суши, открывая широкое понижение, где и располагается центральный район.

Поскольку наступило время ленча, мы послали в ресторанчике у сквера. Роберто заказал жареную акулу, и мы оба нашли ее очень вкусной. После ленча Роберто удалился и предложил мне погулять часа полтора, благо времени добраться до порта Прогресо у нас хватит и даже пирамиды майя посмотрим.

Осмотр я начал с испанских фортов. В одном из них водили экскурсию американцев, и из объяснений руководителя я узнал, что испанцы поселились на месте старого городища майя еще в XVI веке. По словам гида, город служил объектом нападения пиратов, корсаров, буканьеров и флибустьеров (а я-то, признаться, думал, что все это — одно и то же). Поэтому решили построить первые четыре форта. Они были завершены в 1611 году. Однако вопреки принятым мерам нападения участились. Тогда губернатор Антонио Альварадо построил вокруг города стену, солидные остатки которой уцелели до сих пор. Долгое время никто не нападал на Кампече, и горожане совсем было успокоились, как вдруг некий Лоренсилло — корсар из Фландрии — пришел ночью, овладел городом и «учинил в нем ужасную резню, грабежи и разрушения».

Извинившись, я вмешался и спросил: как же могли пиратские галеоны, да еще незаметно, подходить к городу, если здесь пятиметровая изобата отстоит в пятнадцати километрах от берега? Вразумительного ответа я не получил, хотя гид бормотал что-то о лодках и десантах. По-моему, Кампече со стороны моря великолепно защищен именно своей мелководностью. Но послушаем дальше.

За период с 1686 по 1704 год строились новые укрепления, и сейчас кроме части стены перед морем красуются целых восемь форт, и каждый из них назван в честь кого-либо из святых. Поскольку они в общем однотипны, то я осмотрел только два — Сан-Карлос и Санта-Роса. Каждый окружен ровом

с водой. Ворота поднимаются на цепях. Внутри сохранились пушки на лафетах, помещения для солдат, хранилища воды и припасов, а в самом нижнем этаже (полуподвал) — крошечные камеры для узников. Поскольку сюда водят заморских экскурсантов, то форты, видимо, чистят даже снаружи. Они выглядят как только что построенные, и это во многом снижает впечатление.

Но скорее назад из этого приюта корсаров! Во что бы то ни стало нужно успеть подняться на высоты и хоть издали увидеть тот таинственный берег впереди, куда мы не попадем. Пришлось пробираться по узким улочкам на юго-восток такими районами, куда экскурсантов не приглашают. Прямые мощеные улицы быстро кончились. Вверх по косогору прилепились разбросанные вкривь и вкось халупы. Здесь живут в основном метисы или индейцы. Они переодеваются в чистое два-три раза в день и вынуждены бесконечно заниматься стиркой. Веревки с бельем образовали целую паутину, и, чтобы пробраться выше по склону, мне приходилось то и дело нырять под ними. За автором следовала группа голых ребятишек, а двое постарше отгоняли в сторону собак и свиней. Взрослые, в этот час преимущественно женщины, смотрели на пришельца с удивлением, но не пытались скрыться. Входные двери были открыты, а иногда и вовсе отсутствовали. Интерьеры легко просматривались, и я понял, что зажиточными этих улыбчивых людей назвать нельзя.

Некоторые домики явно принадлежали рыбакам. Об этом свидетельствовали предметы первой корабельной необходимости перед дверями и морские редкости, прибитые на стенках рядом с мадонной и свешивающиеся даже с потолка. В одном месте старик играл на гитаре, не вынимая изо рта сигары; поодаль устроилась трогательная группа, где парень, голый до пояса, с красным платком вокруг головы учил двоих малышей чинить прорванные сети. Здесь можно было сделать много интересных наблюдений, но ноги сами несли скорее на плато.

Случайно я выбрал удачную точку. Ничто не загоражи-

вало вида на набережную и рейд с его более чем сотней мелкокосящих судов. К ним моряки брели по пояс в воде почти полкилометра. Сзади, то есть на юге, замыкали горизонт холмы у Сельва-Плая. От подножия холмов тянулась несомненно морская, низкая терраса. Какого она возраста, неизвестно, но поскольку признаков новейшего погружения на полуострове множество, то она явно доледникова.

Вон и памятник, мимо которого мы проезжали, а чуть левее видна группа более десятка трех- и четырехэтажных зданий «модерн» (из стекла и бетона). Правильно расставленные, они образуют ансамбль с асфальтовыми переходами. Посредине ансамбля высится башня. Что еще такое? Уже по пути в Мериду, когда я стал расспрашивать Роберто, он пояснил, что это новый университет, первый на полуострове.

Внизу под ногами лежали строго распланированные квадраты улиц и площадей, а к северу расстилалась темно-зеленая скатерть без единой складочки, без единого пятнышка. Только со стороны моря у нее слегка бахромчатый край. Это самое крупное в Мексике мангровое болото шириной до пятнадцати километров. Берега, как такового, здесь нет. Это вечно изменчивая илистая осушка «нижайшей» энергии с протоками, куда даже рыбаки не заходят. Это царство москитов, громадных крабов, морских змей и прочей опасной живности.

До встречи с Роберто оставалось еще полчаса. Спустившись, я прошел по набережной, где и попал к целому ряду сувенирных лавчонок. Очередей и даже просто посетителей в это время не было, и хозяева дремали за прилавками в послеобеденный час. Ассортимент богат: резные деревянные фигурки, одежды майя, мексиканские серапе, просто цветные шали, украшения, и главное, огромное разнообразие морских ракушек, панцирей черепах, диковинных высушенных рыбок, кораллов и прочих морских редкостей. Ракушки здесь втрое-вчетверо дешевле, чем в Масатлане, но совать эти хрупкие ценности мне было решительно некуда. Чемодан и так набит до отказа. Я выбрал лишь один отшлифованный с поверхности авалон. Все, кто приходят к нам в дом, обязательно рассмат-

ривают это чудо природы. Столь сложен и точен узор лиловатых и светло-зеленых пятен на поверхности перламутра, что невольно недоумеваешь: зачем понадобилась природе такая красота? Тем более что, пока моллюск не отшлифован, ее и не видно.

За Кампече пошло ровное шоссе, и Роберто неистово гнал машину. Видимо, у него в городе состоялись приятные встречи, а кроме того, он искренне хотел успеть показать мне древности майя. Как и раньше по пути, он явно гордился всем замечательным и редким, чем так богата Мексика. Сто пятьдесят километров мы шли меньше двух часов и без единой остановочки. И вдруг я громко ахнул и схватил Роберто за руку:

— Смотрите, смотрите! Это уже майя?

— Йес, сэр, но не стоит терять время: это не главное!

— Стоп, Роберто, стоп, я требую!

Скрип тормозов и опять хмурое лицо:

— Я же для вас стараюсь успеть, для вашего интереса.

— Все равно стоп!

Я соскочил с машины и побежал назад, на ходу налаживая «Зенит». Справа от дороги буквально горел в лучах уже низкого солнца новешенький громадный храм, вернее, дворец в три этажа, огромной площади, с рядами оконных проемов. Он был вычищен, как и испанские форты, и выглядел, словно его еще не успели достроить и вставить рамы в окна и дверные стояки. Перед дворцом ровный газон, слева — домик охраны и надписи на двух языках, у шоссе — колючая проволока и шеренга крупных агав. Только я успел прочесть, что за вход берут пять песо, и полез в карман, как меня догнал Роберто:

— Не теряйте времени, там нет ничего интересного...

Ну и упрям же мой спутник! Пришлось уступить. Записав, что городище называется Кабах, я недовольно влез в кабину. Когда «шевроле» пролетел еще двадцать километров, на горизонте над чапарралем поднялась круглая светлая пирамида.

— Ушмаль,— буркнул Роберто,— там гуляйте, сколько захотите.

Может ли пирамида быть красивой? Одна, взятая в отдельности, вне ландшафта, вне окружения, по-моему, не может.

Я дважды видел пирамиды Гизы в Египте с промежутком в восемь лет. Первый раз кругом них было пусто. На плато только песок; под склоном высится сфинкс, окруженный развалинами храмов. Перед ним тоже было большое открытое пространство. Второй раз, в 1970 году, в паре сотен метров от сфинкса выросло большое кафе; прямо у подножия одной из пирамид заканчивалось строительство пятидесятиметрового современного павильона, в котором, правда, будет помещен недавно найденный древнеегипетский корабль. Близко подошли новые туристские отели, а на плато появились дачные коттеджи. Асфальтовая магистраль от них идет как раз между пирамидами, извиваясь жирной черной змеей.

Здесь, на Юкатане, пирамиды и храмы майя тем и хороши, что ничего современного рядом с ними не видно. Домики администрации и охраны находятся поодаль и спрятаны под деревьями. Вокруг древних сооружений просто вырублены джунгли, чтобы творения человека предстали во всем своем величии. И пусть они уступают по размерам египетским памятникам, но впечатление получаешь более глубокое и с громадным элементом неожиданности.

Сейчас я опять попросил застопорить машину, когда Роберто свернул на ответвление, ведущее, казалось, в обратную сторону. Мы были совсем рядом с пирамидой, и мешала только густая трава. Выпрыгнув из кабины, я стал пробираться к ней, но, во-первых, почти сразу наткнулся на скрытую колючую проволоку, а одновременно неподалеку залился трелью свисток охраны. Пришлось проехать дальше в лес, где сделаны ворота и продаются билеты. На площадке в это некурортное время стояло не более десятка машин, и около них с лотков торговали сувенирами и сладостями.

Пирамида здесь, скорее, похожа на башню (более 50 метров высотой), увенчанную небольшим храмом с колоннами. Крутизна граней пирамиды значительно больше 45 градусов. С одной ее стороны врезана каменная лестница, и высота сту-

пеней минимум на треть превышает их ширину. По краям широкой лестницы укреплены на столбах уже современные железные цепи, держась за которые можно подняться, не рискуя соскользнуть обратно и расшибить голову. Жаль, что камни самой пирамиды и других строений выскоблены и вычищены. Просто не верится, что они стоят более тысячи лет. Лучше бы оставались шершавыми и покрытыми лишайником.

С вершины открывается панорама большого священного города из множества крупных построек, насыпей, валов, каменных дорог и просто бесформенных руин. Даже в разреженных окружающих джунглях видны остатки других сооружений. Как жаль, что через час станет темно! Мы не успеем не только внимательно осмотреть, но даже обойти, оббежать все постройки. Впрочем, последнее сделать я почти успел.

Джунгли с высоты поражают своей необъятностью и угрюмым однообразием. Вблизи они имеют четкую фактуру рельефа, определяемую разреженным высоким древостоем, но дальше все сливается в однообразный серо-зеленый тон. Он несравненно тусклее, чем цвет мангровых болот.

Спустившись с пирамиды, я побежал к ближайшему храму. Сверху было видно, что в плане он имеет П-образные очертания, а в середине заключен квадрат, вымощенный камнем. Называется это сооружение «Четырехугольник женского монастыря». Каждая сторона внутренней площадки имеет в длину не менее шестидесяти метров. Храмы просты по конструкции, очень тщательно сложены из ровных плит золотистого камня и поверху украшены рельефным орнаментом из затейливых геометрических фигур. Заглянул я и внутрь, но фресок там не сохранилось, а детали конструкции рассматривать не оставалось времени.

Еще одно грандиозное сооружение называется «Дворец правителя». Он имеет более ста метров длины и покоится на двойном высоком пьедестале с крутыми откосами. Там, где его промыли дождевые воды, видно, что постамент не земляной, а состоит из плотной искусственной смеси глины с камнем. По обеим длинным сторонам дворца устроены широкие вхо-

ды в отдельные помещения. В одном из них я поднялся на второй этаж и оказался на половинной высоте пирамиды.

Взбираясь на земляные насыпи и обегая само здание, я здорово запыхался и внизу просто сел на скамью, чтобы смотреть и пытаться мысленно дополнить виденное живыми деталями. Вообразить, что вместо джунглей кругом тянутся возделанные поля, проходят дороги. Вблизи храмов располагались тысячи обычных домов майя из жердей и глины. Крестьяне ходили в белых одеждах с вышивками, и, может, завтра я даже увижу их потомков, сохранивших некоторые обычаи старины. О многом и волнующем говорит этот город. Для того чтобы строить, нужно иметь чертежи и снять планы на местности. Нужно знать законы устойчивости сооружений и даже прочность материалов: камня, земли, деревянных балок. Как и на основании чего могли строители заранее представить себе вид будущего города и убедить властителя принять именно данный проект? Ведь все это и многое другое должно было быть записано и, наверное, было. И все исчезло. Все, кроме этих дворцов, которые пощадили время, выветривание, многочисленные войны. Даже дикая сила джунглей не могла ничего с ними поделать. Тысяча лет — это тридцать исчезнувших и забытых поколений. И тем не менее сквозь время до нас дошла творческая фантазия этих людей. Их ум, их воображение, их мечты о прекрасном.

Роберто обнаружил меня на скамейке уже после захода солнца и не скрывал своего раздражения:

— Сэр, нам еще семьдесят километров до Мерида, а потом тридцать до Прогресо. Вы сами сорвете намеченную программу.

Как жаль, что в Мериду (столицу штата Юкатан) мы въезжали в полной темноте. Так хотелось увидеть юкатанский Париж во всей красе, а патриот этих мест Роберто в свою очередь горел желанием показать «товар лицом». Действительно, в городе было шумно, ярко от реклам, сновало множество машин.

— Хотите здесь пройдемтесь или вон там, чуть подальше?

— Да нет, зачем же? Я все и так хорошо вижу!

Ехали нарочито медленно, и Роберто рассказывал кое-что из истории города. Еще в 60-х годах прошлого века после краха печальной памяти «Мексиканской империи» Максимилиана⁴ тысячи дезертиров французской армии, завоевавшей Мексику, основали город на одном из пепелищ майя. И строить его стали, как Париж, а потомки еще украсили его новыми зданиями и соорудили даже Елисейские поля с копией Триумфальной арки. Кстати, эта магистраль и является началом пути в Прогресо.

После двух-трех предложений встать у тротуара и погулять, на которые я не дал согласия, Роберто обиделся:

— Но поесть-то мы где-нибудь должны! Я боюсь, что в Прогресо будет уже поздно.

— Хорошо, только найдите что-нибудь попроще.

— Йес, сэр!

И опять замелькали красивые большие дома, чем-то действительно напоминавшие Париж. Мансарды, многочисленные балкончики, срезанные гранями углы зданий, скульптурные украшения создавали определенное единство ампирного стиля. Дальше начался широкий проспект с двумя полосами деревьев и проезжей частью посередине. Перспектива уходила вдаль, и в конце проспекта виднелась освещенная арка.

— Это и есть Елисейские поля Юкатана?

— Йес, сэр.

— Но, Роберто, я же просил найти что-нибудь поскромнее.

— Сэр, когда я здесь жил, у меня была «фianсэ»* из аристократической семьи. Благодаря ей меня приняли в один из клубов и помнят там до сих пор. Я вас приглашаю в нем поужинать. Мне это будет приятно.

— Но мы с вами одеты отнюдь не для вечернего приема.

— Ничего не значит, костюм у вас есть, и мы переоденемся в саду.

* Возлюбленная (франц.).

Конечно, любопытно попасть в аристократический клуб. Я помню, как еще в Уатабампо проходил мимо подобного заведения несколько раз и как швейцар загораживал телом дверь, чтобы я во внутрь даже заглянуть не мог.

Роберто продемонстрировал великолепное знание местности. Машина юркнула на задворки, и мы переоделись под морсящим дождем у стены трехэтажного здания, под защитой крупнолистного дерева. Потом он исчез на несколько минут и вернулся сияющий.

— Олл райт, нас ждут.

И действительно, швейцар поклонился нам обоим, и через светлый вестибюль с колоннами мы проникли в ампирный зал с мраморными столиками. Немного раздражал общий оранжевый полусвет, но на каждом столике была и обычная белая лампа с абажуром. Крахмальные салфетки сложены «розочками». Они хрустели, как и положено в Париже где-нибудь в «Распутине»⁵, а меню в тисненой папке напоминало евангелие. Даже названия блюд дублировались здесь по-французски, и я попросил кельнера:

— Potage de poisson, le crevettes bouillies et une tasse de l'ait chaud, s'il vous plait*.

Ошеломляющий контраст после пирамид и храмов майя. Ведь и двух часов не прошло, как я мысленно восходил со жрецами на пирамиду и наблюдал игру в мяч, когда капитана проигравшей команды тут же приносят в жертву богам.

Зал наполнялся медленно. Когда нам принесли первое блюдо, Роберто заметил друзей и к нам под села пара. Не хотелось следить за быстрым испанским разговором, и поэтому после нескольких слов приветствия и ответов на обычные вопросы: «Мороз ли сейчас в Москве?» и тому подобные я с интересом продолжал осматриваться. Мягко заиграла радиола. В светлом проеме двери показывались новые пары. Мини-юбки здесь не приняты, так же как и пестрые американские «распашонки» у кавалеров. Хорошо хоть, что я сам при галстукѣ,

* Уху, вареные креветки и чашку горячего молока, пожалуйста (франц.).

несмотря на влажную жару. Народ собрался в основном не для ужина, а выпить и поболтать. А скоро начались танцы, но как-то вяло. Видимо, настоящие балы происходят в помещениях с кондиционированным воздухом.

А вот еще группа заняла столик визави. В это время я уже доедал камаронес, снял очки и настроен был вполне благодушно, тем более что Роберто с друзьями мне не докучал. Удивило, что молодая дама напротив явилась в темно-синем закрытом бархатном платье. Вот бедняга, подумалось, и я стал присматриваться к ней внимательнее. Сбоку, чуть ниже ключицы, на платье была крупная брошь, и камни переливались яркими цветами при свете люстр.

«Ясно, что фальшивые, и как много,— подумал я.— Ну и безвкусица!»

Но глаз невольно следил за игрой камней, и мне померещилось, что брошь двигается. Вот она ближе к шее, а через минуту — ниже на груди, подчеркивая ее приятную выпуклость.

Галлюцинаций у меня еще не бывало. Неужели начались? И чем больше я смотрел, тем больше поражался. Сомнения отпали: брошь шевелилась. Не совсем вежливо я толкнул под локоть Роберто и поделился удивлением:

— Скажите, может, я с ума сошел?

Вместо ответа все трое начали смеяться:

— Это жук, это жук, а камни на него наклеены!

Я поразился и не поверил. Тогда Роберто подошел к группе, и те тоже захохотали. Меня пригласили туда, мы познакомились, и ничего другого не оставалось, как пригласить даму в бархате на танго. Я танцевал в очках, но засматривался не столько на миловидную партнершу, сколько на жука. Он был достаточно активен, но тоненькая золотая цепочка ограничивала радиус движения и до декольте он дотянуться не мог.

А потом опять на дождь — и прямой, как стрела, магистралью вихрем на север вдоль полотна железной дороги на моей любимой скорости 150!

Промелькнули ярко освещенные заводские корпуса.

— Государственное предприятие обработки хенекена⁶, — сообщил Роберто. — Раньше было много злоупотреблений и спекуляции с этими сизальскими канатами. Сейчас тоже остались частные фирмы, но на этом заводе производство стоит дешевле и государство имеет большой доход. Кроме того, на нем хорошие заработки рабочим. Эти майя и не мечтали так жить.

Я порадовался патриотизму Роберто, но поскольку деталей производства канатов он не знал, то я перевел разговор на жуков.

— Ну, этот был дешевый, и камни, действительно, не настоящие. А вот с бриллиантками такой жук стоит больше ста долларов. Долго ли живут? Год, а может, и больше; а потом бриллиантки можно выковырять и цепочку сорвать. Их делают на заказ, камушки и цепочку закрепляют на жуке тонким цементом — тем, что пользуются дантисты.

Что едят? Они древоточцы и едят дерево; их так и держат в клеточках с брусочками. Если вы ими интересуетесь, то дешевых жуков продают на базаре; да, с камушками, вернее, со стекляшками. Хорошо, я покажу вам на обратном пути, и вы сможете купить. Уверен, что до Москвы они доедут.

А тем временем показались цепочки огней Прогресо. Ночью я заметил лишь громадную длину освещенного портового мола, уходившего, казалось, прямо к горизонту, и общую неприглядность улиц.

Жалкие лачуги индейцев не подтверждали информации Роберто о «хороших заработках» майя на обработке хенекена.

— Иес, сэр. Действительно, это захолустье, — согласился Роберто, — но я повезу вас за несколько километров к востоку, там мы устроимся в одном из пансионатов.

И опять мы мчимся, уже не болотом, а сквозь ряды высоченных кокосовых пальм вдоль берега моря, и находим «тот самый» пансионат, в котором когда-то отдыхала «Финансэ». Заспанный консьерж неохотно подал нам вскипяченное молоко с булочкой, а потом отвел в одно из бунгало с горячей водой и полным комфортом.

Роберто уснул сразу. День за рулем — это я хорошо представляю. Но море так призывно рокотало, и шелестели над головой листья кокосов, что я долго еще ходил по бетонному парапету над пляжем и вдыхал всей грудью влажный солоноватый аромат.

Где-то там, за горизонтом, и чуть правее — любимая Куба. Вспомнился мыс Сан-Антонио, джунгли в заливе Корриентес и все путешествие на «Калипсо-2». Прошло четыре года, а в памяти оно так свежо, точно продолжается одна и та же экспедиция, только нет со мной Алексея и Ральфа и приходится временами вести «холодную войну» с Роберто.

Наконец-то предстояло ехать в места, где Роберто никогда не бывал и, видимо, не имел друзей. Он проявил осторожность и решил выяснить в городских учреждениях, каково состояние дорог к востоку вдоль берега. Поэтому утром мы вернулись обратно в Прогресо, где собирались и позавтракать. Пока кафе было закрыто, удалось осмотреть берег и порт, построенный в 1937—1946 годах. Он не имеет ограждений. От берега более чем на два километра протянулась многоарочная эстакада.

Это исключительно солидное и очень красивое сооружение. На ее конце насыпан окруженный шпунтом⁷ остров, на котором расположены складские помещения и погрузочные механизмы. По эстакаде проходят железная и автомобильная дороги. По ней гуляют, и с нее удят рыбу местные жители.

После постройки эстакады берег к востоку от нее выдвинулся примерно на двести метров. Так всегда бывает, если возникает препятствие на пути потока наносов (как в Вера-крусе). Наверно, арочную структуру вместо сплошного мола здесь и возвели, чтобы пропустить поток. Но поскольку волны об эстакаду разбиваются, то такая предосторожность никогда не помогает.

Созданную морем территорию застроили и оградили вертикальной стенкой. В результате пляж стал размываться и вода подошла к стенке вплотную⁸. Пришлось защитить пляж

гребенкой бун. Работают они плохо, и купаться в Прогресо стало неудобно. Далеко отсюда Черное море, но и тут и там делаются одинаковые ошибки.

В порту мы узнали, что, за исключением первых пятидесяти — ста метров перед пляжем, дно здесь повсеместно обнажено и образовано плитой неогеновых известняков. У конца эстакады они залегают на глубине шести метров. Мощность пляжевых песков не превышает два с половиной метра. На суше, за обширным мангровым болотом, или лагуной, известняки обнажены. В целом уклон поверхности коренного плато в прибрежной зоне составляет около 0,002.

Состав пляжевых песков существенно отличается от тех, что залегают в районе Кармен-Чампотон. Здесь наряду с обломками ракушки встречается много оолитовых зерен и фораминифер. Обломки кораллов редки, хотя по внешнему краю шельфа тянется полоса древних и современных рифов.

Не сумев разузнать ничего в Прогресо, Роберто, вместо того чтобы расспросить приезжих на базаре, решил отправиться еще западнее, в какой-то рыбный порт. Я не остановил его лишь потому, что хотелось взглянуть на новые места. И действительно, мы пересекли по дамбе значительную лагуну, которой вчера в темноте не видели, и, сделав большой крюк, попали к протоке, соединявшей лагуну с морем. Здесь и создан огороженный молами порт для мелкосидящих судов. Кое-какие технические детали были интересны, но в поисках информации Роберто потратил час, так ничего и не выяснив. Да, говорят, машины в ту сторону ходят, но никто сам не сзидил.

Выехали мы в полном молчании. За околицей Прогресо сразу стало заметно резкое изменение ландшафта. Место джунглей заняла чаща *увы* (*Coccoloba uvifera*) и низких колючих кустов. Воздух стал суше, почти как в Соноре, а небо совершенно чистое. Автомобильный след вел по широкому песчаному бару с береговыми валами, и местами «шевроле» принимался буксовать. Направо темнели мангры, налево сверкало бирюзой море, совсем не такое, как в Кампече. Стало очень жарко. Климат северного Юкатана сравнительно сухой. Сумма

годовых осадков составляет здесь менее 800 миллиметров, а в Табаско местами превышает 4000. Между Юкатаном и Кубой в Мексиканский залив вливаются теплые воды Карибского моря, которые образуют затем течение Гольфстрим.

Очень многое на этом берегу напоминало Кубу, и прежде всего заросли ўвы — невысокого дерева с крупными, плотными и совершенно круглыми листьями без стебельков. Они топорщатся прямо на ветках и стволах. Листва на уме стоит круглый год, и круглый год на дереве есть увядающие листья, окрашенные в яркие желтые, оранжевые и красные цвета. Каждая ветка — это как бы искусно подобранный по оттенкам букет.

Мы осмотрели берега на протяжении около шестидесяти километров. По пути встречались отдельные ранчо и кокосовые плантации; проехали две бедные деревушки, в которых живут настоящие майя. Там я осматривался, гулял, фотографировал и старался уловить в удивленных лицах обитателей отпечаток былого величия страны и народа, создавшего замечательные сооружения. Роберто упрямо отсиживался в кабине, лишая меня возможности обменяться с майя хоть несколькими словами. Хижины в этих деревнях такие же жалкие, как и на Исла-Акуадо. Сами майя мне очень понравились. Большинство улыбчиво, жизнерадостно и, я бы даже сказал, упитанно. Все чисто одеты, преимущественно в белое. У женщин на платьях яркие вышивки. Ребятишки не назойливы, хотя и очень любопытны. При моих попытках снять фото, мужчины отворачивались, но женщины с готовностью принимали кокетливые позы. Еще я обратил внимание, что некоторые женщины достатка ниже среднего носят старинные золотые украшения.

В этих деревнях главное занятие жителей — морской промысел. Кроме того, вокруг каждой хижины разбит огород, растут апельсиновые деревья и кокосовые пальмы, буквально облепленные орехами у начала кроны. В проулочках бродят свиньи и куры.

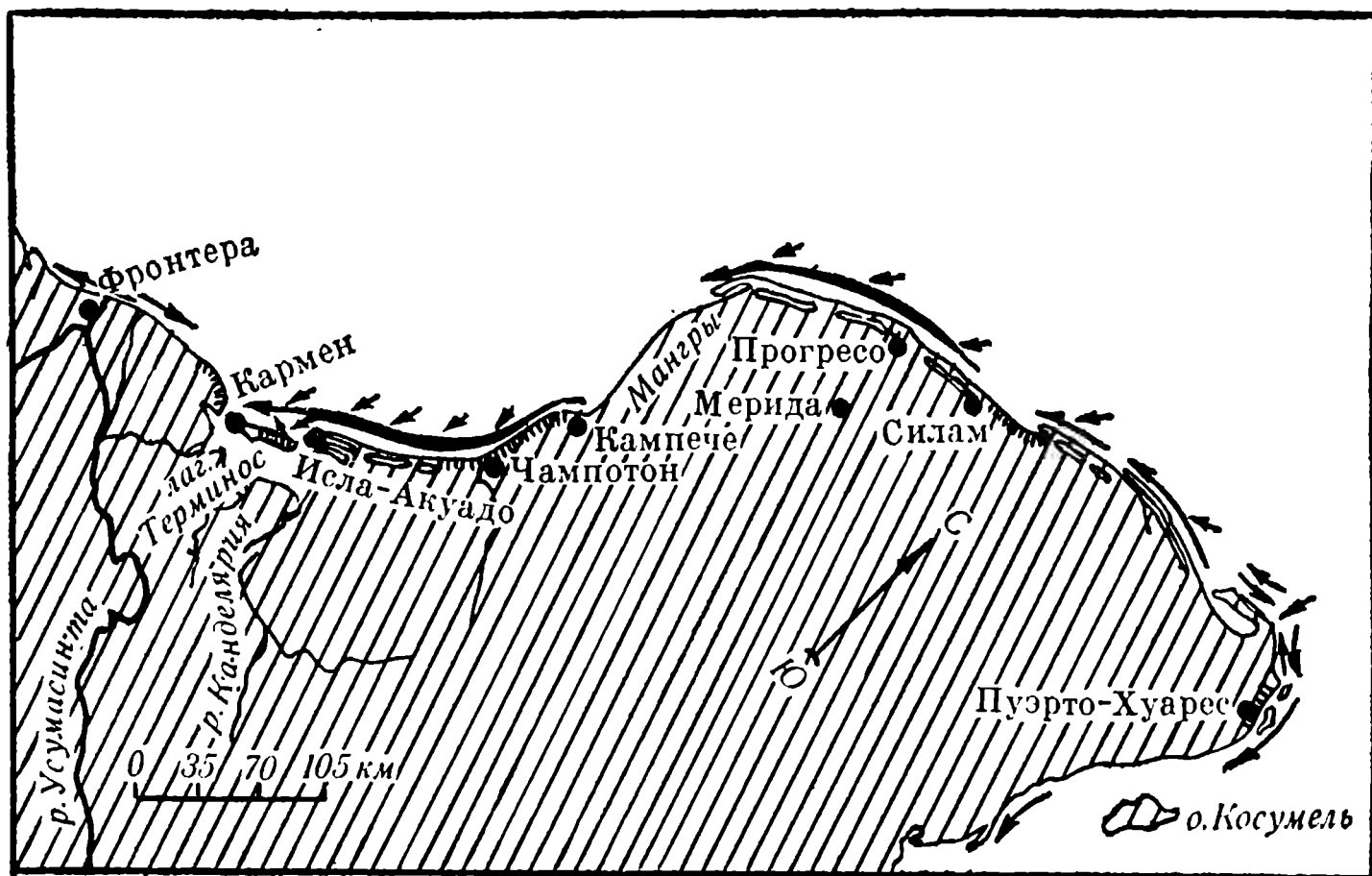
Современные майя преимущественно низкорослы, что не мешает атлетическому сложению мужчин. Склад лица резко отличается от испанского, но трудно определить его характерные черты. Нос у большинства «орлиного», индейского профиля, глаза близко посажены, губы тонкие. Лица в общем округленные, но с выступающими скулами. Характер явно у них спокойный, и движения неторопливы.

Мы благополучно доехали до большого рыбацкого поселка Силам-де-Браво, но дальше почти исчез пляж, и вместо песчаной пересыпи след пролегал прямо по высохшим илам лагуны. В море опять торчали древесные пни — явный признак отступления берега. Километра четыре «шевроле» еще мог пробираться, петляя по корневищам мангров, но потом на пути легла протока, преодолеть которую мог бы только самосвал или вездеход. Пришлось вернуться в Силам, откуда на карте помечена грунтовая дорога на юг.

На обследованном протяжении тип берега сохраняется одинаковым. Меняются лишь ширина бара и полосы болот и лагун. Очевидно, эти различия отражают неровности коренного известнякового ложа. Явления нарастания и размыва пляжей у пирса в Силаме свидетельствуют о незначительном перемещении наносов с востока на запад.

Там, где мы плавали и ныряли, пески кончаются менее чем в сотне метров от берега; за ними идет известняковая плита, источенная каррами и покрытая коркой известковых водорослей, мшанками и другими сидячими организмами⁹. На дне чувствуешь себя, как у Тарханкута западнее Евпатории, настолько схожи эти два удаленных на тысячи километров участка береговой зоны не только общей структурой, но и во многих деталях. Однако иллюзия общности мгновенно исчезает, стоит лишь обернуться к берегу, на котором сразу за пляжем вместо голой Тарханкутской степи высятся кокосовые пальмы.

На картах и аэроснимках видно, что строение восточной части северного берега существенно меняется. Восточнее мыса Пунта-Аренас взморье снова становится более отмелым, и пля-

Картосхема западного и северного берегов Юкатана. Показаны потоки наносов, разрушаемые участки, косы и бары

тиметровая пзобата вместо пяти уходит от берега местами на десять километров. В пределах прибрежного мелководья на морских картах здесь отмечен ряд рифов и банок (видимо, выступы коренных пород). Возможно, в связи с этим береговая линия становится неровной, и на ней появляются плавные широкие выступы (мыс Холонт и др.). У северо-восточной оконечности полуострова обращают на себя внимание две еще более крупные аккумулятивные формы: мысы Франсиско и Каточе.

Песчаное накопление общей длиной более пятидесяти километров протягивается от этих мысов примерно на одинаковое расстояние вдоль берега в обе стороны и оканчивается крючкообразными изгибами. Очертания песчаной полосы свидетельствуют о том, что на данном участке уже нет четко выраженного потока наносов. За накоплением песков расположен крупный залив Ялаан, окаймленный со всех сторон

исобъятными мангровыми болотами. Второй песчаный бар примыкает с запада и вытянут на восемьдесят километров. За ним протягивается непрерывная лагуна два-три километра шириной, с такими же манграми со стороны суши.

Известно, что подобные симметричные неровности возникают на участках, где часты противоположные волнения, идущие под острым углом к береговой линии. В данном случае это вполне возможно, так как западная оконечность Кубы создаст здесь защиту берега от основных пассатных ветров. Налицо некоторая аналогия с изученным участком берега Калифорнийского залива. Однако на основании косвенных данных было бы рискованно пытаться объяснить происхождение указанных мысов и мелководий перед ними.

И все же мы опять не рассчитали время. Дороги между морем и шоссе сохранились со времен майя и с тех пор не ремонтировались. Скот, тракторы, тяжелые грузовики легко преодолевают выщербленные, круго падающие плиты эоценовых известняков. Они свободно вылезают из ям, и их не заносит на оранжевой глине, скопившейся в дождевых лужах. С «шевроле» много труднее. Роберто практически не сходил со второй передачи, и мы тащились со скоростью десять — пятнадцать километров в час между бесконечными каменными заборами — стенами, ограждавшими безбрежные массивы хенекена. Населенных пунктов нет. Лишь два-три хуторка с ветряками и группами высоких деревьев остались вдали.

Автострада Мерида — Пуэрто-Хуарес длиной 320 километров была закончена всего четыре-пять лет назад. Места здесь очень слабо обжиты, и, кроме городишка Вальядолид, ничего приметного по пути не встретилось.

Конец трассы мы прошли в темноте, и поэтому полное представление о природе северного Юкатана я получил лишь на обратном пути.

На шоссе нет ни одного моста, нет подъемов и спусков. Прямые, как стрела, отрезки сопрягаются плавно, и Роберто жал на акселератор без ограничения. На многие километры

пути ни души не встретишь, кроме собственных псонов, которые тщательно вырубают наползающую на асфальт поросль джунглей.

Климат северного Юкатана много суше, чем в районе лагуны Терминос. Поэтому нет здесь и страшных болотных лесов. Почвенный покров тонок, и часто виднеются выходы известняка, образующие прогалины среди густых деревьев, так метров десять средней высоты. Многие породы меняют листву, и тем ярче на общем сероватом фоне леса пестрят белоснежные, желтые и розовые цветущие кусты.

Когда Роберто встал, чтобы подкрутить иглу в карбюраторе, я попытался проникнуть в придорожные заросли. Ничего не получилось. Для этого нужно иметь кожаные штаны и куртку, да еще большое machete. Колючие лианы переплелись настолько густо, что местами между ними невозможно просунуть голую руку. По прелой земле сновали муравьи и бегали какие-то жучки.

Тщетно я пытался найти тех мощных жуужелиц, что в Мериде украшают драгоценными камнями. Даже два трухлявых пня повалил, но, кроме ящериц, черного скорпиона и вялых червей, ничего там не обнаружил.

Мчимся дальше. Серо-зеленый лес становится выше и сочнее. Он, как две стены, ограничивает видимость, и хочется дремать. Довольно часто, правда, попадаются широкие карстовые воронки¹⁰, но разнообразия в ландшафт вносят мало. Они принимают в себя весь поверхностный сток, и поэтому ни ручьев, ни рек в этой части полуострова нет. Воды проникают по трещинам куда-то далеко на шельф и сливаются там с морскими на глубинах в несколько десятков метров.

Практически и живности мы никакой не видели, кроме нескольких зайцев. Не понятно даже, чем питаются парящие в вышине грифы (ауры). В одном месте Роберто ткнул пальцем налево и спросил:

— Видели обезьяну на большом дереве?

Но где там заметить ее на такой скорости!

— Может, вам показалось?

— Нет, сэр, они здесь живут и иногда собирают на шоссе объедки. Может, еще встретим.

Когда смерклось, в свете фар замелькали летучие мыши да стали шлепаться бабочки о ветровое стекло. Где-то мы пересекли границу штата Кинтана-Роо. Климат в нем влажнее, и снова начинаются тропические леса, как в Табаско.

Никакого Пуэрто-Хуарес на самом деле не существует. Разве можно назвать портом единственный пирс для катеров и здание конторы? Оказалось, что паром на остров Мухерес ходит раз в сутки. Катера курсируют через два часа, но последний уже ушел. Кроме домика конторы здесь красовались целых три кабака. Они были полны, и в каждом гремел музыкальный автомат. Вдоль шоссе вытянулось с десятков невзрачных хижин под вездесущими «коко», а на задворках поблескивали трейлеры утомленных туристов.

— Роберто, а где же обещанный отель? Вы здесь вообще раньше бывали?

Спутник мой сердито фыркнул и пошел выяснять ситуацию, а я продолжал сидеть в кабине из-за моросящего дождя. Оказалось, что отель еще не построен и ночевать нам негде. Можно нанять специальный моторный ботик, хозяин которого готов нас перевезти на остров Мухерес за 150 песо. Весь день Роберто всячески докучал и совершенно явно выражал мне свое раздражение. Откровенно говоря, после этого хотелось ему отплатить. Поэтому, хотя сумма была не так уж баснословно велика, я категорически отверг сделанное им предложение.

— Нет, Роберто, я отказываюсь платить такие деньги. Раз тут живут люди, значит, можно найти ночлег. Пойдемте вместе поговорим с ними.

— Напрасно вы не слушаетесь моих советов, сэр. Вы все делаете наоборот. У меня еще так не бывало...

С явной неохотой Роберто поплелся к хозяину одного из кабаков, но при переговорах не проявил ни малейшей инициативы. Просто служил переводчиком, когда мне не хватало

испанских слов. Диалог завершился тем, что одна из служанок повела нас посмотреть возможные варианты.

Увы, они оказались неприемлемыми. В каменных домишках с голыми стенами было тесно, грязно, а завешенные от москитов проемы окон не давали просочиться глотку свежего воздуха. Здесь еще сохранилась дневная жара, дополненная целым букетом запахов. С нашей провожатой, чьи близко посаженные глаза и монголоидные скулы выдавали индейское происхождение, говорить было очень трудно. Мы молча осмотрели подобным же образом еще несколько хижин и пошли обратно.

— Я же рассказывал вам, что здесь майя живут очень плохо. Идальго в таком месте ночевать не может.

— Подобную картину, Роберто, я вижу не впервые. Кто же довел их до такой жизни?

Роберто промолчал...

Как последний выход хозяин предложил нам провести ночь в гамаках под навесом, откуда уже убрали столики, так как компания расходилась. Я согласился, и Роберто ничего не оставалось делать, как захватить пару простыней и начать устраиваться. Мы были не одиноки, и к стропилам навеса было привязано сразу четыре гамака. Помню, я видел в журнале, что так спят индейцы долины Амазонки, но не мог представить, что из этого получается на самом деле.

Гамак из пальмовых веревок не имеет деревянных перекладин и вешается без натяжения. От этого он изгибается дугой, и вытянуться в нем невозможно. Кроме того, предложенные нам гамаки днем служили для переноски рыбы и соответственно «аромат моря» превышал терпимые концентрации. Короче говоря, уже через пять минут я понял, что заснуть удалось бы разве только под наркозом. Но делать было нечего.

Минут через сорок Роберто шумно встал, захватил пожитки и поплелся к машине. Хлопнула дверца кузова, и я понял, что он спасен по крайней мере от москитов.

Я же действительно так и не сомкнул глаз всю ночь: спать не давали снующие под гамаками собаки, храп соседей и совершенно затекающие от неудобного положения руки, ноги, шея. Что касается москитов, то язвы от их укусов на лодыжках и за ушами сохранились до Москвы. На руки я догадался натянуть запасные штаны.

На рассвете, за три часа до катера, мы сошлись с Роберто и решили провести маршрут вдоль берегов. Картина берега оказалась совершенно новой. Вдоль уреза местами белели обрывы высотой до четырех метров. Порода на изломе напоминала судаковую икру. Это оолиты — крошечные шарики, образующиеся на морском дне при выпадении извести из раствора. Им же сложены здесь и узкие пляжи. Вдоль горизонта вытянулся остров Мухерес, а вода в проливе своей нежной окраской соперничала с бирюзой.

Мы проехали с наблюдениями километров по пять в обе стороны скверной грунтовой дорогой. Берег окаймлен поясом (шириной до 300 метров) каких-то бугров, заросших кустами. За ними начинается «дремучее» болото, где рядом с мапграми росли высокие крупнолистные деревья, такие же, как в Табаско. Бугры поначалу поставили меня в тупик, но в одном из срезов дороги я увидел характерную косую слоистость песчанников и понял, что это древние дюны, навеянные ветром из оолитового песка. Такие породы называют эоланитами от греческого «эол» (ветер). Они широко распространены во всей области — от Флориды и Багамских островов до юга Карибского моря. Я их изучал раньше на архипелагах южного побережья Кубы, и весь ландшафт местности до боли напоминал прекрасные наши путешествия в тех краях.

В целом прогулку вдоль пролива я представляю сейчас смутно. Тогда давала себя знать бессонная ночь, а в записной книжке сохранились лишь краткие записи существа наблюдений. Однако врезалась в память находка, на которую мы случайно натолкнулись. С тыльной стороны пояса бугров, у самого болота и в стороне от дороги, полускрытое листвой выцплось какое-то сооружение,

— Что это может быть?

— Наверно, скала.

— Нет, из этих рыхлых песчаников скал не образуется. Хочу посмотреть.

И как хорошо, что тогда я не пожалел сил продраться сквозь кустарники лишнюю сотню метров. Нам предстала пирамида майя. Не очень высокая (метров десять), но хорошо сохранившаяся, ступенчатая с полустертыми рельефами. Внизу зияло затянутое зеленою отверстие. Не думаю, что мы сделали открытие подобно Мишелю Песселю. Очевидно, эта пирамида уже известна науке. Но все равно в душу проникло смутное благоговение. Затаив дыхание, я поднялся на верхушку и с плоских камней, уложенных здесь, может, тысячу лет назад, осмотрел общую картину побережья. Потом мы проникли в «дверь» и убедились по следам кострища, что люди в этом тесном помещении бывают,— наверное, прячутся от дождя. Жаль, что нужно было торопиться к отходу катера. С удовольствием я бы посидел здесь в полутьме, сделал записи, да и вздремнул, пожалуй...

Поскольку на коренном берегу не оказалось и следов древних поднятых рифов (таких, как на Кубе), я с интересом вглядывался в контуры острова и мысленно прикидывал его высоту. Может быть, они есть там? Узкая ровная гряда Мухерес повышается к югу. С северной низкой части острова столбиками на фоне неба проектировалось несколько узких и высоких зданий. В них угадывались отели.

Катер подходил ближе, и стали различаться все новые детали. Кроны пальм доходят отелям «до колен», то есть примерно на четверть их высоты. По курсу большим светлым пятном проявилась густота домиков поселка с двумя башнями католического собора. Зеленая полоска южнее — это явно мангры, но на их фоне обозначились непонятные темные массивы. Приближаемся. Массивы оказались выдвинуты далеко впереди мангров и вытянуты в одну линию. Сомнения нет, это маленькие коренные островки. Для бетонных блоков это было бы слишком грандиозно. Дома поселка заиграли разными

цветами, демонстрируя пестроту окрашенной штукатурки. Наконец обозначилась толпа у ширса, и через минуту на него был сброшен матросом конец.

По крайней мере половина встречающих были агенты, расхваливающие приезжим свои отели, предлагавшие внаем квартиры и целые виллы; много было носильщиков и шоферов такси. Роберто почувствовал себя в родной стихии, и вот уже двое долговязых мальчишек хватают наши чемоданы и влекут их в неизвестном направлении.

Отельчик «Плая Акохедор» был неплох, но оказался на самой бойкой трассе, по которой на пляж тянулись вереницы купальщиков, а изредка, вздымая пыль, проносились автомашины. Из номера был ход на плоскую крышу с хорошим обзором. Карибское море, к сожалению, загораживала от нас гуща «кэко». Они растут на задворках, а меж стволами открывалось неприглядное «чрево» курорта. Сразу за шпалерами цветущей бугенвиллеи было нечто вроде свалки, потом штабеля картонных ящиков от провизии и напитков и бесконечные веревки, на которых трепетало под ветром пестрое белье. Захотелось отвернуться от этой картины, но напротив через дорогу песчаный пустырь окаймляли щиты с разноцветными рекламами, почти закрывавшие вид на полосу леса перед проливом.

Я не чувствовал себя «интуристом», и в мои намерения никак не входит показать в невыгодном свете этот дивный уголок природы. Наверное, сказалась бессонная ночь, но первое впечатление от острова было действительно неблагоприятным: толпы полуголых людей, пыль и местами много грязи.

Все это начисто исчезло из сознания, как только мы вышли на взморье и, встав спиной к пальмам, виллам и группам американок в «бикини», увидели и слышали разбивающиеся голубые валы «мар Карибе». Дуга сверкающего на солнце пляжа замыкалась двумя выступами невысоких скал. Они казались почти черными в ослепительном утреннем свете и имели изрезанную, бугорчатую поверхность. Не отрывая глаз от моря, я пошел к ним по полосе заплеска через языки пены. У выступа высоко били взметы волн и свежий пассатный ветер от-

носил целые каскады брызг на десятки метров, туда, где прыгали и визжали смуглые девчонки.

Теперь забудем, что это курорт. Я ходил по берегу как зачарованный до самого обеда. Роберто сначала плелся сзади, останавливался, чтобы переброситься словцом со встречными, а потом и вовсе исчез.

Есть такой термин «зубчатый берег». Это когда море вгрызлось в материк по участкам более слабой породы и тут же отложило измельченный материал в виде пляжей. В данном случае море выбросило со дна массы оолитовых зерен, отчего пляжи стали бархатистыми и приобрели нежный кремовый оттенок. А в местах, где порода крепче, море работало как скульптор. Оно выточило отдельно стоящие обелиски, пробило в скалах туннели, выдолбило на ровных поверхностях чаши и выполнило еще много мелкой работы. Абразионные участки здесь мало пригодны для прогулок из-за множества каверн и острых шипов или выступов вроде кеглей. Ходить по такой поверхности можно только в кедах.

Но из какого материала состоит остров Мухерес? За неимением геологического молотка я стал обламывать куски породы, используя для этого крупные валуны. Оказался все тот же оолитовый песчаник, только его поверхность накрепко сцементирована известью. Порода была явно слонста, но по небольшим обломкам трудно понять ее происхождение.

Долго я шел вдоль берега и взобрался на край клифа уже далеко за пределами поселка. Сделать это оказалось непросто, потому что по всей длине обрывов у подножия зияет глубокая ниша, выточенная прибоем. Пришлось лезть по острым глыбам свежего обвала.

Местность от клифа понижалась в глубь острова. Значит, море успело срезать более высокую часть гряды. Пробравшись через густой кустарник до дороги, я пошел в обратном направлении и скоро попал на аэродром. Построить его было трудно. Для этого пришлось вырубать большие участки скалы. В таких местах остались свежие обнажения высотой до шести — восьми метров. Вот тут-то и стало понятно, что на самом деле весь

остров Мухерес представляет собой огромные окаменевшие дюны с наибольшей высотой около двадцати метров. Правда, основание дюн, видимо, погружено под уровень моря. Очень хотелось это выяснить. Здесь же на разрезах первой дюны отчетливо проявилась типичная слоистость: диагональная, но с перекрещивающимися сериями. Дюны росли, наползали друг на друга, разрушались, и все это сейчас запечатлено в строении отвердевших известняков.

Вторая дюнная гряда (со стороны пролива) много ниже. Ее остатки и образуют те самые скалистые островки, что я заметил с катера. Они защищают акваторию порта. Еще интереснее крупный аккумулятивный выступ берега, на котором и расположилась основная часть поселка. Он скошен к югу, свидетельствуя о преобладающем подходе волн и течений от северных румбов. Песчаный материал здесь накопился в огромных количествах, и он возник не при разрушении острова, а явно подан со дна волнами. Значит, море как создавало Мухерес и соседние острова тысячелетия тому назад, так и продолжает это делать до сих пор. Жаль, что не узнаю, чем сложен знаменитый Косумель. В туристских рекламах написано, что этот большой остров — рай для аквалангистов: дно там буквально заросло крупными кораллами и налицо шикарный набор любых морских обитателей, включая акул.

Маршрут по берегам совершенно разогнал сон, и после трапезы мы опять пошли бродить вместе с Роберто. Его плохое настроение улетучилось, тем более что я согласился отобедать в экзотической таверне «Дары моря». Там после обычной ухи дали действительно великолепные креветки и аппетитные ломтики осьминога. Стены таверны были украшены крупными раковинами и разными морскими редкостями. Сидя за пивом, мы долго рассматривали наиболее эффектных представителей карибской фауны и расспрашивали хозяина, как и где их поймали. Оказывается, Роберто делал это не без умысла. Расставшись со мной, он побывал на спортивной станции и договорился, что нам завтра утром дадут пару аквалангов. Больше

того, здесь же он нашел прокатную станцию, на которой можно взять мотоцикл. День обещал быть интересным.

А под конец мы забрели в «Сан-Силь-Ха», самый высокий отель на северном конце острова (на языке майя — «чистая вода»). Усвоив местные манеры, я лихо облокотился на стойку, взял виски-сода и стал любезничать с черноокой барменшей. А надо сказать, что к тому времени ввиду жары мы успели забежать домой и облачиться просто в трусы и майки. Внимая моей смеси испанского с английским, барменша стала гадать, кто я по национальности, а Роберто ее всячески «поднабивал».

— Югослав? — Нет.

— Ирландец? — Нет.

— Араб? — Тоже нет.

— Думаю, что из моей страны я у вас первый! Я из Москвы — русский!

Креолка расплылась в улыбке и захлопала в ладоши:

— Вот и ошиблись! У нас в прошлом году был великий знаменитый поэт Евгений Евтушенко. Я вам сейчас покажу его запись!

Барменша зашла в соседнее помещение и вынесла красиво оформленный альбом. Оказывается, Евтушенко владеет испанским. Я с трудом прочел его хвалебную запись (в прозе) и узнал из нее, что мою собеседницу зовут Дульсинья. Мне пришлось писать дважды: по-русски и по-английски, и я, конечно, постарался превзойти предшественника в комплиментах.

Мотоцикл на следующее утро понадобился вот зачем. Инструктор нам объяснил, что коралловые заросли сохранились только на южном конце острова. Со стороны пролива на дне только песок и луга морской травы талассии. Здесь можно насобирать морских звезд и встретить крупную кагуаму, но не более.

В открытом море катилась крупная зыбь, и погружаться там без специального баркаса было бы рискованно. Десять километров с аквалангами пешком не пройдешь, и оставался

единственный выход — мотоцикл. Впервые в жизни водружался я на заднее сиденье, да еще с тридцатикилограммовой ношей на спине. Даже обнять своего Роберто я не мог, а держался за его бедра. На ухабах пришлось утыкаться носом в легочный автомат второго акваланга, висевшего за его спиной. Однако доехали мы благополучно, затолкали мотоцикл в кустарник и выбрали место для погружения, где накат был потише.

О коралловых рифах мне приходится рассказывать не первый раз. Ужасно трудно избежать повторений. Начну с обстановки. Низкие облака. Туманно. Свищет прохладный вестер. Линии серо-голубых волн изгибаются в результате рефракции, и можно выбрать участки, где пенный гребень не грозит опрокинуть аквалангиста. Берег здесь не столь изрезан, как со стороны открытого моря, и место можно считать даже уютным. Кругом ни души. Сразу от берега по каменистым откосам вскарабкалась чаща кустов вроде дрока, но, как и все здесь, с колючками.

Раздеваться холодно. Было бы даже страшновато, если б не достаточный опыт в такого рода делах. Роберто, как здешний, пошел первым, я — гость — за ним. На дне картина обычная: кавернозный бенч на известняке и пучки нитевидных водорослей. Но вот первый коралловый куст — бурые акропора пальмата точно такие, как на Кубе. Многие ветки отломаны, очевидно, здесь часты подводные туристы. Идем ниже. Появились наросты и шишки массивных кораллов; на них сидят морские ежи, рядом красные асцидии¹¹, за ними губки. Настоящие заросли начались метров с четырех глубины. Красоты здесь представлены в изобилии. Гибкие кораллы (горгонарии) покачивались в такт волне. Широко разрослись куртины белых филигранных акропора цервикорнис (оленерогие). К окаменевшим выступам припаялись «мозговики» и «фунги». В ветвях кораллов при нашем приближении прятались нежные рыбки, соперничающие между собой в сложности узоров и яркости окраски.

Однако любоваться всем этим было некогда. Ширина под-

водного рифа составляет здесь не более пары сотен метров, а потом начался песок. Выходов коренных пород обнаружить не удалось. Я дал сигнал Роберто подняться на поверхность. Его недовольная физиономия расплылась в улыбку, когда я предложил бросить это скучное занятие и рискнуть выйти на открытое взморье.

— Пешком или по воде?

А ведь это хорошая идея! Чтобы не рисковать ободрать себе шкуру на колючих береговых камнях, лучше нам оплыть ближайший мыс. До него недалеко — десять минут «ходу».

— Файн,— крикнул я Роберто, махнул рукой в направлении мыса, нахлобучил на глаза маску и взял в рот snorkель¹². Он сразу понял, в чем дело, одобряюще поднял вверх большой палец и пустился за мной.

Плыли мы дольше, чем рассчитывали. Нас стало качать на волнах открытого моря, стал слышен рев прибоя, а обернувшись, можно было видеть у берега высокие взметы волн. Да, там не вылезешь!

Сейчас мы были метрах в ста за линией забулавания.

Я тронул своего спутника за плечо: «Попробуем здесь?» Роберто кивнул и сразу перевернулся, вскинув вверх ноги, чтобы быстрее идти на дно. Глубина оказалась метров пятнадцать, и я отстал, как обычно, ибо уши мои медленно приспосабливаются к повышению давления и болят. Несмотря на сильную волну, вода оставалась кристально-прозрачной — опять полное сходство с Кубой. Вдали мелькнула парочка барракуд. Встретил старых знакомых! На дне виднелись неровные глыбы, а промежутки между ними были покрыты песком. Когда я опустился, Роберто показал мне крупного жигого стромбуса, но что с ним потом делать?

Меня больше интересовала сама порода. Как узнать, что это: золианит или выходы эоценовых известняков? Пришлось долго шарить по дну. Мы спустились еще метров на пять глубже и плыли теперь над ноздреватой плитой. Но нигде не было выступающих обломков, которые были бы доступны аквалангисту без тяжелых инструментов. Помню, на Кубе мы в таких

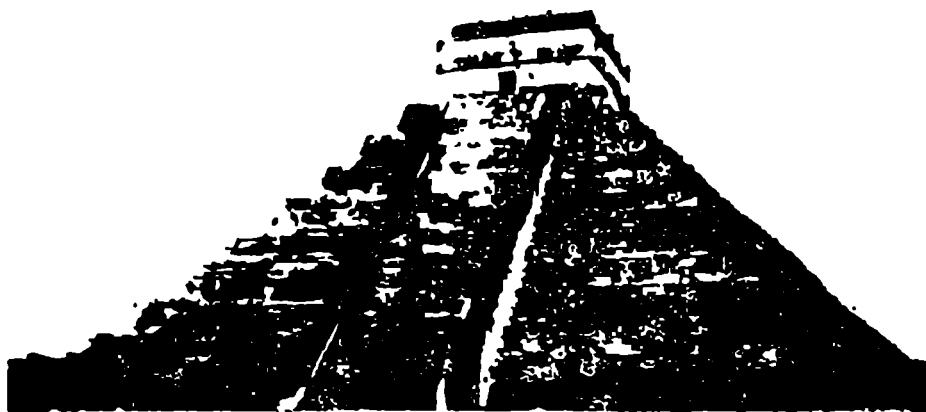
случаях орудовали маленьким ломиком, ибо молотком размахивать на две бесполезно: он слишком легок.

В надежде встретить изъеденные выходы породы я повлек Роберто обратно к самым бурунам. И мы вторично проплыли над коралловым «чапарралем». На мелководье акваламнистов стало волочить то в одну сторону, то в другую. Рукой ухватиться было не за что, и дальнейшее пребывание в море стало бесполезным и неинтересным. Ни ракушек, ни подводных гротов, ни акул (слава богу!). Манометр показывал, что скоро пора выходить. Пришлось всплыть, зажать зубами споркелли и не торопясь возвращаться к нашему приюту, где спрятаны мотоцикл и пожитки.

И все же, несмотря на неудачу, оба остались довольны. Для Роберто это был первый спуск в текущем году, а я не бывал на дне целых три года. Море, особенно при таком тесном с ним общении, даст громадный заряд бодрости и оптимизма. Перестал чувствоваться холод утреннего бриза, и исчез холодок в наших отношениях. Да, это действительно здорово, что мы сюда вообще попали!

Даже голова стала работать лучше, и, трясясь на мотоцикле, удалось четко представить себе общую картину строения побережья. Почему Юкатан асимметричен? На севере и на западе — громадные мелководья, а здесь до тысячеметровых глубин рукой подать. В основе различия лежит тектоника. Глубочайшая котловина Карибского моря оконтурена сбросами, и один из них обрезал с востока юкатанский шельф. Могучие волны океанического типа получили к берегу свободный доступ и за весь четвертичный период, а может еще в неогене, выбрасывали к берегу карбонатный материал, преимущественно оолитовый, вырабатывавшийся здесь же, на узких мелководьях. Этот процесс всего энергичнее происходит в фазы изменения уровня моря. В одну из них и возникла дюнная гряда материкового берега, а потом, когда уровень снова упал, море стало громоздить вторую серию гряд, от которых остались лишь обломки в виде нескольких островов. Это напоминает условия Кубы, только там мелководья несравненно шире.

Сейчас уровень, видимо, стабилен, а может, «фабрика извести» не выполняет плана из-за менее благоприятных климатических условий. Так или иначе, море стало разрушать им же созданные (с помощью ветра) структуры. Вдоль восточного берега Мухереса высота клиффов меняется много раз. Интересно, что море режет сейчас то передний край дюны, то ее бывший гребень или, наконец, уже тыльную сторону. Можно было продумать и еще ряд деталей, но мотоцикл уже мчался по пыльной улице поселка. Роберто посадил меня у отеля, а сам отправился расплачиваться на прокатную станцию.

Х. ДО НОВЫХ ВСТРЕЧ, ДРУЗЬЯ!

Роберто во что бы ни стало хотел попасть на ленч в отель «Майяленд», что у самого входа на городище Чичен-Ица. Поэтому выехали мы рано и не делали остановок целых 250 километров. Некоторый интерес для географа быстрая езда по прямому шоссе имеет, но лишь в том случае, если по пути происходит заметная смена ландшафта. В данном случае это был переход от влажных лесов Кинтана-Роо к сухим чапарравидным джунглям штата Юкатан. Из кабины я мысленно намечал места, где географу были бы нужны остановки, чтобы собрать образцы растений, взять разрезы каштанового цвета почв типа терра-росса¹ или исследовать обнажения известняков и карстовые формы.

Проезжали мы останцовый бугристый карстовый ландшафт, и здесь я заметил два или три широких природных «колодца» прямо с машины.

— Роберто, остановитесь, пожалуйста, это кажется сеноте²; я о них читал, но никогда не видел.

— Конечно, сеноте, сэр, но сегодня вы увидите самые лучшие из них, куда древние майя сбрасывали людей в жертву богам.

— Зачем мне ваши боги? Я хочу увидеть природные формы...

Пока шел диалог, мы пролетели метров сто, и разворачиваться было уже бессмысленно.

«Майяленд» оказался фешенебельным отелем, но его пять этажей не высывались за кроны окружающих деревьев и вовсе не портили картины городища. В холле отеля священнодействовали служители в своеобразных униформах — сочетание вполне европейских брюк с цветными балахонами а-ля майя, и уж совсем древними аборигенками выглядели ресторанные кельнерши в прямых белых рубашках ниже колен, вышитых яркими узорами, такими же, как на фресках и рельефных орнаментах храмов Чичен-Ицы. Кстати, все эти девушки отобраны из местных уроженок (майя), освоивших не только испанский, но и английский язык.

Роберто прислушивался к застольным разговорам, а после, когда приняли наш заказ, успел познакомиться с какими-то девушками. Пока он убегал, я в уединении любовался гигантской, во всю десятиметровую высоту стены, фреской: красочным изображением древнего города майя и страшных богов, витающих над ним в фиолетовом небе.

Вторично Роберто покидал меня в интервале между первым и вторым блюдами; когда подали кофе и мороженое, я их быстро заглотал и стал проситься на выход.

— Сэр, ну зачем нам торопиться? Времени впереди много, а здесь так приятно! Тем более что я заказал себе еще виски-сода...

— Скажите, в какую сторону мне идти, и я буду вас ждать у главной пирамиды.

От отеля до входа в городище оказалось не более четырехсот метров. Но еще раньше впереди над деревьями выросла

вершина гигантской пирамиды, увенчанной квадратным храмом. Пирамида возведена на широком ровном пространстве, а поодаль от нее располагаются еще несколько крупных построек и обширная колоннада. Около часу пришлось ждать Роберто, и все это время я боялся далеко отойти, чтобы он меня сразу нашел.

Появился мой спутник слегка навеселе в окружении полупьяной компании молодежи. Фамильярность его новых знакомых коробила. Увидев в руках одного парня цветной буклет путеводителя, я попросил мне его одолжить и отправился один, сказав Роберто, что вернусь тоже не раньше чем через час.

— Ждите здесь, пока не проветритесь. В таком виде вам все равно нельзя садиться за руль!

Я бродил, сколько хотел, примыкал к экскурсиям, выслушивая хоть часть объяснений гидов, читал буклет и пришел в состояние полного опешмления. Невозможно было сразу даже дать себе отчет во всем виденном. В полном изнеможении я вернулся к пирамиде. Огляделся, заметил под деревьями ту же группу с Роберто, попросил прощения за то, что нарушаю столь приятный «альянс» (союз), и предложил ехать.

На окраинах Мерида удивляет обилие встряков. Они крутят небольшие насосы. Роберто рассказал, что само место города было выбрано из-за обилия небольших сеноте. Пока город был невелик, все водоснабжение происходило за счет местных источников путем откачки воды из небольших карстовых полостей. Лишь недавно провели водопровод за несколько десятков километров, но он обеспечивает лишь центральные кварталы.

Я попросился на базар, и там мы отыскиали палатки, в которых продают жуков. Было уже довольно поздно, и выбирать пришлось из самых последних. Жуки, сверкая пестрыми стекляшками, копошились в больших проволочных клетках.

После Чичен-Ицы колесить по городу мне не хотелось. Не лучше ли отправиться прямо в аэропорт, тем более что опять начался морозящий дождь.

— К ночи вы еще успеете добраться до острова Кармен, Роберто, давайте прощаться!

Где-то на пустыре я переоделся в приличный костюм. Вместе мы посетили оффис, узнали, что вылет состоится точно в назначенное время (восемь вечера), и опять вышли на улицу, чтобы достать чемоданы.

При расставании мы оба начали извиняться, каждый за свой характер, и широкая улыбка Роберто надежно свидетельствовала о его искренности. Взаимные благодарности были по-мексикански пышными и торжественными, рукопожатия крепкими, ироническая кличка «сэр» не произносилась, а главный подарок я получил под самый конец:

— Знаете, доктор Зенкович, я теперь совсем другими глазами смотрю на свою работу по острову Кармен и на все проблемы, о которых мы беседовали. Хотя сам я специально заниматься современными береговыми вопросами уже, конечно, не смогу, но литературу постараюсь изучить и буду с интересом ожидать результатов исследований Диего и его группы. И университетским нашим старшекурсникам посоветую вникать в эти дела поглубже. Ну, счастливый вам путь. Надеюсь, еще встретимся.

«Шевроле» развернулся, Роберто поддал газу, и через несколько секунд красные огоньки исчезли за поворотом.

Я вернулся в холл, купил журналы и уселся поудобнее на диване. Но все два часа ожидания и полтора часа лета в полной темноте из сознания не могли уйти чудесные видения Чичен-Ицы. Когда пришли испанцы, город был уже заброшен, как и большинство других крупных поселений майя. Почему это произошло, никто толком не знает. Ни в немногих сохранившихся иероглифических записях, ни в преданиях точных сведений не сохранилось. Считают, что главной причиной было истощение почвы в окрестностях на десятки километров.

Конкистадоры нещадно разрушали сохранившиеся постройки, сожгли пергаменты и увезли драгоценности, которые тогда удалось найти. Однако самое прочное сохранилось до

наших дней и ничуть не потеряло своего величия. Джунгли были расчищены уже в текущем столетии.

По широким ступеням можно подняться на террасу храма Воинов. Там сохранилось трехметровое изваяние человека в неестественной позе. Он полусидит, поджав колени и слегка откинув спину. Равновесие явно нарушено, и живой он, конечно бы, опрокинулся. Руками фигура придерживает на животе большое каменное блюдо, на которое якобы тоже клались сердца жертв. Голова резко повернута на бок, на лице сохранилось угрожающее выражение, а на голове — убор воина. Это Чок-Моол (красный ягуар) — бог зла и войны. Скульптура была создана тольтеками около десятого века (нашего летоисчисления), когда они временно покорили майя и заняли Чичен-Ицу.

В обе стороны от входа в храм тянутся колоннады, а за ними и чуточку направо колоннами окаймлена целая площадь метров двести в поперечнике. Она так и называется «группа тысячи колонн». Те внешние колонны квадратные, высотой около шести метров. Из них две первые выполнены в форме змей. На земле разверсты пасти с ядовитыми клыками. Собственно колонна — это тело змеи Кукулкана (так называли этого бога), а оперенный хвост наверху изогнут вперед, как жало гигантского скорпиона. На других колоннах сохранились полустертые изображения воинов в боевых уборах и с оружием в руках. В целом это производит поразительное до неправдоподобия впечатление.

В Чичен-Ице сохранилось и спортивное сооружение: площадка для своеобразного футбола, а вернее, только трибуны вокруг нее. Воздвигнуты были две каменные, очень широкие стены около ста метров длиной. Ширина самой площадки между ними не превышает двадцати пяти метров. Соревнующиеся команды должны были бросать мяч сквозь небольшое металлическое кольцо, прикрепленное у верхушки стены. Мяч был из сырой резины. Игры происходили во время религиозных празднеств. Я не уяснил, давались ли чемпионам призы,

по капитана проигравшей команды, увы, приносили в жертву богам.

В четырехстах метрах от «стадиона», среди густого леса, расположено крупное сеноте. Оно представляет собой вертикальный колодец, вырезанный природой в слоистых эоценовых известняках. Диаметр колодца — около шестидесяти метров, высота стенок до воды — двадцать пять метров, и глубина — еще десять метров. Дно илистое.

Когда, держась рукой за ветку дерева, нагнешься над краем, то снизу на тебя смотрит зеркальная поверхность бурой, но не мутной воды, по которой плавают желтые листья и водяные гиацинты.

Епископ Диего де Ланда, сопровождавший конкистадоров, записал в своем дневнике: «У них (у майя) был обычай сталкивать в этот колодец людей живыми как жертву богам в период засухи. Они бросали туда также много разных вещей, и в том числе драгоценные камни».

Столетиями никто не отваживался проникнуть в жертвенный колодец. Лишь в начале века американский консул в Мериде, некто Томпсон, купил участок земли, включавший городище вместе со знаменитым сеноте. Он привез из Штатов драгу, установил ее на блоках и приступил к «промыслу». Согласно тогдашним законам, никто не мог помешать делать на своей земле, что ему вздумается, и вывозить на родину собранный «урожай». И Томпсон вывез тыщи предметов, ныне украшающих музей Гарвардского университета. Среди них были керамические изделия, символические фигурки людей и животных, украшения из нефрита, меди и даже золота. Лишь совсем недавно всего 94 экспоната были переданы в дар Мексиканскому национальному институту антропологии.

Но эта история имела свое продолжение. В 1960 году мексиканские ученые и любители-аквалангисты решили сами попытать счастья и извлечь то, что не удалось Томпсону. На поверхность воды была опущена плавучая платформа, а на ней смонтирована установка «эр-лифт»³. Компрессор подает воздух к подводной оконечности гибкого шланга диаметром около

двадцати пяти сантиметров. Шланг направляют на разные участки дна аквалангисты. Мощная струя воздуха всасывает воду, ил и любые предметы, находящиеся в его толще. Между прочим, подобный метод применяется при углублении морских каналов.

Попытка оказалась успешной. За несколько месяцев работы были добыты тысячи мелких предметов, включая отдельные человеческие кости. Среди предметов были идолчики из дерева и резины, множество украшений, бус, полированных камней и даже несколько золотых бляшек.

Пока исследован лишь поверхностный слой ила. Планируются новые экспедиции с более мощным оборудованием. Ил не будет сбрасываться обратно в воду; его станут извлекать из колодца, с тем чтобы докопаться до более глубоких слоев.

Колодец навевал своим прошлым довольно мрачные мысли. Поэтому я с радостью пробрался обратно по тропе на залитую солнцем площадь вокруг пирамиды и успел бегло осмотреть еще до десятка сохранившихся построек и руин. Как жаль, что так пренебрежительно я отнесся к храмам Теотнуакана и так мало успел осмотреть в Ушмале.

Последняя неделя перед отъездом всегда бывает самой трудной. С каждым знакомым нужно успеть побеседовать, что-то обещать, за что-то поблагодарить. А время занято подготовкой доклада, составлением отчета, оформлением документов. В короткие перерывы между работой я снова обошел большинство лабораторий и отделов института, и везде начинали расспрашивать о впечатлениях и результатах последней поездки. Я так уставал, что мог теперь засыпать даже под фортиссимо транзисторов, которые продолжали по ночам насильствовать мои соседи-студенты.

Последовали приглашения в дома, и от некоторых отказаться было невозможно. Диего и Эстела фиксировали день приема в новой квартире. Просил «оказать честь» Айала-Кастаньярес. Я дал согласие также Иштвану Барошу — весьма

эрудированному геологу, с которым раньше часто общался. Остальные прощания происходили прямо в институте.

Из-за нехватки времени я смог попасть к Иштвану только на ленч. Он живет недалеко от университета, на северном краю базальтового плато, и езды туда не более десяти минут. В машине Иштван кратко обрисовал ситуацию. Он недавно женился на индианке племени сиу, родом из Соноры. Три года назад она овдовела, имея троих детей. Муж ее был инженер, совладелец фирмы и достаточно богатый человек.

Вот увидите, какое он оставил бунгало своей «скво», сам построил...

Не скрою, что при въезде мелькнула нехорошая мысль: а не на бунгало ли Иштван, собственно, и женился? Ворота чугунной решетки он не открывал, а въехал, отомкнув ключом примыкающий к ним гараж, и уже оттуда мы проникли через внутреннюю дверь в сад из цветущих деревьев. В небольшом пруду цвели гиацинты. Поодаль в саду высились одиночные базальтовые скалы. На их черном фоне контрастно алели цветы колорин. А сам дом? Это двухэтажное (бетон, стекло и дикий камень) сооружение, скорее, походило на дворец.

Индианка вышла навстречу, и супруги обнялись. После этого она подошла здороваться со мной, и тут все сомнения сразу рассеялись. Будь подобная ситуация лет на двадцать раньше, я бы сам за такой начал ухаживать.

— Мукпутль.— представилась она и на чистом английском языке добавила: — Очень рада вас видеть. Иштван много рассказывал о вас хорошего и интересного...

Ула, как ее называл Иштван, стройна, смугла и довольно высока. Одета она была в короткую серую юбку и синтетическую голубую блузку, которая тесно облегла фигуру. Глаза и волосы Улы по-индейски черны. Глаза крупны и широко посажены. Нос и рот небольшие и очень пропорциональны. Шарм придают высокие скулы в сочетании с правильным овалом нижней половины лица. Но ведь не в этих деталях дело! Главное — это ее живость, уверенность и мягкая, приветливая манера обращения.

Мы осмотрели комнаты нижнего этажа, а ленч был сервирован на веранде. За время ленча я успел выяснить, что Мукпутль свободно владеет шестью языками (из них три местных), преподает в университете французский и работает в газете литературным критиком. Кроме того, и сама пишет. И опять-таки не в этих анкетных данных дело! Талант и артистизм человека проявляются во множестве черт поведения, в живой беседе, в грации движений, а у женщины — и в общем облике жилища. Вы думаете, легко обставить дом из девяти больших комнат, да так, чтобы они были одновременно и разными и однотипными? Изящество вкуса проявилось в экономном подборе и расстановке мебели, в оформлении букетов живых цветов, в расположении украшений.

И здесь первое, что мне пришло в голову, — это спросить, не бывала ли Ула в Париже?

— Бывала трижды, очень его люблю, но, увы, это было давно, еще при покойном муже. А почему вы спрашиваете?

— Представьте, чем-то напоминает квартиры некоторых моих друзей. Просто, красиво и строго.

— Лучший комплимент. Благодарю вас. Однако здесь велико влияние Иштвана.

— Допускаю некоторое влияние, но основа ваша. Удивляюсь, как вам на все хватает времени. Ведь от троих ребят должен всегда возникать беспорядок.

— В детских беспорядка полно, но ребята соблюдают демаркационную линию. А потом их почти весь день нет. Днем в школе, а потом играют в саду. Уроки делают у себя.

После ленча Мукпутль оставила нас одних на другой веранде, чтобы мы могли поговорить о делах. Это было как раз накануне моего доклада о результатах исследований, и мне хотелось выяснить, что будет интересовать слушателей. Однако беседа пошла по другому руслу.

Я спросил:

— Как вы сюда попали и хорошо ли здесь работать?

Родители Иштвана Бароша покинули Венгрию еще до войны, при хортистском режиме. В Штатах Иштван учился,

в Штатах начал работать, поскольку его родители после установления на родине фашистского режима приняли американское подданство. По-видимому, он не был стеснен в средствах. Несколько раз Иштван бывал в Европе и на родине и даже один сезон работал в Альпах по своей теме. Однако вернулся в Штаты, а на Мексику набрел случайно. Анализируя структуру Кордильер, он стал ее прослеживать к югу от границы США. На Международном геологическом конгрессе в Мексике в 1956 году еще молодым исследователем он выступил со своим первым докладом и завел дружбу с местными геологами. Через несколько лет он стал уже известным тектонистом. его пригласили сюда на год читать лекции, а потом предложили работу.

Пришла Мукпутль и деликатно напомнила, что в институте уже кончился обеденный перерыв.

А итог беседы Иштван подвел уже в машине:

— Теперь вам понятно, почему я в Мексике и почему она стала для меня третьей и последней родиной!

— Извините, родина у человека одна!

— Ох, не так это все просто, профессор. Короче говоря, я здесь закончу свои дни и, надеюсь, с пользой. След в науке останется.

— Иштван, а в Будапешт вам не хочется? Вы знаете, я жил там несколько дней в прошлом году на улице Алкотмани, что сзади парламента. Выйдешь, бывало, на Дунай, и дух захватывает. Оттуда видны все мосты, а на той стороне, на холмах, собор Матяша, крепостной дворец...

— Ну вас к черту, профессор, не надо больше об этом...

Из Мерида я привез шесть жуков; каждый в пластиковой прозрачной коробочке с дырками для вентиляции и с кусочками тропических гнилушек. Несколько раз в день я им устраивал проветривание, вдувая воздух резиновой грушей, которую всегда вожу с собой для сдувания пыли с просветленной оптики фотоаппарата. Выпускать их гулять не было времени,

да к тому же они были излишне активны в эти первые дни. Чуть промедлишь, как ищи одного за диваном, а другой забьется в щель под дверью.

Трудно было выделить из них трех жуков для Эрика Газиева: лучшие хотелось оставить себе. Я отбирал их по цветам и по резвости. В Москву со мной поехали маленький с берилловыми камушками, ярко-красный («рубиновый») и крупный мощный жучище (четыре-пять сантиметров длиной) с мозаикой из жемчуга и синих «сапфиров».

Забегая вперед, расскажу, что с ними было дальше. На борту самолета три коробочки я держал в портфеле и не открывал. В багаж их сдавать нельзя, ибо вещи следуют в отсеке, где якобы холод минус 50 градусов, а давление соответствует наружному на высоте девять километров.

В Париже несколько дней жуки провели на каминной полке. Веселые консьержки отеля «Дюплекс», принося утренний завтрак, долго ахали, восторгались и просили рассказать подробности: где купил, где они живут, что едят и прочее? Боюсь, что они забавлялись живыми брошами и во время уборки комнаты, когда меня не было дома. Возвращаясь, я замечал, что всегда что-то было сдвинуто в моих трех коробочках, а раз даже жуки непостижимым образом поменялись местами.

Вечерами (как это ни покажется для Парижа странным) я сидел дома, ибо днем очень уставал. И вот тут-то жуки являлись для меня живыми кусочками Мексики. Ведь мы помнили с ними одни и те же места! Я выпускал их сначала на каминную полку, рассчитывая на свойственное крупным жукам благоразумие. Но уже на другой день красный жук свалился и со всем весом своих шестнадцати камней звучно треснулся о мраморную плиту на полу. Боюсь, что это падение явилось для него роковым.

В Москве жуки получили в распоряжение большую фаянсовую салатницу и место на окне в кухне. Двое неустанно и тщетно скользили, пытаясь выбраться по гладким стенкам, а красный был вял и пребывал в дремоте. Кусок мексиканской гнилушки заметно уменьшался, принимая обтекаемую форму,

так как жуки объедали преимущественно его углы и выступы. Как результат их деятельности наутро появлялись на дне крошечные деревянные колбаски.

Первые дни после возвращения, как всегда, было масса хлопот и неотложных дел и у меня, и у родных. В такие периоды не до «козявок». Но уже через неделю Надя (моя жена) из гуманных чувств захотела оказать красному посильную помощь. С целью диагноза она изучила его в лупу и смогла установить, что левая челюсть начисто сломана, а правая сильно повреждена. Он явно не мог грызть дерево.

Надя истерла небольшой кусок гнилушек на обычной терке, чуточку его намочила и скатала в комочек. Красного отсадили от собратьев и начали следить, ест он или нет. Однако ничто не помогало, и к концу апреля он тихо угас.

В доме у нас отродясь не водилось никакой живности и, может быть, поэтому все неистраченные симпатии семьи обратились теперь на обитателей мексиканских джунглей. Да не только мы сами — многие друзья, которые их видели, справлялись по телефону, живы ли «братья Жуковы» и как себя чувствуют.

Почти ежедневно мы их выпускали на балкон. Жуки проворно бегали по пальмовой циновке, взбирались на цементные стены и забивались в щели. «Альпинистам» мы снизу стелили мягкие тряпки, чтобы они не разбились при падении. Цепкость жуков была поразительной. Они ухитрялись преодолевать карниз по нижней грани выступа. На отвесном крае подоконника жуки, не доверяя зрению, становились на дыбки и щупали воздух передними лапками.

Вскоре мы стали замечать различия повадок и темпераментов. Жук синий был серьезен и нетороплив. Он часто останавливался, «думал», осматривался и целеустремленно двигался дальше. Жук берилловый, поменьше ростом, как только чувствовал, что кругом нет скользких фаянсовых стенок, опрометью пускался куда попало, потешно виляя всем туловищем. Его можно было приподнять, повернуть в обратную сторону, и он опять устремлялся без разбору в новом направлении.

Жук синий по вертикальной стене настойчиво лез только вверх. Зеленому явно было все равно куда, лишь бы ползать. На стенках он мог карабкаться вверх, но, встретив препятствие, заворачивал, спускался, и так несколько раз.

Оба боялись рук и не желали ползать по человеческой коже. Просто поджимали лапки, и все. Зато с удовольствием бегали по ткани, особенно по шерсти. К веткам и цветам были равнодушны.

Летом мы с Надей уезжали больше чем на месяц и уже не рассчитывали застать в живых своих питомцев. Но нет, все в порядке. По-прежнему ползают, но уже перестали пытаться вылезти из салатницы. Родственница, которая навещала дом, гулять их не выпускала, она нагромодила жукам кучку чурбачков в середине салатницы, а заветную мексиканскую гнилушку водрузила наверху. Таким образом, некоторый моцион был им обеспечен.

Беды начались с осени. Сентябрь был холодный, а в доме не топили. Гнилушка уменьшилась до размеров желудя и вся обызвестковилась. Дело в том, что еще в Мериде продавщица рекомендовала гнилушку иногда смачивать арбузным или иным соком или просто водой. Вода в Москве жесткая, и даже земля в цветочных горшках покрывается известковой корочкой. Жуки стали есть заметно меньше. Но они все еще жили и охотно гуляли уже не на балконе, а по полу в кухне.

Пришлось бороться с суровыми условиями. Днем под салатницу подсовывали резиновую грелку, но за ночь жуки буквально окоченевали, и их приходилось брать в руки. Они уже перестали бояться кожи и щекотно цеплялись за нее коготочками так, что могли ползать даже по нижней поверхности руки.

А в Мексике всю последнюю декаду апреля шли мои приготовления к отъезду. Сегодня утром в коридоре института мы нос к носу столкнулись с Роберто. Откуда он здесь?

— Сломали буровую коронку. Придется заменить. После-завтра назад. Пока работают запасной. Доктор, я так рад, что

вас встретил. Приходите завтра к нам обедать. Мне хочется с вами поговорить последний раз.

— Не могу, дорогой. На завтра я дал согласие Диего. Вы уже были у них на новоселье?

— Не имел удовольствия.

— А если я спрошу у Диего? Удобно ли это? Может быть, вы с Мануэлой тоже пришли бы?

Роберто сделал довольно кислую мину.

— Не знаю, доктор. Мы ведь не особенно большие друзья с Диего. Да и беседовать будет трудно.

— Это почему же? Мы столько раз сидели в вашем институтском кабинете и у него тоже и обсуждали любые вопросы.

— По репликам Диего я не уверен, что он все тогда понимал. Он ведь не особенно силен в английском, хотя старается этого не показывать. Он будет вам твердить «О'кэй, доктор», хотя при этом может и не разобраться в том, что ему сказано или поручено. Вы не замечали?

— Иногда, в мелочах. Но думаю, что это скорее от моего плохого знания языка. Ведь и с вами у нас возникали недоразумения.

Здесь я постарался хитро улыбнуться и даже подмигнул своему юкатанскому спутнику.

— Роберто, другой возможности поговорить с вами у меня нет. Выбирайте. А кроме того, мне кажется, что вам нужно с Диего теснее держаться друг друга. Ведь вы в науке теперь единомышленники.

— Согласен прийти, но только потому, что хочу поговорить с вами. И еще одно условие. Пусть Диего пригласит кого-нибудь из числа старших сотрудников.

— Зачем?

Роберто на минуту замаялся.

— Вы, доктор, многого не понимаете. Не всем в институте может понравиться наша с вами дружба. Нужно, чтобы все общие разговоры были известны. Мне неприятно об этом вам сообщать, но так всем будет лучше.

Мне оставалось пожать плечами и задуматься. Ни косых взглядов, ни колких замечаний в мой адрес в институте никогда не было. Имеет ли намек Роберто под собой реальную почву?

— Хорошо, когда придет Диего, я у него спрошу, и он сам вам даст знать о своем решении.

Значит, не так-то просто обстоит дело с моим пребыванием здесь. Возможно, Айала преодолевал чье-то сопротивление. Я молча прошел к себе, сел и стал перебирать в уме множество встреч и разговоров. Никто не задавал провокационных вопросов. Все были откровенны, радушны, проявляли заботу, а также большой интерес к моим делам. Что-то скажет Диего? Ведь им придется вместо одного гостя принимать четверых...

Как это ни странно, но Диего, по-видимому, был доволен; показалось, что не столько предстоящему визиту четы Посада, сколько предложению иметь на встрече «нейтральное лицо».

— О'кэй, доктор, пусть придет Кармен Шлепфер, если она свободна. Ведь вы с ней в хороших отношениях?

Я заранее купил цветов. Диего заехал вечером на «форде» и доставил меня в восточную часть города, на авениду Рио-Чурубуско. Недавно отстроенный большой дом имел довольно сложную конфигурацию с выступами и переходами. Квартира Диего расположена на девятом этаже. Шлепфер была уже там и хлопотала с хозяйкой на кухне.

Я невольно улыбнулся, вспомнив наши с Эстелой разговоры в пальмовой роще у моря, когда я упомянул мисс в качестве примера женщин в науке. Худощавая Кармен за рубежом своих сорока лет заведует отделом седиментологии. Как и другие в институте, он весьма малочислен. Под ее началом работает всего три человека. Видимо, она хороший «полевик». Об этом свидетельствуют легкость движений, простота в костюме и привычная желтизна загара на лице. Я смотрел составленные ею геологические карты и читал хорошую работу о физико-геологических процессах в северо-восточной части Мексики.

У нас быстро обнаружились общие интересы, и мне при-

шлось много рассказывать Кармен о том новом, что сделано в СССР по проблеме формирования лагун. Кухня не вполне подходящее для этого место. Однако и здесь Кармен пыталась продолжать научную дискуссию, если бы не Эстела, которая торопилась показать свое новое «богатство» и не особенно вежливо ее перебивала. Из трудного положения выручил звонок в дверь, и вслед за тем я услышал голос Роберто:

— Хэлло, Диего, показывай нам свою пещеру!

Мануэла появилась в очень пестром платье — пероглифизированный мексиканский орнамент на ткани, подобной той, что соблазнила меня в Масатлане на базаре.

Все́й группой мы потратили минут десять для осмотра квартиры, за которую молодой Диего закабалился на двадцать лет. В двух словах: пять комнат общей площадью 80—90 квадратных метров, две ванны и, кроме того, обширная кухня.

Спаленок оказалось три, но только одна пока имела жилой вид.

— А эта для гостей? — спросил я с недоумением.

— Нет, в этой будут спать мальчики, а в той девочки. Мы хотим иметь не меньше четырех детей.

Выйдя на балкон, мы обозрели почную панораму ближайших крыш, а далеко на горизонте мерцали при луне знакомые «Попо» и «Спящая леди». Не последний ли раз я их вижу?

В квартире было почти пусто. В кабинете Диего стоял лишь один стол и большая книжная полка. Остальные книги стопками примостились в углу. В холле (гостиной) были сдвинуты столы обычный и кухонный, а вместо двух недостающих стульев водружены ящики, покрытые кусками драпировочной ткани.

Был ужин, две бутылки вина и одна текила; был общий оживленный разговор (смесь испанского с английским), тосты, поздравления, пожелания «фаруэлл» * в мой адрес; потом завели радиолу не для танцев, а так, для шума, и наконец мы трое уединились в кабинете для научной беседы.

* Счастливого пути (исп.).

Еще за столом я внимательно наблюдал за поведением своих питомцев. Казалось, что Диего чувствовал себя несколько смущенным в обществе Роберто и Мануэлы. Те же, наоборот, говорили громко, иронизировали в адрес юной четы и заливались показным смехом. Роберто демонстративно ухаживал за Шлепфер, а ко мне опять обращался «на уровне сэрвов». Эстела, как всегда, вела себя тактично и старалась сглаживать некоторые резкости. Мануэла осматривалась с затаенной завистью и неумело пыталась помогать молодой хозяйке. Да, в дружеских отношениях эти две пары не были и не будут. Больше того, Диего и Роберто явно ревниво относились к успехам друг друга, и взаимопомощь между ними невозможна.

Когда мы усадились у письменного стола, я спросил тихононько:

— Сеньорес, а не пригласить ли нам Кармен, как старшую?

— Да нет, теперь не нужно. Оставим дверь открытой.

Роберто коротко рассказал о результатах нескольких бурений, выполненных, пока мы ездили на остров Мухерес и за последние дни до поломки наконечника. В двух случаях бур вошел в толщу лагунного ила на глубине около двадцати метров. В нижней части песчаной толщи, даже в керне, была видна резко наклонная слоистость.

— Раньше, доктор, я бы подумал, что это результат тектонических нарушений, но теперь мне ясно, что бур вошел в «передовые слои» нарастающей косы. Она перегораживала пролив. Но ведь в современных проливах нет ила. Там грубый песок. Вот это не понятно.

— Ничего нет проще, Роберто. Вы забыли о признаках смещения всего тела косы в сторону лагуны. Мы и сейчас видим этот процесс. Коса лежала севернее, а под ее прикрытием, как и сейчас, были мангры и болота с илом. Думаю, что мощность этой толщи невелика и, может быть, вам ее удастся пройти и достигнуть уже морских песков, таких, как сейчас на взморье. Если будет так, напишите мне об этом. У вас получится интереснейшая работа.

Деловые вопросы Роберто исчерпались быстро, и наступила минутная пауза. Диего барабанил пальцами по столу; я встал посмотреть книги. Пауза затягивалась...

— Амигос, через два дня я улетаю. Скажите откровенно, выполнил я свою миссию? Заинтересовались вы новым направлением исследований? Ну, Хоакин, например, понравилась ему новая область знаний или он так и будет сидеть на своей петрографии? Поняли вы, что такие работы можно вести только группой, а одиночки, даже с буровым станком, сделают очень мало? — и я дружелюбно положил ладони на плечи им обоим. — Вот если бы вы выступали как пара, дело бы пошло...

Ответ Роберто:

— Доктор, вы были здесь слишком короткий срок и потеряли почти месяц на изучение статей и отчетов, не имеющих отношения к вопросу. Я прочел все ваши рекомендации. Они понятны в основном нам с Диего потому, что мы ездили и видели все вместе с вами. Но это было очень мало. После вашего доклада я говорил с Гарсия Кубас, с Кордобой и с другими. Знаете, что они думают? Они говорят, что в Штатах такое направление не известно и никто им не занимается. Нужно ли оно нашему институту? Не лучше ли ограничиться лишь теми вопросами, которые записаны в контракте с Управлением промыслов по спасению креветок, тех, что вам так нравятся? Боюсь, что так и получится...

— Читают ли ваши ученые «Амэрикан джорнэл оф сайенс» или «Сайенс прогресс»? ⁴ Там за прошлый и за этот год опубликованы рецензии Шепарда и Вуда на английский перевод моей монографии. В них говорится, что изучение динамики береговой зоны, как оно ведется в нашей стране, есть совершенно новое и очень нужное направление. А кроме того, Кёрррэевские работы — ведь это то же самое, но в историческом разрезе. Не понимаю, зачем нужно ждать, пока ваши соседи примутся за дело, а не начать его самим. Вы, научная молодежь, должны быть здесь инициаторами, а поддержку вам Айала обещал.

Ответ Диего:

— Я не разделяю пессимизма Роберто. Вами поставлены четкие и интересные задачи. В программе указаны методы и даже расчеты: сколько разрезов, где, сколько анализов. Средства есть. Хоакин не только сам хочет работать, но еще завербовал и старшекурсников. Роберто, хотя и не встанет на этот путь, но уже использует ваши построения. По его вопросам это видно. Мы с Эстелой проведем в Уатабампо все лето. Думаю, что будет «о'кэй»! На днях приезжал мой брат Оресто, гидротехник из Пуэрто-Тампико. Я ему рассказывал о вас. По его мнению, Мексике такие работы очень нужны и в портостроении, и для защиты берегов. Мы теряем миллионы песо от незнания местных условий.

Свою тираду Диего произнес отдельно и подчеркнуто громко. Оба коллеги сидели сейчас друг против друга, как нахохлившиеся петухи. На лице Роберто играла язвительная улыбка. Да, они тянут в разные стороны и никогда не сойдутся. Зашла Шлепфер:

— О, я слышу у вас оживленная научная дискуссия, не так ли?

— Нет, мисс Шлепфер, это шире, чем научная дискуссия. Это вопрос о том, какие интересы должны быть в науке на первом плане: мексиканские или ваших соседей.

Роберто резко встал:

— Уже поздно, сэр, нам пора. Разрешите вас еще раз поблагодарить и пожелать всего хорошего.

— Ну что ж, до новых встреч, друзья...

Мысленно я продолжал этот разговор на другой день в вилле Айала-Кастаньяреса. Все в его доме было ухожено, блестяло чистотой, а в десятиведерный аквариум с золотыми рыбками непрерывно подавались свежая вода и воздух.

Миссис Альма, жена Айала, холодная красивая испанка, внимательно за мной ухаживала, но была немного скованна.

Растрогал сам хозяин. Из холодильника он вытащил двадцатипятиграммовую баночку стерилизованной черной икры и с гордостью поставил ее на стол.

— Это последняя из тех, что вы мне подарили в Москве в 1966 году.

Наверное, Айала думает, что икру мы едим ежедневно и я должен был по ней соскучиться за три месяца.

И это было первый раз, что я видел Айала спокойным и неторопливым. После ужина мы уселись в креслах перед аквариумом в закутке у лестничного марша на второй этаж, и заключительный разговор начал мой партнер. Айала сказал, что отчет его вполне устраивает, о чем он напишет ЮНЕСКО, и что ученые института одобряют новое направление работ.

— Хотя,— добавил он,— трудностей предвидится много.

— Прежде всего нужны новые люди — молодые геологи, а в науку у нас идти мало кто хочет. Их прельщают высокие ставки в промышленности. Роберто — способный юноша, но он, видимо, покинет институт. Юкатанскую поездку я организовал с тайной мыслью о том, что он увлечется изучением береговой зоны, но боюсь, что вы не успели обратить его в свою веру. И вообще вы слишком мало у нас были. Ваш приезд я помню, как будто это было вчера. Надеюсь, так через год мы будем ждать вас обратно. Не возражаете?

— Трудно заглядывать вперед, Агустин. Многое может перемениться. В Мексике я чувствую себя как дома, но ведь на родине у меня очень много дел и забот по своим берегам. Давайте надеяться, что Диего справится с новой работой. Пусть он почаще мне пишет. Я согласен быть его заочным консультантом.

Мы сидели с полчаса, и к беседе примкнула Альма, но главное уже было сказано. Айала отвез меня на Калье-Медисина. Несмотря на поздний час, я стал укладывать последние пожитки. Стало немного грустно, как обычно бывает, когда завершается яркий этап жизни и работы. Эстудиянтес* продолжали бесноваться, но это уже не раздражало. Невольно я завидовал их молодости и хорошему настроению.

* Студенты (исп.).

В конце сентября 1969 года вернулся из Мексики Газиев, и, когда он позвонил, едва ли не первый мой вопрос был: живы ли жуки и нет ли у него запаса тропической гнилушки? Оказалось, что один жук сбежал еще в самолете, когда всю компанию поручили сынишке Арсену. Гнилушка на исходе, но они подыскивают суррогат.

Не удивительно, что в очередной выходной день мы везли «братьев Жуковых» в Солнечногорск, за шестьдесят километров. Волнующей встречи на столе, однако, не получилось... Обе пары проявили полное равнодушие друг к другу. Что касается питательного рациона, то газиевские жуки приспособились к русской кухне. Им понравилась обычная осиновая гнилушка. Нашим, как дали половинку, так они в нее впились и не желали отцепляться.

Проблема пищи на какое-то время была решена. Деревянные колбаски снова появились в салатнице. Для смачивания мы теперь употребляли только растаявшие ледышки из холодильника, и, казалось, все должно идти хорошо. Но тут мне пришлось ехать в экспедицию на Кавказское побережье, и в квартире никого не оставалось вообще. Пришлось жукам снова претерпеть самолет и обосноваться в номере пансионата «Пицунда». Взяли мы их еще и потому, что хотелось дать им подышать привычным влажным морским воздухом и погреться на солнце. С этой целью Надя брала жуков с собой и выпускала их на хвою и траву, подсовывала куски плавника, и, казалось, что беднягам на курорте действительно станет лучше.

Но вот неудача. Однажды, возвращаясь домой, Надя спохватилась, что забыла осиновую гнилушку. Вернулась вроде бы на то самое место, но гнилушки так и не нашла. Взяла с собой щепки от смолистых сосновых пней и куски просолившегося плавника, но жуки на них даже не заползали. Видимо, у них идиосинкразия к пахучему и соленому.

... Пришлось ехать в горы на озеро Рица и там насобирать гнилушек тополей и других лиственных деревьев.

Но на Пицунду осенью тоже надвигаются волны холода. В такие дни мы наливали две бутылки горячей водой и клали

в ящик стола. Между ними на шерстяной тряпочке располагались жуки. Разумеется, воду приходилось менять и ночью.

Сейчас уже кончается 1970 год. В салатнице живёт большой жук с синими камушками и жемчугом. Этот долгожитель бодр и активен. А два других смонтированы в непринужденных позах на дне плексигласовой шкатулки, и золоченая цепочка связывает их обоих посмертно.

В августе мы обратили внимание, что берилловый стал терять в весе и почти все время неподвижно дремал, поджав ножки. К ветеринару обращаться явно бессмысленно. Я посоветовался с сотрудницей Дарвиновского музея Валентиной Муцетони. Она пришла в восхищение и осмотрела бериллового в лупу. Никаких органических повреждений не обнаружилось.

— Наверно, возраст у него преклонный. Вы говорите, что приобрели его в марте 1969 года? Ну что ж, семнадцать месяцев — это для насекомого немало. Раз он год жил на гнилой осине, то дело не в пищевом рационе.

Покойного красного она отнесла опытному энтомологу.

Оказалось, что это «юкатанский чернотел» из семейства чернотелок, род зоферус (*Zopherus*).

— В музее у нас такого нет, и вообще в Москве вы единственный, кто держит жуков в качестве комнатных животных. Дайте нам хотя бы этого больного, бериллового.

— Нет, Валя, — вмешалась жена, — только после смерти последнего из всех; мы к ним так привыкли...

Я позвонил Газневу. У него жуки скончались еще весной, думаю, что не без участия Арсена, который ежедневно с ними играл.

Берилловый умер в сентябре 1970 года. А в октябре Надя варила айвовое варенье и положила в салатницу одну подгнившую сердцевинку и немного кожуры. Она клала им зелень и раньше, но ни овощи, ни ягоды, ни фрукты не производили на «Жуковых» никакого впечатления. Но тут, к нашему удивлению, жук буквально впился в айву. Утром мы увидели, что все края изгрызены маленькими фэстончиками. Наконец-то он на-

шел себе еду по вкусу. Уже через неделю он был неузнаваем. Движения стали быстрыми, проявились прежнее любопытство и даже воинственность.

Уже давно жуки утратили некоторые инстинкты. Они совсем перестали бояться рук. Наоборот, в холодное время сами лезли на ладонь и под рукав. А на столе мы устраивали игры. Перед жуком начинали шевелить пальцем и одновременно уводить его в сторону. Жук послушно бежал за рукой, стараясь ее ухватить. Когда это удавалось, он залезал на палец и крепко обнимал его, как сучок дерева, всеми шестью лапками. Запасы айвы хранятся на холоде, между дверьми на балконе. Думаю, что их хватит до весны.

Пока синий жив, я часто с ним «общаюсь», и в такие минуты Мексика возникает в памяти, как будто я еще там: среди улыбчивых ранчерос, на берегу космически огромного океана, у Юкатанских рыбаков-майя и, конечно, среди друзей, которые напоминают о себе короткими письмами и оттисками новых статей.

ПРИМЕЧАНИЯ

I

¹ Наука о процессах отложения осадков.

² 12,5 мексиканских песо = 1 доллару США.

³ Смонтированные вместе аэрофотоснимки какого-либо района имеют вид (и называются) мозаики, так как их края приходится обрезать по неправильным линиям при подгонке контуров.

⁴ Пересыпь отгораживает отдельные заливы и не особенно длинна; береговой бар тянется на десятки и сотни километров, почти не считаясь с очертаниями коренного берега.

⁵ «Почти равнина». Геоморфологический термин для обозначения выровненных пространств.

⁶ Владельцы и работники кокосовых плантаций.

⁷ Дорогая марка американских сигарет.

⁸ Сельскохозяйственный рабочий.

⁹ Прочная, прямо срезанная доска на корме шлюпки, на которой крепится подвесной мотор.

¹⁰ Определение соотношения изотопов углерода, из которых один (C_{14}) распадается со скоростью, не зависящей от внешних условий.

¹¹ Красители, испускающие свет при облучении ультрафиолетовыми лучами. Ими покрывают частицы песка и прослеживают пути их движения. Метод разработан учеными СССР.

II

¹ Основная масса извергалась несколько тысяч лет назад, но небольшие излияния происходили даже в XV в.

² На базарах в Центральной Мексике продают куски извести чистой для жевания людям, а погрязнее — в корм скоту и птице.

³ Большой кусок шерстяной материи с вырезом для головы посередине. Носится вместо плаща. Национальная мексиканская одежда.

⁴ Семейство древовидных кактусов с крупными округлыми «листьями».

⁵ Минеральные краски — бурая и темно-красная.

⁶ В этом штате есть городок Москва.

⁷ Туристский домик на шасси с колесами.

⁸ Промежуток между двумя возвышенностями (топогр.).

⁹ Презрительная кличка приезжих из США.

¹⁰ В 1848 г., после грабительской войны, США оттягали у Мексики больше половины ее территории. В 1853 г. под угрозой новой интервенции Мексика была вынуждена уступить США еще 140 тыс. кв. км.

¹¹ Работники ранчо (сельскохозяйственных ферм).

III

¹ Ирригационные каналы.

² Хозяйка гостиницы.

³ Жаренные на масле кукурузные лепешки. Национальное мексиканское блюдо.

IV

¹ Совокупность организмов, живущих в определенных условиях.

² Ветровое развевание.

³ Условный знак, обозначающий населенный пункт.

⁴ Большой универсальный магазин с самообслуживанием (буквально: сверхрынок).

⁵ Большая морская черепаха.

⁶ Чапараль (чапарраль) — заросли кустарников и низких деревьев, среди которых много колючих.

⁷ М. Волошин — известный поэт; К. Богаевский — известный художник-пейзажист. Оба работали и жили в Коктебеле (ныне Планерское).

⁸ Берегоукрепительные сооружения в виде коротких моллов, задерживающих движущиеся вдоль берега или искусственно загружаемые наносы пляжа.

⁹ Буквально «полка» (англ.). Плоская, сточенная волнами поверхность породы у берега, не прикрытая наносом.

¹⁰ Мелкие земельные собственники, объединенные в кооперативы.

¹¹ Ph (пи эйч) — разговорное «доктор философии». Ученая степень в науках, соответствует примерно нашей кандидатской.

V

¹ Тихоходный поршневой гидроплан производства США.

² Широкое выпуклое окно для бокового обзора с самолета.

³ Прибор для рассматривания пары смежных аэрофотоснимков, дающий объемный эффект.

⁴ Торможение потока наносов, идущего вдоль берега, всегда приводит к аккумуляции. В данном случае волны малой энергии дают эффект торможения.

⁵ Одинаковый по всем направлениям.

⁶ Ландшафтные единицы морского дна со свойственными им отложениями.

VI

¹ Бродяга (англ.).

² Калифорнийская одностворчатая устрица (халиотис). Раковина до 20 см длины, зеленая, с несколькими отверстиями по бокам. Из створок раковины делают украшения (брошки, серьги и пр.).

³ Разложение в теплом и влажном климате минералов, содержащих железо и алюминий. Они превращаются в гидраты окислов. Железо дает ярко-красную окраску.

⁴ Ф. Шипард. Геология моря. М., 1951 (русский перев.).

⁵ В. В. Лонгинов. Динамика береговой зоны бесприливных морей. М., 1963.

⁶ Г. Мак-Кормик, Т. Аллен, В. Янг. Тени в море. Л., 1968.

VIII

¹ В. Зенкович. В дальнем синем море. М., 1969.

² Радиальные желобы вниз по откосам вулкана, созданные потоками лавы и движением крупных вулканических глыб.

³ Так называемые неправильные ежи отряда клипеастроидея. Они асимметричны, плоски и имеют прочную известковую скорлупу.

⁴ Один из мысов северной Кубы, где эта формация была наиболее полно описана.

⁵ Когда портовые молы пересекают поток наносов, то волны уносят пляж с той стороны, которая лежит вниз по ходу потока, то есть «под ветром».

⁶ Аккумулятивная форма (одиночная или двойная), соединяющая остров с материком или другим островом.

⁷ С большим содержанием полевых шпатов.

⁸ Испанский дворянин.

⁹ Там, где происходит сильное выделение газа из земли, его зажигают, чтобы не отравлять воздух и не вызвать опасности взрыва.

¹⁰ В. Г. Ульст. Морфология и история развития области морской аккумуляции в вершине Рижского залива. А Н Латв. ССР, 1957.

¹¹ Воды с большим содержанием карбоната кальция (известн).

¹² Это значит, что глубина увеличивается на 2,7 м на расстоянии в 1 км.

IX

¹ Макс Фриш. Номо Faber. «Иностранная литература», 1966, № 4; Мишель Пессель. Затерянный мир Кинтана-Роо. М., 1969.

² Морская трава. Крупная цветковая водоросль, аналог нашей зостеры.

³ Многоэтажное строение.

⁴ После англо-франко-испанской интервенции 1861 г. была образована марионеточная Мексиканская империя с Максимилианом Габсбургом во главе. Она просуществовала до 1867 г. и была свергнута.

⁵ Название одного из дорогих ресторанов Парижа.

⁶ Сизаль — грубое волокно, получаемое из вида агавы хенекен. Используется преимущественно для капатов.

⁷ Сплошное ограждение из свай, имеющих продольные выступы и пазы, входящие друг в друга.

⁸ Вертикальная стенка в полосе прибоя вызывает отражение волны и снос пляжа в море (частично или полностью).

⁹ Мшанки (Бриоза) — небольшие колониальные морские животные, прикрепленные во взрослом состоянии к твердому

субстрату на дне. Прикрепленными являются также кораллы, некоторые моллюски, асцидии и др.

¹⁰ Карстовый рельеф образуется в результате размывания известняков поверхностными водами. Последние просачиваются по трещинам, расширяют их и образуют воронки, подземные пещеры и другие формы.

¹¹ Класс организмов (оболочники) в виде прикрепленных к субстрату мешков яркой окраски.

¹² Дыхательная трубка, выведенная над головой пловца, чтобы он мог плыть, погрузив голову и осматривая дно.

Х

¹ Остаточная почва, образующаяся на поверхности при растворении известняков. Обычно имеет красноватый цвет.

² Местное название открытых цилиндрических карстовых воронок, в которых содержится вода, пригодная для питья.

³ Буквально: «воздушный подъемник» (англ.).

⁴ «American Journal of Science» и «Science Progress» — названия распространенных американского и английского научных журналов.

ОГЛАВЛЕНИЕ

I. В страну лагун и вулканов!	3
II. Приготовиться . . . Внимание . . . Старт!	32
III. Дельта Рио-Майо	60
IV. Жизнь в Уатабампо	89
V. Сага об удлинённых акваториях	120
VI. С Эстелой по следам Кёррэя	147
VII. Элегантный университет	176
VIII. Вдоль берегов Мексиканского залива	195
IX. Здравствуй, старый черт Карибское море!	234
X. До новых встреч, друзья!	266
Примечания	289

Зенкович В. П.

З-56 **Меж двух океанов. М., «Мысль», 1972.**
294 с. с илл.; 9 л. илл.

Автор — известный оксаноолог, был участником двух экспедиций, изучавших морские берега Мексики. Он повидал места, где до него не часто бывали советские ученые, — Калифорнийский залив, полуостров Юкатан и др. Огромный фактический материал, собранный им в экспедиции, и личные впечатления легли в основу этой интересной книги, рассказывающей об экспедиционных буднях, об экзотической природе глухих уголков Мексики, о жизни и быте населяющих ее людей.

2-8-3
178-72

551

Зенкович, Всеволод Павлович

МЕЖ ДВУХ ОКЕАНОВ

Редактор *С. Н. Кумкес*

Младший редактор *Т. И. Кондрашова*

Художественный редактор *В. И. Суриков*

Технический редактор *С. П. Лебедева*

Корректор *Т. М. Шпиленко*

Сдано в набор 7 февраля 1972 г. Подписано в печать 9 июня 1972 г. Формат бумаги 70×100¹/₃₂, № 1. Усл. печатных листов 12,845 с вкл. Учетно-издательских листов 15,97 с вкл. Тираж 50 000 экз. А08528. Цена 1 руб. 01 коп. Заказ № 2718.

Издательство «Мысль».
117071. Москва, В-71,
Ленинский проспект, 15.

Ордена Трудового Красного Знамени
Первая Образцовая типография имени А. А. Жданова
Главполиграфпрома Государственного комитета
Совета Министров СССР по делам издательств, полиграфии
и книжной торговли.
Москва, М-54, Валовая, 28.

1 р. 01 к.

